КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXI.

1903 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 16 мая 1903 года.

Украинскія колядки.[1]

Богогласникъ же отцовъ-базиліанъ является, до самаго последняго времени,—въ нѣкоторомъ отношеніи вдохновителемъ нашихъ колядниковъ. Мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ лично, въ моей, такъ сказать, этнографической практикѣ, при чемъ фактъ руководства со стороны колядниковъ богогласникомъ подтвердился именно документально.

Мнѣ пришлось, вскорѣ послѣ того какъ я поселилась на Волыни, проводить первые дни Рождества въ м. Полонномъ [2]) Тамъ я услышала, между прочимъ, колядки, которыя мнѣ показались очень странными, какъ будто книжными (съ выраженіями «тріе цари», «Хрысте́ добротлывый» и пр.); я стала распрашивать компанію колядниковъ, хлопцевъ мѣщанъ, что это у нихъ за колядки? откуда такихъ научились? Они съ гордостью отвѣчали мнѣ, что у нихъ «така кныжка есть»; на мое желаніе посмотрѣть книжку и на просьбу принести её въ домъ, гдѣ я гостила, отвѣчали уклончиво... Однако, благодаря мѣстному жителю Е. И. Щербицкому-Мыкыташу, мнѣ удалось получить на нѣсколько дней интересовавшую меня книгу. Это и былъ «богогласникъ», котораго я до того времени еще никогда не видала и о которомъ, признаю́сь, въ то время вовсе даже не слыхала... Къ сожалѣнію, я не помню, какое это было изданіе, но книга была «на видъ» очень старинная и похожа была на молитвенникъ, продолговатый, толстый. Богогласникъ почаевскій, который есть

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 4.

[2]) Старомъ, теперь огромномъ гнѣздѣ, упоминаемомъ въ думѣ времени Хмельницкаго.

теперь въ моемъ пользованіи (1790 г.), формою своею на тотъ не похожъ, но содержаніе въ немъ, кажется, такое же, по крайней мѣрѣ тѣ, правда не многія выписки, которыя я успѣла тогда сдѣлать изъ полонской «книги», совпадаютъ съ текстомъ богогласн. 1790 г. Когда я сличила свои полонскія записи колядокъ [1]) съ полонскою же «книгою», то увидѣла что онѣ очень близко изъ нея заимствованы, но содержатъ и отклоненія отъ «книги»,—фонетическія измѣненія, пропуски цѣлыхъ строфъ и даже сочетанія двухъ колядокъ-псальмъ въ одну (начало одной и конецъ другой). Почему пѣвцы поступали такъ, я не знаю... Можетъ быть, они пропускали то, что труднѣе:—такъ, изъ моей записи того, *что пѣлось*, выходитъ, что полонскіе колядники, въ колядкѣ «Предвичный родывся», пропустили слѣд. строфы:

Гдѣ Сына породила Панна,
Падаетъ въ Ефесѣ Діанна,
Познай бога, храмино,
Веселыся, дружыно,
Христова.
Иродіяне вси смутятся,
Въ Египтѣ балваны крушатся,
Ангелъ во снѣ сказуетъ,
Же ся Иродъ готуетъ,
На Христа [2]).

Много мнѣ пришлось послѣ того слышать колядокъ «божественного» типа,—очевидно, происходящихъ изъ того же источника: «кныга» больше не попадалась, но отголосокъ ея узнавала я всегда, какъ бы ни былъ измѣненъ текстъ ..

---

1) Трехъ помѣщаемыхъ ниже колядокъ.

2) Эти строфы находятся во всѣхъ изданіяхъ богогласника. Упоминаніемъ о паденіи «Діанны въ Ефесѣ» и «балвановъ въ Египтѣ» издатели-иноки желали напомнить книжное преданіе о томъ древнемъ пророчествѣ Сивиллы, по которому при рожденіи Христа падутъ—храмъ Діаны и статуи языческихъ божествъ. Гдѣ объ этомъ знать колядникамъ-селянамъ!..

Въ виду этого, Богогласникъ (не въ новѣйшихъ сокращенныхъ изданіяхъ, а въ старыхъ, отъ 1790 г.) кажется мнѣ памятникомъ въ высшей степени интереснымъ. Онъ содержитъ въ себѣ собраніе набожныхъ пѣсенъ на всѣ главнѣйшіе праздники года, а также нравоучительныя пѣсни и пр. Любопытно, что несмотря на изданіе этого сборника въ Почаевѣ монахами-«базыліанами» и «Towarzystwa Jezusa», когда монастырь былъ еще уніатскимъ, въ книгѣ совсѣмъ нѣтъ преобладанія «латинства» и «польщизны», напротивъ: въ сборникѣ всего три псальмы по латыни, 27 по польски и 114 псальмъ на славянскомъ языкѣ, съ примѣсью не польскихъ, а малорусскихъ словъ. Псальмы всякаго рода, ходившія въ спискахъ, были собраны и поправлены, о чемъ прямо и говорится въ предисловіи: «егда писменемъ отъ единаго другому пѣвцу предаватися начаша, тако повредишася, яко не удобна разумѣнія своего возъимѣха». Къ инымъ сочинена мелодія, другія совсѣмъ на-ново сочинены, при чемъ выставлено имя автора («творецъ»—такой-то). Такимъ образомъ, весь поданный матерьялъ псальмъ вышелъ, по словамъ предисловія, «аки снѣдь иными смаками утвореная, аки потемненное сребро искушено же огнемъ». (Жаль, что отцы не оставили хоть нѣсколько образцовъ еще не «искушенныхъ»!). Впрочемъ, по сравненію съ нѣкоторыми псальмами въ другихъ сборникахъ, главнымъ образомъ подправлялся языкъ, а не самое соедержаніе; конецъ псальмы измѣнялся больше, (съ придаваніемъ ему болѣе богословскаго характера), начало же оставлялось,—должно быть, для того, чтобъ напоминать музыкальный мотивъ, къ которому привыкли. Въ смыслѣ виршевого искусства, псальмы отдѣланы очень искуссно: разнообразные размѣры, хорошія риѳмы, есть даже акростихи (изъ которыхъ выходятъ имена авторовъ). Не смотря на передѣлки согласно «инымъ смакамъ», все таки нѣкоторыя псальмы Богогласника сохраняютъ большую простоту и наивностъ;—напр. въ одной рожд. пѣснѣ Богогласника поется:

Слава наша лежитъ днесь на сини, во яскини,
... Богъ Агнѐцъ и Юнѐцъ всѣмъ пожаданный.

Радость многа! Мусикія--ра! ра! ра!
Свирѣль красна—тра! тра! тра!
Малому, вѣчному
Рожденну Царю.
Веселятся голубицы: охъ! охъ! охъ!
Ины птицы: тіохъ! тіохъ! тіохъ!
Радость всѣмъ, и миръ Тѣмъ
На многа лѣта!

Но за то есть въ Бог., по выраженію одного колядника, «дуже круто» сочиненныя псальмы, какъ объ этомъ можно судить изъ отрывковъ, приведенныхъ выше. Повидимому, искуссная версификація часто была въ ущербъ простотѣ, понятности и чувству. Въ болѣе простыхъ стихахъ Богогл. встрѣчаются слова малорусскія:—«зори, зрада, спивы, смутный, прытуляты, выхваляты, ягната, немовлята», но въ общемъ языкъ—церковно-славянскій, довольно строго выдержанный. Есть слова рѣдкія, какъ звѣздàрь [1]), владáрь [2]), моцáрство [3]). Однимъ словомъ, это языкъ «вѣршей», который лишь иногда какъ бы обмолвится своимъ народнымъ словомъ... Выписываю еще одну «чернечу» колядку,—почаевскихъ отцовъ-базиліянъ: (Богогл. 1790 г.), при чемъ напомню о предположеніи, что буква *ѣ* произносилась по малорусски, за *и*; многія риѳмы стиховъ богогласника это доказываютъ: «ангеловъ лики»—«на вѣки», «ланиты»—«совѣты», «знаменитъ»—«завѣтъ» и т. п. Поэтому въ слѣдуюшей виршѣ изъ Богогл. (впрочемъ, только въ одной этой) измѣняю транскрипцію *ѣ* на *и*:

Пѣснь на Рождество Христово.

Стань, Давиде, съ гуслями,
Брящай писни со нами!

---

1) Это слово есть въ словарѣ Беринды, 17-го в., служитъ тамъ для перевода славянскаго слова «звѣздочетецъ».

2) Въ Пересопн. еванг., и у Беринды.

3) «Перло многоцѣнное», Транкв.

Припѣвъ:

Христу Рожденному и́граймо
И весело спиваймо,
Граймо, спиваймо,
Спиваймо, граймо,
Днесь во Рождестви его,
Яко Творца нашого,—
Выхваляймо!

Солнце, луна и зори,
Свитяще съ высшей го́ры,
Христу Рожденному граймо...
Воды превысше небесъ,
Шумяще вмисто словесъ,—
Христу Рожденному граймо!
Огнь, градъ, бурніе духи,
Гласяще всимъ во слухи,—
Христу Рожденному граймо...
Горы, земля и холмы,
Скачуще со юдольми,—
Христу Рожденному граймо...
Князи людей, царіе,
Скоты, гады, звиріе,—
Христу Рожденному граймо...
Юноши, старцы литни,
Дивыци младо-цвитни,—
Христу Рожденному граймо...
И весело спиваймо!...
Днесь во Рождесви его,
Яко Творца нашого,—
Выхваляймо!

Въ отдѣлѣ псальмъ, названныхъ «покаянными» и «умилительными», есть нѣсколько очень теплыхъ. Это все размышленія о смерти... Все на тему—«земля еси и въ землю отъидешь». Старая и вѣчно новая тема! Въ какое бы время ни жилъ человѣкъ,

на какой бы степени культуры ни стоялъ,—съ трепетомъ глядитъ онъ въ раскрытую, уже близкую могилу и съ «жалемъ» оглядывается на прожитую жизнь, сколько ни увѣряетъ себя, что все на этомъ свѣтѣ—одна только «марность», vanitas vanitatum... Все это есть въ послѣднемъ отдѣлѣ почаевскихъ псальмъ, одна изъ которыхъ такъ и названа:—не «пѣснь», а «жаль»; этотъ «жаль» («Ахъ ушли-жъ мои лита»...) и другой—(«Кажуть люде, же я умру, а я хочу жыты»)—принадлежатъ къ лучшимъ въ сборникѣ и приводятъ на память слова П. И. Житецкаго, открывшаго, что и въ «мертвой»,—какъ говорили, совершенно «бездушной» виршевой литературѣ— была душа[1]); онъ реабилитировалъ съ этой стороны виршу; открытыхъ имъ строкъ, такихъ какъ «Годи вамъ шумиты, зеленыи лугы, годи млиты серцю моему зъ несноснои тугы» и т. д. нельзя забыть, такъ онѣ трогательны и своеобразно красивы. Но эти прекрасныя вирши— тоже передсмертный жаль... Замѣчательно, что въ серьёзной литературѣ виршей[2])— именно въ этихъ, «*покаянныхъ*» виршахъ получалъ найбольшее право гражданства народный языкъ. Зачѣмъ по преимуществу въ келейныхъ элегіяхъ о смерти!..

Псальмы о «марности свѣта», помѣщенныя въ богогласникѣ, поютъ волынскіе лирники[3]); а молодежь поетъ его колядки-вирши. Мнѣ кажется, что всякому записывающему колядки непремѣнно слѣдуетъ подробнѣе познакомиться съ богогласникомъ; это устранитъ въ его работѣ нѣкоторыя недоразумѣнія: такъ напр. кто нибудь изъ этнографовъ-записывателей встрѣтитъ въ колядкѣ спутанный обрывокъ о «Діанѣ» или «Гехвесѣ»[4]) и подумаетъ, что это отраженіе «классическаго вліянія»,—«калѐнднаго»,—или какого нибудь «апокрифа», средневѣкового сказанія, стараго книж-

---

[1]) «Мысли о думахъ».

[2]) Комическую я ставлю особо,—тамъ народный языкъ считался иногда подходящимъ для содержанія «смѣшного»...

[3]) Недавно г. Гнатюкъ опубликовалъ въ Зап. Тов. Им. Шевч. довольно много псальмъ на ту же тему, записанныхъ вообще отъ народа.

[4]) Стихъ, кот. я цитировала («Падаетъ въ Ефесѣ Діана»)

наго памятника; между тѣмъ, это будетъ если и *классическое*, или *книжное* вліяніе, то самое новѣйшее, воспринятое м. б. въ тотъ же годъ (какъ пѣлась колядка)—изъ холмскаго богогласника, (напечатаннаго въ типогр. Кіево-Печ. Лавры въ 1885 г.), купленнаго, напр. въ бытность на богомольѣ въ Кіевѣ, въ лаврской книжной лавочкѣ [1])... А что эта книжка, вмѣщающая въ себѣ и колядки, имѣетъ ходъ, доказывается тѣмъ, что она выходитъ уже 2-мъ изданіемъ. Это очень сокращенная (и потому дешевая) перепечатка стараго почаевскаго Богогласника, съ соблюденіемъ того же языка: («Иродъ лютый тое чуетъ, приказъ даетъ, декретуетъ». Или: «И принесши во храмину, на колѣна падоша»)... Тотъ же неуклюжій и мало понятный для простолюдина нашего языкъ, изъ котораго если что и выброшено, то именно—нѣкоторыя слова малорусскія; въ этомъ отношеніи оказывается, что даже «ополяченные» уніаты и «заядлые» езуиты, издатели старыхъ богогласниковъ, были терпимѣе и милостивѣе къ народному языку, чѣмъ холмское православное Братство, которое въ своемъ новомъ изданіи уніатскаго богогласника выбрасываетъ такія слова: «для зрады», «умерты», «створитель», «вельми» [2]); вмѣсто же этихъ словъ поставлено—«для смерти», «умрѣти», «Творецъ», «весьма», («Діаны» же, «египетскіе балваны»—остались).

Но не смотря на неуклюжій и странный языкъ, книжка раскупается и колядки «богогласниковъ» имѣютъ большое распространеніе въ народѣ. Этому есть много причинъ и я остановлюсь на нихъ подробнѣе, такъ какъ онѣ имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашему предмету. Прежде всего нашихъ колядниковъ манитъ нѣкоторая примѣсь простыхъ словъ и выра-

---

[1]) Не называю именъ, но подобныя недоразумѣнія уже и случались, поэтому думаю, что предупрежденіе не лишне.

[2]) Любопытна участь этого слова: почему-то нѣкоторые засчитали его польскимъ, между тѣмъ какъ именно *этого* слова польская рѣчь *не* употребляетъ; «вельми»—есть старинное *южно-русское* слово. Почему его должно замѣнить «весьма»—не понятно.

женій («мати дитя притуляетъ», «сердце умлѣваетъ» и т. п.) которыхъ еще не вытравили даже и новѣйшіе издатели. За тѣмъ очень большое значеніе имѣетъ то, что текстъ старыхъ и новыхъ богогласниковъ укрѣпляется старинными музыкальными мотивами, очень красивыми; развѣ не случается и намъ запоминать слова самаго неуклюжаго текста, изъ романса, или опернаго либретто, если намъ нравится музыкальный мотивъ, на который эти слова поются?

Очень большое значеніе имѣетъ еще и то, что только пѣніе «божествéнныхъ» колядокъ еще кое-какъ терпимо особами, имущими власть надъ колядниками и гонящими самый обычай колядованія. А этихъ лицъ, враждующихъ съ колядкою, много: прежде всего сельскіе священники. Хотя съ 11-го вѣка прошло довольно времени, но призракъ «бѣса Коляды» по видимому еще не исчезъ—въ ихъ глазахъ... Съ нимъ же борятся и другія лица, включительно до урядника, который борется не только вѣсъ имѣющимъ словомъ, но въ добавокъ и дѣйствіемъ,—тоже очень вѣскимъ и внушительнымъ!.. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ получается соизволеніе на хожденіе колядовать «на церкву»,—тогда ужъ колядники ходятъ «не крыючысь», но, разумѣется, поютъ «божествéнныхъ». А собственно говоря, что̀ такое ужасное и не христіанское можно видѣть въ томъ, если колядники пропоютъ въ домѣ добрыхъ сосѣдей хотя бы и старинную колядку,—если напр. они пропоютъ дѣвушкѣ, будто передъ ея красою «паны шапкы знимають», если пожелаютъ «господарю» удачи, урожая, провести святки въ добромъ здоровьи,—«изъ мылымъ богомъ, изъ усимъ родомъ»?.. Но это—«не порядокъ»; при томъ, многимъ претитъ само это «мужицкое», малорусское слово въ колядкахъ.

Такимъ врагомъ малорусскаго слова въ колядкѣ—является и школа. О положеніи этого дѣла въ сельской школѣ можно судить по тому, какъ оно стоитъ въ большихъ центрахъ,—дающихъ тонъ «медвѣжьимъ угламъ». Въ г. Кіевѣ, устроители школьныхъ рождественскихъ «утръ» и «живыхъ ёлокъ» вотъ ужъ года три какъ завели обычай, чтобы дѣтскій хоръ колядовалъ: (очевидно, обычай колядокъ у насъ слишкомъ могучъ и поистинѣ—«невми-

рущій!»). Казалось бы, если ужъ такъ, то чего проще: дать дѣтямъ разучить народную колядку,—кстати есть прекрасное изданіе колядокъ, положенныхъ Н. В. Лисенкомъ на ноты, съ выборомъ лучшихъ мотивовъ и даже раскладкою на голоса; но г.г. кіевскіе педагоги берутъ текстъ—«новѣйшагэ» духовнаго пѣсенника, богогласника [1]), въ которомъ есть даже такіе перлы: «Иродъ весьма засмутился» [2]) (вмѣсто стараго—Иродъ *съ того* засмут.). Еще и этого показалось мало и—кіевскіе руководители юныхъ колядниковъ еще ревностнѣе пріуготовляютъ текстъ «иными смаками», въ сторону его «благопотребности» или обрусѣнія; изгоняютъ даже слово «якъ»,—(допускаемое въ Холмѣ),—замѣняютъ его словомъ «какъ».. Въ результатѣ дѣти (ученики и ученицы кіевскихъ народныхъ училищъ и даже гимназіи) «колядуютъ»: «Нова радость стала, кака не бывала», или «какъ на небѣ хвала»... «ангелы спѣваютъ»... «какъ человѣкъ передъ Богомъ убогоповился»... «Иродъ весьма засмутился» и т. п.

Конечно, если даютъ пѣть такой текстъ, то это дѣлается «ad animam salvandam» учащихся кіевскихъ дѣтей; но удивительно все-таки одно: вѣдь руководителями участвующихъ въ школьныхъ «утрахъ» и «ёлкахъ» бываютъ обыкновенно учащіе, б. м. учителя русскаго языка и словесности, у которыхъ художественный вкусъ долженъ бы быть особенно развитъ;—неужели же имъ не претитъ та безвкусица и комично-пестрая мѣшанина, которую они даютъ пѣть дѣтямъ? Вѣдь это даже не по-русски,—это только уродливо! «Спѣваютъ», «весьма засмутился»—такъ говорятъ теперь только лакеи «изъ малороссовъ».

Я даже думаю, что это уже—ревность не по Бозѣ... Такого ужъ никто и не требуетъ.—Можетъ показаться, что я захожу въ постороннюю область, педагогію; но въ данномъ случаѣ педагогическая практика имѣетъ непосредственное отношеніе къ моему предмету, такъ какъ вліяетъ на эволюцію колядокъ; поэтому я и заношу относящіеся къ дѣлу факты на страницы исто-

---

[1]) О которомъ сказано выше, или м. б. еще какой-ниб. болѣе новый.

[2]) Богогласникъ, изданія Холм. Брат. стран. 11.

рическаго журнала: они многое разъяснятъ будущему (да и настоящему) историку въ судьбѣ колядокъ.

Такъ колядуютъ на школьныхъ торжествахъ въ Кіевѣ; а что́ поютъ въ подобныхъ случаяхъ наши сельскіе школяры,—легко угадать, зная съ какою ревностью (достойною лучшаго примѣненія) ведется сраженіе въ нашихъ сельскихъ школахъ съ народнымъ языкомъ.

Текстъ богогласниковъ порождаетъ массу искаженій. Любопытно для этнографа и даже для филолога наблюдать ту отчаянную борьбу, которую ведетъ малоруссая фонетика и народная мысль съ чуждыми элементами слова и мало понятнымъ содержаніемъ, съ затѣйливыми формами, оборотами церковно-славянскаго языка и виршевого искусства. Очень часто усилія колядующихъ, перенимающихъ текстъ одинъ отъ другого, «съ голосу», и старающихся проникнуть въ смыслъ его—бываютъ безуспѣшны; получаются такія искаженія, что съ трудомъ можно записать то, что поютъ... Получается иногда просто безсмысленница. Это явленіе случалось наблюдать не только мнѣ:—на страницахъ К. Ст. не разъ помѣщались указанія на это обстоятельство (замѣтки г.г. Бѣньковскаго, Милорадовича и др.), такъ какъ этнографъ, уважающій свою науку, не станетъ скрывать такихъ фактовъ.

Искажаются имена, отдѣльныя слова, цѣлыя выраженія,—по созвучію ихъ съ знакомыми словами: вмѣсто ливанъ—Иванъ, главанъ, вмѣсто дадоша—ноша, вмѣсто кринъ—хринъ и т. д. Иногда поющіе силятся придать какой-нибудь смыслъ непонятному набору словъ и потому выходятъ напр. такія странности: вмѣсто:—«Во утробу Дѣвыя Слово вселися» (Богогл.)—утромъ у дѣвы вси веселымся»...

Или

«Цари дають дары, злото,

Иванъ смырный—срибло»... (ливанъ, смирну, злато)...

Есть въ Богогласникахъ (во всѣхъ) злополучное выраженіе: о младенцахъ, убитыхъ Иродомъ, говорится [1]):

---

[1]) Въ колядкѣ «Видѣ Богъ, видѣ твовецъ»...

«Праведныи, якъ финики, (sic)
Процвѣтаютъ на вѣки» (будутъ жить въ небѣ).

Имѣю смѣлость предположить, что многіе изъ моихъ читателей, не узнавая давно знакомаго слова въ фонетикѣ базиліянъ, будутъ недоумѣвать, что это за „финики", чего они сюда попали?.. Я думаю, что финики означаютъ—фениксы: должно быть, отцы-базыліяне хотѣли символически выразить ту мысль, что убитыя дѣти—какъ *фениксъ* возродятся для новой жизни въ небесахъ. Не будучи знакомы ни съ фениксомъ, ни съ финиками,—въ какомъ бы то ни было смыслѣ,—колядники селяне поютъ: «фигурныкы», «ехвендрыкы» и т. д. Одинъ разъ мнѣ попалось такое искаженіе этого слова, изъ котораго вышелъ даже подходящій смыслъ:

Праведныи мученыкы
Будуть за насъ «*офирныкы*».

(Т. е. принесутъ себя въ жертву за насъ). Вышло даже какъ будто лучше...

Чтобы не показалось, что именно *мнѣ* попадались такія странныя искаженія, я сдѣлаю слѣдующія выдержки, напримѣръ, изъ сборн. Чуб., (стр. 365. т. Ш):

Благовистный [1]) въ Назарети!
... Владыко въ Вехлееми...
Тверды вразтай иды [2])
Нызько ходыть Боже сонце
Въ дивыченськіи лози [3]).
Рада-бъ она осіяты,
Весь свитъ просвичаты...
... И прынисшы *орнамента* [4]),
На колинця впадають.

---

[1]) Благовѣствуй.
[2]) Отверзи врата Эдема.
[3]) Незаходимое солнце имѣло возсіяти отъ Дѣвы.
[4]) И принесше во храмину.

Тамъ же, на страницѣ 359:

Исусу Хрысту дары:
Лымонъ, смырну ище й злато и т. д.

Тамъ же, на стр. 333:

Выплакала за насъ гришныхъ въ Каменци-Подольску,
Тры-красна панна зъ высокого маку (sic).

Такъ бьется мысль колядниковъ, желая добраться до смысла непонятнаго текста. Пожалуй, скажутъ:—Но какъ можетъ народъ пѣть такую безсмыслицу? и развѣ ужъ такъ непонятенъ славянскій текстъ?—Значитъ, непонятенъ. По «корнямъ» народъ не умѣетъ разбираться и потому не узнаетъ напр. въ словахъ «класъ», «млатъ»—колосъ, молотъ; сбиваетъ его и звуковая чуждость флексій, приставокъ: *отверзи*, *дадоша*, *произниче* и т. д. А то обстоятельство, что народъ поетъ искаженный текстъ,—тоже не удивительно: этотъ текстъ, этотъ жанръ,—единственный дозволяемый и даже иногда рекомендуемый; если что и кажется странно, то колядники, пожалуй, тоже думаютъ: «можетъ быть, оно тамъ такъ и нужно!»... Вѣдь это «божествéнне», въ родѣ молитвы,—а развѣ текстъ молитвъ такъ ужъ понятенъ? Развѣ не говорятъ съ умиленіемъ:—«блажы, дытя, Богородыцю»?.. (вмѣсто «блажити тя»)...

Народъ желаетъ пѣть колядки иного тона, чѣмъ старыя веснянки, у него явились уже запросы иные, онъ желаетъ почтить Рождество *Христа*—«*набóжною*» пѣснею [1]). Сколько можетъ, народъ приспособляетъ прежнія колядки; какъ новый «благопотребный» текстъ рождественскій, ему даютъ—то, что мы видѣли, т. е. вмѣсто хлѣба—камень, да еще какой твердый!

Но обычай колядовать слишкомъ силенъ, а пѣсенное творчество нашего народа тоже сильно, настолько сильно, что оно и камни перевариваетъ, перетворяетъ ихъ все-таки въ пѣсню,—въ которой вы узнаете все ту-же малорусскую пѣсню, какою мы ее знаемъ въ ея неиспорченныхъ образцахъ.

---

[1]) Г. Сумцовъ и другіе совершенно вѣрно указываютъ, что это—преобладающая теперь тенденція колядованья.

Среди многихъ искаженныхъ «набóжныхъ» колядокъ находимъ все-таки много прекрасныхъ образцовъ, которые, будучи соединяемы съ величественными и красивыми мелодіями,—(совершенно въ малорусскомъ духѣ),—являются достойнымъ выраженіемъ приподнятаго душевнаго настроенія колядующихъ. И, конечно, нельзя не пожалѣть, что бѣдная колядка встрѣчаетъ столько препятствій, гоненій и такихъ деспотически услужливыхъ—друзей!

Какія прекрасныя произведенія (даже «въ настоящее время»), могло бы дать, и въ этой области, пѣсенное творчество нашего народа, еслибы оно развивалось свободно, еслибы не пріучали народъ смотрѣть съ презрѣніемъ на его слово.

Конечно, на языкѣ чуждомъ творить трудно (на языкѣ лакейскомъ тоже еще небыло создано поэтическихъ произведеній даже и въ болѣе интеллигентныхъ сферахъ); но когда народъ отбрасываетъ стѣсняющіе его элементы слова, онъ творитъ.

Предлагаемые ниже образцы представляютъ именно результатъ усилій колядующихъ создать осмысленныя «набóжныи» пѣсни Риздву.

Я уже говорила, какіе способы онъ для этого употребляетъ: одни элементы выбрасываются, другіе берутся; подставляются, какъ мозаиковые камушки, мѣста изъ старыхъ пѣсенъ, добавляются новыя вставки, пожеланія и т. д.

Можно было бы дать и больше образцовъ въ этомъ отдѣлѣ, но я не сборникъ колядокъ издаю, а лишь даю для каждаго ихъ типа характерные образцы.

Эта глава, касающаяся колядокъ-виршей (т. е. колядокъ все же болѣе искусственнаго типа, чѣмъ другія), или «набóжныхъ», вышла длиннѣе, чѣмъ прежнія главы; это потому, что колядки послѣдняго типа относятся къ періоду болѣе новому, связи ихъ съ разными другими элементами всё-же виднѣе и осязательнѣе, поэтому о нихъ и приходится говорить много. Къ тому-же послѣднія. «набóжныя» колядки представляютъ тотъ разрядъ, къ которому теперь преимущественно направляется народный обычай и народная мысль,—тѣмъ болѣе слѣдовало удѣлить вниманія именно этому отдѣлу.

Вотъ самые образцы. Они всѣ—волынскіе и записаны мною лично въ уѣздахъ новоградволынскомъ, луцкомъ и ковельскомъ.

№ 1.

Добрый вечеръ тоби,
Пане господарю,
Радуйся!
Ой радуйся, земле,
Сынъ Божый народывся!
Чы чувъ-есы тую
Веселу новыну,—
Радуйся...
Що у Бетлеми
Хрыстосъ народывся,—
Радуйся...
Пречыстая Дива
Его породыла,—
Радуйся...
Его породыла
Весь мыръ звеселыла,—
Радуйся...
Земля процвитае,
Сыне море грае,—
Радуйся...
Сыне море грае,
Хвалу повидае!
Радуйся!
Ой радуйся, земле,
Сынъ Божый народывся!

№ 2.

Ой на Ордани, въ недилю рано,
У вси дзвоны дзвонено,
Дзвонено.
Грай, море, грай

Въ недилю рано,
Раненько!

—

Идить мыряне, вси Ордіяне.
Витать Хрыста Господа,
Господа.
Грай, море, грай
Въ недилю рано ..
Хто грихы чуе, хай спокутуе
Ласка́вому Богови,
Богови.
Грай, море, грай...
Богъ грихы возьме, на себе прыйме,
Буде душа чыстая,
Чыстая.
Грай, море, грай,
Въ недилю рано...
Одчы́нныть тому небесну браму
До раю пресвитлого,
Свитлого!
Грай, море, грай,
Въ недилю рано,
Раненько!

№ 3.

Ой дывнее нарожденне Божого Сына,
Его-жъ бо намъ породыла Дива Марія.
Народывся Исусъ Хрыстосъ у Дивы Панны,
Нихто жъ теи не дознався Божои тайны.
Дозналыся два анголы зъ неба летючы,
Въ ясну зорю оповывшы, Хрыста несучы.
Ой спивалы жъ два анголы, Хрыста несучы,
Въ яселечка убогіи ёго кладучы.
Надъ тымъ мистомъ, надъ вертепомъ, тамъ дыво стало:
Мале дытя нарожденне свитъ осяяло.
Осяяло небо й землю, урадувало
И дыво всимъ предывнее воно зъявыло:

Що на Риздво Хрыстовее ричкы розлылысь,
Що на Риздво Хрыстовее садкы розцвилысь.
Дывуются тому люде й малыи диты,
Що розцвилысь на Рожество рожевыи квиты.
Мали диткы-пастушата витаты прыйшлы,
Ягняточко биленькее Хрысту принеслы;
И тры цари приходылы, поклонъ даючы,
Рожденному безсмертному дары несучы.
Одынъ дае срибло, злото, другый мыруе,
А третій царь зъ рожы квитку у ручку дае.
Дай намъ, Хрысте добротлывый, тее здарыты,
Щобъ зъ тобою въ царстви твоимъ на викы жыты! (Звяг.).

Кромѣ первыхъ четырехъ строчекъ, очень сходныхъ съ текстомъ польскимъ, въ дальнѣйшемъ содержаніи колядки сходства этого нѣтъ: дальше она представляетъ народную обработку сюжета, гдѣ старые образы и представленія переплелись съ новыми.

№ 4.

Нова рада стала,
Що на неби хвала,
Надъ вертепомъ звизда ясна
Увесь свитъ осіяла.
Тамъ Хрыстосъ явывся,
Въ Дивы народывся,
Сотворытель всёго свита—
Въ яслахъ положывся:
Не въ гарныхъ палатахъ,
Не въ дорогыхъ шатахъ,
А у стайни, на синечку,
Помежы быдлята.
А пречыста Маты
Его пыльнувала,
Всёму мыру щастя-доли
У Его благала.

Пастушкы зъ ягняткомъ
Передъ тымъ дытяткомъ
На колинця упадають,
Хрыста-Бога выхваляють.
Просымъ тебе, Царю,
Небесный владарю,
Даруй лита щаслывыи
Сёго дому господарю,
Пану господарю
Й пани господыни,
И старому, и малому,
Всій ёго родыни.

№ 5.

Даръ ныни пребогатый изъ неба прыйде,
Яко капля каплющая на землю впаде.
Богъ одъ Дивы чыстои на свитъ народывсь,
Яко сонцемъ праведнымъ весь мыръ освитывсь.
Яко небо яснее вертепъ явывся,
Де въ яслахъ убогыхъ Богъ положывся.
Ангoлы на крылахъ тамъ ся зблыжають,
На облаци веселыи писни спивають:
«Слава въ вышнихъ Богу», «слава Господу»...
Даруй, Боже, многи лита, хто въ дому сёму.

№ 6.

Ангелы на землю зъ неба злитають,
Голосомъ прекраснымъ писни спивають:
«Слава въ вышнихъ Едыному,
Богу зъ Дивы рожденному,
И на земли мыръ»!
А Ёсыпъ старенькый пры яслахъ стоить,
Малому дытяти пелены строить,

Маты Божая спивае,
Къ серцю сына прыпадае,
Радосте моя!
Ой Сыну мій, Сыну, райскій мій квите!
Даруй, Сыну мылый, щобъ тіи диты,
Що за тебе постраждалы,
Вично въ неби царствовалы,
Утихо моя»!
Иродъ соби пекло вичне зготувавъ,
А Хрыстосъ младенцямъ винець дарувавъ,
Же невынно постраждалы,
А зъ Нымъ радисть мыру далы
На викы виковъ!

№ 7.

Предвичный Богъ на земли вродывся,
Хотячы землю просвитыты,
Одъ темности одведе
И до свитла прыведе
Гришныхъ насъ.

—

Прывыкай, Панно, сповываты,
Прывыкай Сына пыльнуваты;
Цилу ничку свитыла,
Волю ёго чынила,
Мусила.

—

А волы надъ нымъ поставалы,
Дышучы, Его зогривалы,
Створытеля своего,
Знають Пана нашого
Й быдлята.

—

Прыбулы цари изъ дарамы,
Виталы Хрыста зъ пастухамы,
Бо всихъ звизда прывела,
Всимъ дорогу вказала
Къ Царю всихъ.

—

Новыи лита зачынае,
Новый Царь царя подолае,
Убого ся народывъ,
Богатого засмутывъ,
Ирода.

—

Ой Иродъ зъ того засмутывся,
Що Хрыстосъ на свитъ народывся,—
Казавъ его шукаты,
По всихъ свитахъ пытаты
Для зрады.

—

Йосыпе, беры-жъ ты Марію,
Избранну чыстую лелію,
Треба Хрыста сховаты,
На поталу не даты
Ироду.

Ничъ тоди мисячна прыпала,
Якъ Панна зъ сыномъ мандрувала,
Вона-жъ Его завезла,
Вона-жъ Его занесла,
Сховала.

—

Ироде, ты царю злостывый,
Ироде, ты жъ немылостывый,
Дармо диты стынаешъ,
Уже Хрыста не знайдешъ
Во викы.

—

Ироду не уподобимся,
А Хрысту уси поклонимся,
Щобъ одъ грихивъ одвертавъ,
Свое царство дарувавъ
На викы!

(Полонное).

№ 8.

Выдыть Богъ, выдыть Створытель, що весь мыръ погыбае,
Архангела Гавріила изъ небесъ посылае:
Возвистыты всимъ новыну,
И щаслывую годыну,
Що родывся Вызволытель,
Всёго мыру Спасытель.

—

Тріе цари зъ пастушками до ёго прыхожають,
Дары несуть, поклонъ дають, на колина впадають.
А злый Иродъ засмутывся,
Що царь добрый народывся,—
Свои слугы посылае,
Его смерты шукае.

—

Идуть слугы, чынять волю, диточокъ выдырають,
Немовлятокъ гострымъ мечемъ на очахъ посикають.
Лежать сыны—соколочкы
Лежать ныни якъ снопочкы,
Вы жъ, матери, не вбывайтесь,
И слизьми не вмывайтесь!

—

За своимы диточкамы перестаньте рыдаты!
— Ой якъ маю перестаты, я жалйбная маты!
Иродъ диты убывае,
Мени серце умливае,
Я жалибная маты,—
Якъ мени не рыдаты!—

—

Не плачъ, маты печальная, не вбывайся ты ныни,
Не розношуй смутни гласы по глыбокій пустыни.
Твои диты царство мають,
Немовлята въ винцяхъ сяють,
Воны въ Бога пробувають,
Тоби доли благають.

—

— Ой щожъ мени по тій доли, —я нещасная маты!
Буду плакаты, рыдаты, буду Бога благаты:
Прыймы, Боже, душу й тило,
Щобъ серденько не болило;
На щожъ мени въ свити жыты,
Якъ дитокъ не выдиты!—

(Зап. отъ лирника, въ г. Звяглѣ).

№ 9.

Цвитъ змысленный ныни розцвивсь,
Богъ на земли народывсь,
А пречыстая Марія, прекрасна лелія,
Нарождае и кохае
Сына годуе, ёго пыльнуе
У пустыни, у яскыни,
Преславно ныни.

Пастушкы тамъ прыспилы
Бога въ яслахъ узрилы,
Хрыста Бога витають, щырымъ серцемъ благають:
Прыймы виру за офиру,
Преблагый Боже, бильше не можемъ
Даривъ даты зъ биднои хаты,
Опричъ ягняты.

Тріе цари тежъ прыйшлы,
За звиздою слидомъ ишлы.
Дороги дары складають, на колина упадають,

Рожденному, безсмертному,
Богу владарю, высшому Царю
Свои троны и короны
Оддають воны,
До вертепу вси ходимо,
Зъ ангеламы прославымо,
Въ людській вроди явленного, одъ Маріи рожденного,
Бога свята, мижъ быдлята,
Выдымо ныни, въ яслахъ на сини,
Бо зъ-предвика—чоловика
Возлюбывъ Господь.

(Полонное).

№ 10-а.

Новая рада свиту ся зъявыла,
Пречыста Панна сына породыла.
У Бетлееми мисти вельмы рано
Витаты Пана пастырямъ казано.
Ясная звизда зъ вечора сіяла,
Царямъ звиздарямъ шляхъ показувала.
Принеслы ёму дары, срибло-злато,
Достануть плату небесную за-то.
Иродъ злослывый зъ того засмутывся,
Що Царь предвичный на свитъ народывся;
Наказавъ слугамъ Хрыста одшукаты,
Дволитни диты у-пень постынаты.
Малыхъ немовлятъ усихъ постыналы,
А межы ными Хрыста не досталы.
Нехай же Иродъ вично погыбае,
Нашъ Панъ рожденный всихъ насъ потишае.
А мы изъ того уси веселимся,
Хрысту Рожеству ызенько вклонимся.

(Полонное).

—

№ 10-б.

Новая рада свиту заявыла,
Де чыста Панна сына породыла.
Наказавъ Гыродъ землю руйнуваты,
Нарожденного дытятка шукаты.
Найшлы дытятко у поли вповыте,
Въ ясельцяхъ лежыть, щей синцемъ прыкрыте.
А сьвятый Йосыпъ дрибныи лысты пыше,
Лысты пышучы, дытятко колыше:
— «Ой люляй, люляй, маленьке дытятко,
Ой люляй, люляй, небесне пахолятко!—
Беры, Йосыпе, Марію за жону,
Втикай, Марію, въ чужую сторону.
Въ чужій сторони нашъ Царь погыбае,
Гыродъ проклятый на огни погарае.
А мы изъ того уси веселимся,
Хрысту—Рожеству нызейко поклонимся!
(С. Запрудье, ковельск. уѣздъ).

Кромѣ этихъ десяти образцовъ, помѣщаю еще одну волын. колядку-виршу; она навѣрное не народная,—пожалуй, даже «полуинтеллигентъ» изъ народа такой псальмы не могъ-бы сложить; но я все-таки её помѣщаю, такъ какъ считаю её интересной, хотя бы въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ даже довольно «возвышенную» мысль (какая лежитъ въ основѣ этой псальмы) можно выразить, не прибѣгая къ напыщенному, изломанному языку, а самыми простыми словами простого народа. Знатоки же нашей пѣсни и вирши пусть рѣшатъ, кто и когда могъ сложить эту рождественскую пѣснь:

Пречистая Маты,—
Якъ зоря свитыла,—
Надъ Сыномъ седила,
Дытятко глядила, (2)
Писни Ему пила,—
Пречыстая маты!

—

Пречыстая маты!
Колыбъ ты то знала,
Яку долю да́ла,
Сынови, що мала,—(2)
То ты-бъ заплакала,
Пречыстая маты!

—

Пречыстая маты,
Дознаешъ розлукы:
Визьмуть Его дукы, [1])
Пробьють Ему рукы,
И завдадуть мукы, (2)
Пречыстая маты!..

—

Пречыстая маты,
Колыбъ ты дозналась,
На що́ мука здалась,
За що кровъ проллялась,—(2)
То ты-бъ усмихалась,
Пречыстая маты!

—

Пречыстая маты
Усе тее знала,—
Слизонькы втырала,
Дытя забавляла, (2)
Себе розважала,
Пречыстая маты!

IV.

Намъ остается сказать о колядкахъ юмористическихъ. Споры о томъ, откуда пошли юмористическія вирши-колядки и вирши воскресенскія, а также пародіи,—отъ драмъ, отъ школы, или народа,—упрощается, если не соединять ихъ всѣ, или хотя-

[1]) Этотъ мотивъ есть и въ народн. колядкахъ.

бы только юморист. вирши-колядки, *въ одинъ разрядъ.* Юмористическія колядки очень разнообразны по своему составу и когда ближе и подробнѣе присмотрѣться къ нимъ, тогда видно, что однѣ несомнѣнно чисто народныя, сочиненныя простѣйшими колядниками, другія могли быть произведеніями школьниковъ, а третьи м. б. и совсѣмъ ужъ «письменныхъ» людей. Хотя, конечно, это будутъ *типы*; но совершенно неподвижныхъ границъ нѣтъ и между ними.

Образчиками народной юмористической колядки могутъ служить слѣдующія (тоже записанныя, мною же, на Волыни):

1.

Мы колядували,
Мы васъ виншували,—
Намъ ни перижечка,
Намъ ни шеляжечка,
Ничого не да́лы;
Посунемо дали,—
Де перигъ почуемъ,
Тамъ заколядуемъ.

2.

Господыненько,
Наша матинка,
Дайте-жъ бо вы намъ
Хотъ два перижка,
А ковбасочкы
Для закусочкы...

3.

Чи вы жыдове
Чы вы туркове,
Чи въ васъ печене
Ще не готове?
Дарить, не дарить,
Та насъ не барить:

Холодни святкы,
Коротки свиткы,
Померзлы лыткы...

Очевидно, что это просто веселыя шутки, (которыя ни для кого не обидны), вызванныя тѣмъ, что время праздничное, молодежь ходитъ гурьбой и болѣе чѣмъ когда либо склонна къ шуткѣ.

Къ тому роду чисто народной невинной шутки я отношу и слѣдующія пародіи на извѣстныя серьёзныя колядки:

4.

Нова рада стала,
Що хлиба не стало,
А вы тее, люде, знайте,
Перижечкивъ намъ давайте.
Якъ буде ще й кнышыкъ
И повная чара,
То скажемо—«спасы боже,
Сёго дому господара»!

5.

Ой на ричци на Ордани,
Нема хлиба, ходимъ дали,
Нема хлиба ни кавалка,
Ходимъ, ходимъ до Мыхалка;
Нема хлиба ни скорынкы,
Ходимъ, ходимъ до Марынкы.

6.

Китъ змысленный десь ся з явывъ,
На полыци горщыкъ розбывъ;
Треба его уловыты,
Треба добре набыты,
Нехай знае, памьятае,
Мыши най ловыть, мыши най гонять,

Не въ пустыни, не въ яскыни,
А въ насъ въ комори и т. д.

7.

Нещасный на свитъ я вродывся,
Пишовъ на лидъ, та й лидъ завалывся,
И сокырку загубывъ,
И свыточку замочывъ,—
Що до крышкы!

И такъ далѣе, цѣлая комич. эпопея,—къ рождественскимъ сюжетамъ никакого отношенія не имѣющая.

Было бы невѣрно видѣть въ этихъ послѣднихъ номерахъ, представляющихъ пародіи на серьезныя колядки, профанацію послѣднихъ; эти пародіи—выражаютъ тоже лишь невинный юморъ; дѣйствительно, забавнымъ выходитъ, когда серьёзно-размѣреннымъ голосомъ поютъ шутливую вещицу,—но этимъ, да повтореніемъ перваго стиха колядки, (или половины его), все пародированіе ограничивается. При томъ эти пародійки никогда не исполняются вмѣстѣ съ серьёзными колядками, гдѣ нибудь у чужихъ людей, при хожденіи съ колядою; онѣ поются дома, (и не только на Рожд., а когда придется), какъ дѣтская или домашняя шутка. Серьёзной колядки онѣ не профанируютъ; каждый родъ остается на своемъ мѣстѣ и при своемъ значеніи.—Сочинить пѣсенку-пародійку можетъ каждый, кто помнитъ мотивъ колядки и желаетъ пробовать свои способности къ юмористическому творчеству. Нѣсколько иного характера слѣдующія юмористическія вирши, имѣющія отношеніе къ рождественскому циклу и его темамъ. Это уже произведенія, требующія нѣкоторыхъ книжныхъ знаній,—правда, не особенно большихъ,—но все же знаній, которыми масса народа не обладаетъ. Вѣроятно, эти вирши сочинены «полу-интеллигентами» изъ народа: «подканцеляристами», или-же духовными лицами низшаго ранга.

Впрочемъ, такъ какъ это жанръ юмористическій, то можетъ быть въ сочиненіи нижепомѣщаемыхъ виршей принималъ участіе

и кто-нибудь болѣе письменный и значный. Здѣсь я какъ разъ хочу сказать, что область «смѣшного» была именно такою, куда у насъ охотно допускался народный языкъ и въ старое время. Это можно видѣть на текстѣ старинныхъ драмъ, между прочимъ рождественскихъ, включительно до кукольнаго вертепа: для хора, для рѣчей лицъ сколько-нибудь важныхъ, употреблялся языкъ церковно-славянскій,—лица эти говорили всё серьёзныя рѣчи,—но если на сценѣ происходило что нибудь «смѣшное», то ужъ тамъ имѣлъ право гражданства—малорусскій языкъ. Такое его употребленіе наши старые авторы различали даже въ своемъ домашнемъ обиходѣ; въ этомъ отношеніи очень любопытны два отрывка изъ писаній о. Нарушевича [1]): когда Нарушевичъ посылаетъ шутливое пригласительное письмо пріятелю, онъ пишетъ такъ:

Отець Иванъ, Петро й Степанъ
Зъ своимы жѣнками,
Просимъ до насъ хотя на часъ
Пріѣхать святками.
Будемъ гулять и зухвалять
Рожденного Бога,
Уже до насъ просто одъ васъ
Зроблена дорога.

Складъ и даже отдѣльныя выраженія чрезвычайно похожи на тѣ же въ юмор. виршѣ, приводимой ниже. Тотъ же Нарушевичъ, посылая благодарность одному изъ духовныхъ лицъ за какое-то «особливое благодѣяніе», пишетъ такъ:

«О неисчетни судьбы! о благость премнога»! и т. д.

Поэтому возможно, что *комическую* виршу въ народномъ духѣ могъ сочинить и какой-нибудь настоящій интеллигентъ того времени.

Я имѣю въ виду ту пасхальную виршу, которую, будто бы говорили запорожцы Потёмкину и главное содержаніе которой

---

[1]) П. И. Житецкій, Энеида,—предисловіе.

касается выхода Адама и прочихъ праотцевъ изъ адскаго плѣна. Любопытно, что совершенно то-же содержаніе вставляется и въ *рождественскую* виршу (почему я и говорю объ этой виршѣ). Такое пользованіе мотивомъ избавленія отъ ада совершенно возможно и въ рождественской виршѣ, потому что въ нѣкоторыхъ священныхъ текстахъ уже самое Рождество Христа побѣждаетъ дьявола и сокрушаетъ «врата адовы». Я позволю себѣ сдѣлать краткую выдержку изъ обѣихъ опубликованныхъ уже виршей, пасхальной и рожд.—одного содержанія:

Рождест. вирша [1]).
Хрыстосъ родывся,
Мыръ звеселывся,
Сегодняшнимы часы
Для сыхъ родынъ
Всякъ христіянынъ
Уменае ковбасы.
(пропускаю 2 строфы)
Бо вже на свитъ,
Якъ рожи цвитъ
Хрыстосъ народывся,—
Винъ адъ стребыть,
Чорта смырыть,
Щобъ той не гордывся.

Пасхальная вирша:
Хрыстосъ воскресъ,
Радъ мыръ увесь,
Диждалысь мы божои ласкы,
Теперъ вже всякъ
Найистся въ-смакъ
Свяченои паскы.

Вси гуляють,
Прославляють
Воскресшого бога,
Бо вже тая
Всимъ до рая
Протерта дорога.

Пропавъ той страхъ, теперъ той шляхъ до раю протертый,
Безъ сторожей вси навстежей ворота одперти.
Пропавъ той страхъ, зарисъ той шляхъ купьямъ та болотомъ,
Де той злый духъ глытавъ якъ мухъ ненасытнымъ ротомъ.
Кать бы ихъ ма, у ихъ нема никому и спуску:
Хоть бы чернець, або святець,—осмалыть якъ гуску.
Бидна Ева одну зъ древа вырвала кыслычку,—

---

[1]) Напечатана по записи К. В. Болсуновскаго, со словъ Ан. Ал. Порохонской. Варіантъ ея сообщ. С. И. Пономаревымъ, въ Кіев. Ст. 1882 г. дек.

Збула власты, треба прясты на гребени мычку.
За ту йиду Ева биду заслужыла сію,
Нечесть Адаму, що ажъ за браму выбылы у шыю и т. д.

Стихи, идущіе по серединѣ страницы, *совершенно* одинаковы въ виршахъ—рождественской и воскресенской (какъ это можно видѣть и по другимъ опубликованнымъ записямъ). Дальше въ обоихъ виршахъ одинаково говорится о пораженіи,—съ приходомъ Христа,—Вельзевула и о радостномъ выходѣ заключенныхъ изъ ада. Слѣдовательно, главное содержаніе вставлялось въ виршу, смотря по времени, то въ одно привѣтствіе съ праздникомъ (Рождества), то въ другое (Пасхи); измѣнялся текстъ въ началѣ, а также и въ концѣ: въодной редакціи вирши пасхальной въ концѣ высказывается извиненіе, что вирша говорится (одному духовному лицу)—безъ поднесенія писанки; а только что цитированная *рождественская* вирша кончается такъ:

Сю виршу, панове, що празныка чытаю
И святымъ Рожествомъ васъ поздоровляю.

Какъ рѣшить теперь, куда *прежде* попало главное содержаніе вирши?

Я не буду останавливаться теперь на этомъ вопросѣ, возвращусь къ связи вообще юмористическаго виршевого творчества съ народнымъ матерьяломъ. Думаю, читатель согласился, что выдержка изъ письма о. Нарушевича имѣетъ чрезвычайное сходство съ началомъ пасхальной вирши («протерта дорога»), а также и рождественской. Весьма вѣроятно, что подобный же авторъ, изъ старинной интеллигенціи, могъ и цѣлую праздничную виршу написать; но откуда взятъ источникъ для нея?

Въ варіантѣ рождественской вирши, сообщенной г. Пономаревымъ, рисуется далѣе картина веселья праотцевъ послѣ освобожденія изъ пекла:

Беруть жинокъ, ведуть въ танокъ, затыкавшы полы...
Пророкъ Давыдъ тамъ же сыдыть и въ кобзу играе...

Чорнявый Хамъ сыдыть тежъ тамъ и риже въ сопилку,
Самъ добре пье и всимъ дае квартою горилку и т. д.

Такіе *мотивы* находятся также и въ шутливыхъ колядкахъ, они не составляютъ непремѣнно принадлежности виршей-орацій, равно какъ и перемѣна тона изъ серьёзнаго на шуточный, не составляетъ, по моему, коренного отличія виршей отъ колядокъ, а также не можетъ быть признана «рѣшительнымъ признакомъ преобладающаго вліянія виршей-орацій на вирши-колядки», а скорѣе наоборотъ. И простонародная колядка часто освобождалась отъ «условныхъ формъ церковной лирики» (колядокъ набо́жныхъ). Да и вирша-орація, рождественская, не всегда была юмористической, напротивъ, какъ мы видѣли въ типичныхъ образцахъ, даже короткая вирша-орація, рождественская—поздравительная, брала очень серьёзный тонъ (по содержанію и языку); если же спускалась до юмористическаго трактованія сюжета, притомъ—народнымъ языкомъ, то это было, конечно исключеніемъ для тяжелой ораціи, а не типической чертою.

Собственно говоря,—то-же, что и въ колядкахъ; но для вирши-ораціи, т. е. вирши письме́нной,—конечно, болѣе исключительна юмористическая окраска сюжета, съ коренной перемѣной языка, чѣмъ для народной колядки.

Можетъ быть, дальнѣйшіе розыски дадутъ больше образцовъ юмористической вирши, тогда можно будетъ лучше видѣть генетическія связи народной колядки и вирши. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что юмористич. элементъ въ народныхъ колядкахъ-шуткахъ существовалъ въ нихъ независимо отъ орацій.

Конечно, авторъ такой вирши, какъ приведенная выше, (рожд. или пасх.—можно считать какъ угодно, вообще *праздничная*) могъ, какъ человѣкъ письме́нный и владѣющій стихомъ, несравненно шире разработать ходячій мотивъ, а юморъ обнаружить еще болѣе тонкій. Цитированная вирша, въ своихъ полныхъ текстахъ, представляетъ замѣчательно остроумное произведеніе.

Какъ жаль, что наши старинные писатели виршъ такъ рѣдко спускались со своего силлабическаго Парнаса къ народнымъ мо-

тивамъ и народной рѣчи,—въ сущности такъ еще имъ близкимъ и извѣстнымъ! Могли бы создать въ области юмора цѣлую литературу (если ужъ не считали народный языкъ достойнымъ и умѣстнымъ въ *серьезныхъ* областяхъ),—«та ба!»..

Въ дополненіе къ мысли о необходимости бо́льшихъ поисковъ виршевого матерьяла, думаю, что слѣдовало бы не пренебрегать архивнымъ «хламомъ» старыхъ польскихъ коллегіумовъ на Волыни; возможно, что тамъ найдутся интересныя работы учениковъ-волынцевъ.

На это предположеніе наводятъ сцены Гаватовича, давшаго въ своемъ текстѣ (противъ другихъ извѣстныхъ текстовъ «вертепа») найбольшій доступъ малорусскому языку,—допустивши его даже въ *серьёзной* части драматическаго текста! А Гаватовичъ какъ разъ принадлежалъ школѣ—польской.

Такъ какъ сюжетъ объ освобожденіи пекельныхъ плѣнниковъ является общимъ для воскресенской и рождественской драмы, то слѣдуетъ напомнить о томъ, что этотъ сюжетъ выводятъ (М. П. Драгомановъ, а потомъ И. Франко) изъ вертепной драмы, западно-европейской, давшей начало и нашей. Дѣйствительно, тотъ отрывокъ, который М. П. Драг. приводитъ [1]) изъ нѣмецкой драмы 14-го в. (разговоръ Вельзевула съ ангелами и пр.,—сцена въ пеклѣ) очень напоминаетъ, какъ мотивъ, содержаніе нашей вирши. М. П. Драгомановъ говоритъ, что и вообще въ этой области было такъ: «Рождественська драма вкорочувалась зъ вертепу до звизды и дали до вирши и колядки» [2]). Впрочемъ, *какая* колядка имѣлась въ виду? Есть несомнѣнно и *такія*, которыя сохранились отъ вертепа [3]), какъ подставленныя къ его содержанію. Во всякомъ случаѣ, какъ *одинъ изъ путей,* указаніе М. П. Драгоманова на тексты западныхъ драмъ—драгоцѣнно: это цѣлая новая область, открытая для интересующихся предметомъ. Содер-

---

[1]) Въ сборникѣ Ватра.

[2]) Жыття и слово. Т. I, стр. 48.

[3]) Такова можетъ быть «Нова рада стала»,—сильно измѣненная народомъ впослѣдствіи.

жаніе же того, что представлялось въ верт. драмѣ, конечно, могло быть сюжетомъ и для иной юмористич. ораціи и для нѣкоторыхъ колядокъ, близкихъ польскимъ «пасторалкамъ». Такъ, или иначе, слѣдуетъ обратить вниманіе на польскія *народныя* колядки (вообще очень любопытныя). Онѣ не только не меньше, а гораздо больше нашихъ реализуютъ священныя темы, лица и подробности сюжета (хоть это и кажется страннымъ для людей, незнакомыхъ съ народными колядками «фанатическихъ католиковъ»). Реализація эта обнаруживается во множествѣ веселыхъ польскихъ народныхъ колядокъ; передо мною сборникъ «pastorałek i kolęd» [1]) и въ немъ [2]) болѣе ста колядокъ самаго веселаго содержанія, съ комическими подробностями: одна колядка говоритъ о комическихъ препятствіяхъ въ путешествіи пастуховъ (когда они шли поклониться Христу), другая о томъ, какъ «Józef staruszek» подпираетъ колкомъ стайню, Aniołki подаютъ св. младенцу «pieluszeczki» и т. д. И вездѣ превеселая музыка и танцы.

Вотъ, напр., являются пастухи:

«Wojtek z budy bieży z dudy,
A mój Łuka bębna szuka,
Andrys z Jackiem na wioli,
Smyczkiem sobie wąsy goli.
«Józef» chwali:—grajcie dali!
Nuż, bandura, rżnij mazura! Hej nam hej»!..

Танцы продолжались такъ долго, что «staruszek», наконецъ, взялъ «batoga» и прогналъ «пастырей». Но въ иныхъ колядкахъ и Józef, видя необыкновенно живые танцы «въ стайнѣ», самъ пускается танцовать и—веселье идетъ общее.

Реальныя и даже комическія подробности ничуть не устраняютъ, иногда въ тѣхъ же колядкахъ, самаго умиленнаго отношенія къ Дѣвѣ Маріи и «malutkiemu» Іисусу. Пастыри приносятъ все, что могутъ: «masła garnuszek», «koszyk gruszek» и

---

[1]) Варшавское изданіе 1897 г.

[2]) конечно, кромѣ колядокъ костельныхъ и вообще серьезныхъ

т. д., желаютъ укрыть, согрѣть «Dziecko», терпящее «zimno», вмѣстѣ съ ангелами приготовляютъ ему kąpiel, и т. д. Но событіе радостное, рожденіе Христа принесло «wyzwolenie z mocy czarta» и потому—снова «skoczna» музыка и танцы...

Dali Mu ofiary, a drudzy bez miary
Pląsali hoc, hoc, hoc mazurka.
A z tej się ochoty Dziecina śmiała,
Na dudki paluszkiem skazowała;
A w tem Maciek porwawszy dudy wielkośne,
Dzieciątku piosneczki grał rozkoszne;
Jedni tańcowali, w podkòwki krzesali,
A drudzy hola! hola! śpiewali...

По случаю «вызволенья» вспоминаютъ и о праотцахъ:

Z raju pięknego miasta
Wygnana jest niewiasta,
Dla jabłka skuszona.
Wędrujże, Ewo, z raju,
Iuż cię tu dobrze znają...

А вотъ другая колядка говоритъ очень сходно съ нашей виршей:

... «Bóg się narodził, aby odkupił
Człowieka mizernego
Od czarta przeklętego.
Ten wąż sprawił, iż zaraził
Adama, ojca naszego.
O nędzna Ewo, o mizerna Ewo!
Cożes ty uczyniła!
Iabłko skusiła, raj opuściła...
... Zdejm manele, pójdź do kądziele, [1])
Weźmij motyczkę, także prześliczkę,
Zarabiaj sobie chleba»... и т. д.

---

[1]) «Кудель»—пряжа.

Въ такихъ же выраженіяхъ говорится и о радости всѣхъ и всего по случаю припгествія Христа и освобожденія изъ ада.

Я не хочу сказать, что наши вирши, или нѣкоторыя наши колядки заимствовали свои мотивы изъ польскихъ колядокъ; но послѣднія даютъ доказательство тому, что въ народной колядкѣ также могутъ быть такіе мотивы [1]); а если они есть въ родственномъ и сосѣднемъ творчествѣ народномъ, то вполнѣ возможны и натуральны также въ нашей колядкѣ. Поэтому встрѣчая такія колядки, какъ слѣдующія, не обязательно считать ихъ отраженіемъ вліянія вирши, или ораціи, а можно признать ихъ чисто народными. Очень вѣроятно, что и юмористическія вирши съ рождественскими мотивами и такія же колядки (польскія и наши) имѣютъ общимъ источникомъ вертепныя и всякаго рода иныя дѣйства, для которыхъ послужили образцомъ западноевропейскія средневѣковыя мистеріи и другія представленія (между прочимъ Paradiesspiele). Мотивы этихъ дѣйствъ, какъ серьезные, такъ и комическіе, переходили и въ виршу и въ простонародную колядку.

Во всякомъ случаѣ слѣдующія колядки записаны мною (на Волыни-же) отъ пѣвцевъ изъ народа:

1.

Вставай-но, Мыкыто,
Беры кобенякъ,
Иды виншуваты,
Говорывъ намъ дьякъ.
Взялы бубна, взялы скрыбку,
На дорогу хлиба й рыбку,
Хутко подалысь.
Прыйшлы мы до стайни,
Ажъ тамъ панятко,—
Марія и Йосыпъ
Глядять дытятко.
Мы-жъ не зналы, кому граты,

[1]) Какъ въ приведенной юмор. праздничной виршѣ.

Кого саме выхваляты,—
Утялы для всихъ!
Гей! утялы для всихъ!

(Поется на мотивъ очень веселый, въ родѣ плясового).

2.

Хрыстосъ народывсь,
Весь мыръ звеселывсь,—
Ну-мо граймо, та спиваймо,
Рожденного выхваляймо,
У Бетлеему, у Юдейському!
Гей, у Юдейському!
Визьмимъ барана,
Несимъ до Пана;
Пишовъ Сава по переду,
Сколотывъ винъ всю череду
У Бетлеему, у Юдейському!
Барана взялы,
Дуду забулы,
На которій писню граты,
Рожденного выхваляты,
У Бетлеему, у Юдейському!
Взялы цымбалы,
До стайни прыйшлы;
Коло яселъ старый Йосыпъ,
Оберемкомъ сино носыть,
У Бетлеему, у Юдейському.
Радисть же намъ, радисть,
Радисть не мала,
Якъ загралы у цымбалы,
Стайня двыжала!
Танцювалы по всій стайни,
Ще й хотилы на Ордани,—
Не позволено, заборонено!

3.

На высокій гóри,
Пры святимъ собори,
Святи собирались,
Сей день празнувáлы,—
День Рожество!
Со духамы невыдыми,
Съ ангеламы херувымы,
День Рожество!
Съ того свиту батько,
Охотныкъ порядкомъ,
Засивъ одъ востоку,
А пророкы збоку,—
День Рожество!
По за столомъ священныкы,
Передъ столомъ мученыкы,
По прыпиччу молодыци,
Коло ихъ сыдять дивыци,—
День Рожество!

Мыколай нашъ чесный
Взявся до почесты,
Перехылывъ жбана,
Перепывъ до Йвана.
Гукнувъ вельми на Параску:
— Подай мени зъ медомъ пляшку!
Клыче Грыцько Гната,—
Здоровъ пане брате!—
Онохрій Пахнума:
— Пый до мене, куме!—
Клыче Грыцько Васыля:
— Пыйте добре, буду й я!—
Мыхаилъ у трубу
Загравъ на всю губу,
На цымбалы Илько,

А на басъ Гаврылко.
Сіонскія дочкы
Заграйте въ скрыбочкы!
Музыкы загралы,
На то зготувалы.
— Святый боже, святый крипкый,
Вы въ цымбалы, а мы въ скрыбкы!—
Гукае Мыкыта:
— Добра оковыта,
Дуже смаковыта!
Пыйте, гости, вси горилку,
Ты, Матвійку, грай у дудку!—
А дали Мыкыта
Вже ставъ выгоныты:
— Годи гомониты,
На вечерню йдите!—
День Рожество!
(Полонное).

Варіанты этихъ юмористическихъ колядокъ есть въ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго.

4.

Калядувать я не вмію,
Просыть дармо не насмію,
Скажу вамъ казку,
А вы укыньте въ торбу ковбаску.

—

Якъ Сусъ-Хрыстосъ народывся,
Зозуля кувала,
Вона ему трыдцять рокивъ
Жыття вищувала.
— Бреше пташка,—мало вику!...
Господь такъ сказавъ,
А якъ пожывъ бильше въ свити,

То й самъ угадавъ...
Не вспивъ же винъ родытыся,
Вже Иродъ шукае;—
Та на мудрій тій ослыци
Дытятко втикае.
Край Ордани, у пустыни,
Хрыстосъ жыты ставъ;
Ишлы къ Ему цилытыся,
Ишлы къ Ему хрестытыся,
Ишлы къ Ему учытыся,—
Усимъ догожавъ.
Якъ за добро жъ обвынылы,
И на мукы засудылы,
То хтожъ ратувавъ?
Той за ёго сторгувався,
Той прылюдно одцурався,
Третій нышкомъ захований,—
А все вченыкы,
Перви друзякы!...
Зажурывсь тоди Спасытель
И заломывъ рукы:
— Охъ, вы жъ люды, охъ вы люды,
Гирши видъ ослюки!
На що жъ для васъ я рождавсь?
На що для васъ я страждавсь?—
Таки-жъ вы падлюкы!..

—

Люде добри, чи дасте жъ вы
Ковбаску у рукы?

Послѣднюю виршу считаю не народною и позднѣйшаго происхожденія. Она напоминаетъ такія стихотворенія, какъ Руданскаго,—въ которыхъ обработанъ въ стихотворной формѣ народный анекдотъ, разсказываемый въ прозѣ. Есть въ народѣ прозаическіе разсказы и о святыхъ (изъ хожденія Христа по землѣ).

Можетъ быть, и здѣсь темою послужилъ какой-нибудь разсказъ, въ которомъ была сопоставлена услуга ослицы и недоброе поведеніе людей. Во всякомъ случаѣ обработка темы—искусственная. Начало и конецъ о «ковбаскѣ», очевидно, придѣланы для бо́льшаго юмора, (какъ и въ той рождественской виршѣ объ освобожденіи изъ ада). Вирша эта, «казка», дошла ко мнѣ въ рукописномъ сборничкѣ, гдѣ было нѣсколько незначительныхъ бытовыхъ пѣсенъ, «сонъ Богородицы» и эта вирша; г. Савкевичъ, давшій мнѣ списать эту виршу, увѣрялъ, что она народная: но письме́нный складъ ея—очевиденъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. Сборникъ былъ данъ мнѣ въ мѣст. Любарѣ, новоградв. уѣзда.

Мы прослѣдили главнѣйшіе типы колядокъ, по сколько ихъ можно обособить изъ общей длинной цѣпи, указывая связывающія ихъ черты. Отдѣленные типы явились довольно разнообразными и, какъ мнѣ кажется, достаточно доказываютъ своей разнохарактерностью, насколько ошибочно давать общее, огульное опредѣленіе «колядкѣ». Эволюціонный путь, пройденный колядками, длиненъ и широкъ, поэтому такъ многообразны и формы, которыя онѣ принимали; по сколько мѣнялись поэтическія представленія и религіозныя воззрѣнія народа, по столько измѣнялись и эти пѣсни культа, не разрывавшія и съ реальной обстановкой жизни, а также отражавшія въ себѣ различныя настроенія. Все это и запечатлѣлось въ томъ обширномъ и разнообразномъ циклѣ пѣсенъ, сохранившихся до нашихъ дней въ различныхъ стадіяхъ своего развитія.

Резюмируя все сказанное о колядкахъ, я снова позволю себѣ прежде всего усумниться въ непреложности мнѣнія о самомъ происхожденіи колядокъ и всего ритуала колядованія отъ классическихъ календъ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи; мнѣніе это едва ли можно высказывать такъ рѣшительно, какъ это дѣлается и въ самое послѣднее время,—напр. г. Коробкою, который, подробно разбирая и сопоставляя изслѣдованія г.г. Веселовскаго и Потебни о колядкахъ, говоритъ [1]), что не ясно то содер-

---

[1]) Изв. Имп. Ак. Н. 1902 г. томъ VII, кн. 3.

жаніе, съ которымъ заимствована была «коляда», но что самое это названіе «несомнѣнно заимствовано», отъ календъ. Мнѣ же и это положеніе вовсе не кажется несомнѣннымъ, а тоже лишь гипотезой; конечно, трудно доказать заимствованность содержанія колядокъ отъ календъ, при полной утратѣ для насъ объекта сравненія съ одной стороны,—такъ какъ неизвѣстно, какія пѣсни пѣлись во время византійскихъ календъ (приводится лишь обычай новогодняго хожденія по улицамъ съ шумнымъ весельемъ и ряженіемъ); но и звуковой близости *названій* коляды и календъ, которая будто-бы доказываетъ несомнѣнность заимствованія, можетъ съ одинаковымъ правомъ быть противопоставлена звуковая близость названія *коляды* съ славянскими же словами, такими какъ *коло* (кругъ),—образъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ солнечному миѳу и празднику новаго года, новаго «лѣта».

Этотъ вопросъ и съ филологической стороны еще требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, во всякомъ случаѣ большей осторожности при его рѣшеніи; настоящее положеніе его не даетъ возможности рѣшать его такъ категорически.

Что же касается самаго содержанія колядокъ, то несомнѣнно, что какъ самый народъ не былъ изолированъ отъ постороннихъ культурныхъ воздѣйствій, такъ и пѣсни его, относившіяся къ одной изъ главнѣйшихъ обрядностей, могли и даже должны были отражать эти воздѣйствія; но когда рѣчь идетъ о вліяніяхъ, отодвинутыхъ вглубь вѣковъ, чрезвычайно трудно судить, при скудости данныхъ, о самой степени извѣстнаго культурнаго вліянія на *народъ*, на его обрядности и творчество. Не только нельзя уловить, какъ происходило съ одной стороны воздѣйствіе, съ другой стороны заимствованіе и ассимиляція, комбинація старыхъ элементовъ съ новыми,—что̀ представляетъ такой интересъ,—но и самые факты заимствованія являются лишь гадательными.

Вообще древнія культурныя теченія, особенно въ области миѳа,—область крайне трудная для изслѣдованія, факты ея неясны и сбивчивы; новыя данныя, добытыя наукою сравнительнаго изслѣдованія, расширяютъ область изслѣдованія, но и въ этомъ

случаѣ не всегда даютъ ключъ для уясненія самихъ теченій культурныхъ. Мы говорили вначалѣ,—такъ какъ это относилось непосредственно къ нашему вопросу,—что общность названій новогодняго праздника оказывается не у однихъ только славянъ и даже не у однихъ лишь народовъ, «подлежавшихъ классическому вліянію», теперь укажемъ еще на слѣдующіе факты: обыкновенно, находя въ нашихъ пѣсняхъ, или прозаическихъ легендахъ разсказъ о сотвореніи міра и отдѣльныхъ предметовъ въ немъ, о борьбѣ при этомъ творчествѣ двухъ противоположныхъ силъ, Бога и дьявола, видѣли въ этихъ пѣсняхъ и сказкахъ съ дуалистическимъ началомъ—богумильское вліяніе. Но теперь находятъ легенды съ дуалистическимъ содержаніемъ, чрезвычайно близкимъ къ такому же содержанію нашихъ сказокъ, у отдаленнѣйшихъ азіатскихъ инородцевъ,—совершенно чуждыхъ богумильскому вліянію... Очевидно, что представленіе о борьбѣ добраго и злаго начала болѣе обще; да и почему ему не быть такимъ, когда это понятіе по своей сущности исходитъ изъ первичнаго космогоническаго представленія о борьбѣ и взаимодѣйствіи свѣта и тьмы въ природѣ,—представленія, конечно, присущаго людямъ, стоящимъ хотя бы на самой первичной степени культуры.

Легенду о хлѣбѣ, распространенную у европ. народовъ, нашли недавно въ Китаѣ: населеніе, живущее на вост. отрогахъ Тарбагатая, разсказываетъ, совершенно сходно наприм. съ нашей малорусской легендой, какъ Богъ за непочтительное обращеніе съ хлѣбомъ лишилъ людей этой пищи и только собака выпросила зерно. (Сообщеніе г. Ивановскаго въ Этн. Обозр.).

Такихъ примѣровъ общности легендъ у самыхъ разобщенныхъ народовъ можно указать много, я ограничиваюсь лишь болѣе яркими.

Такъ загадочны направленія и соотношенія культурныхъ теченій. При знакомствѣ съ ними, съ полнымъ правомъ можемъ повторить сказанное вначалѣ очерка, что сходство этнографическаго матерьяла еще не доказываетъ непосредственнаго заимствованія, а часто можетъ указывать лишь на общее болѣе отдаленное родство (въ иныхъ же случаяхъ и случайное совпаденіе).

Въ настоящее время задача изученія колядокъ по сравнительному методу была бы выполнена съ тѣмъ болѣе несомнѣнными и вѣскими результатами, чѣмъ конкретнѣе бы её брали въ области сравненія. Съ этой стороны слѣдовало бы подробнѣе изучить и сопоставить прежде ближайшія между собою, славянскія коляды,—тексты которыхъ не гадательны, а составляютъ точное достояніе науки.

Въ колядкахъ болгарскихъ, сербскихъ и др. есть, также какъ и въ нашихъ, свои градаціи, свои соотношенія элемента книжнаго, болѣе новаго, съ чисто народнымъ, болѣе старымъ. При такомъ разсмотрѣніи сравнительнаго ближайшаго матерьяла колядокъ могли бы получиться и болѣе конкретныя данныя, могущія быть очень интересными также по сравненію этого ближайшаго матерьяла съ нашимъ,—какъ это мы видѣли, коснувшись близости польскихъ колядокъ къ нашимъ (къ этому предмету я надѣюсь еще возвратиться въ особомъ очеркѣ). Въ этихъ случаяхъ, конечно, имѣетъ особое значеніе указаніе также тѣхъ характерныхъ народныхъ чертъ, которыя все-же обнаруживаются хотя бы и при извѣстной родственности, вообще близости пѣсенъ.

Но даже, если и не задаваться разыскиваніемъ родственныхъ элементовъ и постороннихъ вліявшихъ источниковъ, колядки наши отлившись,—въ силу какихъ бы то ни было жизненныхъ условій,—въ извѣстныя опредѣленныя формы, въ какихъ мы находимъ ихъ въ данный моментъ,—представляютъ сами по себѣ большой интересъ и значеніе, являясь, какъ пѣсни особой, болѣе важной для самого народа, священно-обрядовой области, съ отпечаткомъ его языка, его поэтической фантазіи, представленій, психологіи и моральныхъ началъ.

Въ какой семьѣ, въ какой сферѣ вліяній былъ нашъ народъ, когда началъ пѣть тѣ колядки, которыя мы обособили въ первую группу, для насъ неясно, но тѣмъ не менѣе для насъ представляютъ значеніе тѣ космогоническіе мотивы, первобытно-идиллическія или героическія картинки, которые мы видимъ въ колядкахъ этого типа. (Перейдя къ колядкамъ болѣе серьёзнаго характера, народъ все же не забылъ до сихъ поръ и этихъ,—да

мотивы, образцы ихъ продолжаютъ быть для него близкими и въ другихъ областяхъ обрядовыхъ пѣсенъ, свадебныхъ и обыкновенныхъ веснянокъ).

Далѣе, мы не можемъ сказать, въ какомъ вѣкѣ примѣшалось къ первообразной колядкѣ упоминаніе христіанскихъ божествъ и мотивовъ священной исторіи, но это наивное смѣшеніе элементовъ христіанскихъ съ языческими представленіями—передъ нами на лицо въ колядкахъ слѣдующаго типа и не можетъ не привлекать нашего вниманія, представляя собою очень яркіе факты въ психической жизни народа.

Интересъ еще усиливается, когда мы разсматриваемъ колядки послѣдняго типа, *виршевого*, такъ какъ кромѣ интереснаго содержанія, которое онѣ имѣютъ въ данный моментъ, въ видѣ амальгамы послѣдовавшихъ новыхъ культурныхъ вліяній и старыхъ элементовъ, мы можемъ въ значительной мѣрѣ изучать исторію этой послѣдней формаціи нашей колядки въ опредѣленномъ историческомъ періодѣ такъ сказать документально.

Въ данномъ случаѣ, какъ показано выше, мы явственно видимъ вліяніе западно-европейское, черезъ посредство польскаго Въ такихъ обнаруженіяхъ вовсе не должно чувствоваться какое-то «развѣнчиваніе» нашей народной пѣсни: конечно, колядка наиболѣе сложнаго типа тѣмъ паче не могла явиться какъ Аѳина изъ головы Зевса,—отчего ей не быть въ зависимости отъ культурныхъ вліяній,—которыя въ свою очередь имѣли извѣстную преемственность и развитіе.

Говоря въ своемъ мѣстѣ о латинско-польскихъ вліяніяхъ у насъ, мы должны были оттѣнить то, что наши интеллигентныя сферы, прежде всего воспринимавшія эти влiянія, не въ одинаковой степени были близки къ народному творчеству. Конечно, народъ, какъ говорилъ Тяпинскій еще въ 16-мъ столѣтіи, «возводитъ очи къ интеллигенціи» и желаетъ подражать ей,—но при этомъ онъ воспринимаетъ болѣе доступное для него; наша же школьная поэзія была въ общемъ мало доступной для народа, слишкомъ искусственной, далекой по языку и складу отъ народнаго творчества; поэтому, возвращаясь въ частности къ колядкамъ, можно

думать, что не отъ виршей-орацій (за немногими отголосками «виршування» въ комическомъ праздничномъ репертуарѣ), произошли колядки; ближе подошла къ нимъ пѣсня церковная, точнѣе сказать костельная «kolęda», претворившая въ себѣ латинскіе образцы: какъ религіозная псальма, она исполнена была бóльшаго чувства и, что весьма важно, вмѣстѣ съ *музыкальной мелодіей* больше говорила народной лирикѣ, ближе была къ *пѣснѣ*. Тѣсно связанныя съ этой областью сценическія представленія рождественскихъ «яселекъ», тоже соединенныя съ пѣніемъ, дѣйствовали въ томъ же направленіи, вліяя и на серьёзный и на комическій репертуаръ колядокъ. Много еще надо положить труда, чтобы разобраться во всемъ этомъ матерьялѣ, но и теперь уже зависимость болѣе новыхъ колядокъ отъ этого вліянія можетъ быть указываема наглядно.

Конечно, народъ *претворялъ* взятые мотивы, измѣняя языкъ и содержаніе пѣсни, добавляя къ ней старыя и новыя частности. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что напр. такая польская «kolęda» какъ «A wczora z wieczora, z niebieskiego dwora, przyszła nam nowina, rodzi Panna Syna» была, пожалуй, и по фонетикѣ и по складу болѣе легкой для усвоенія народомъ, чѣмъ иная наша школьная орація, сочиненная на тогдашнемъ языкѣ «русскаго образованнаго сословія» и по всѣмъ правиламъ піитики.

Претворенные, ассимилированные образцы, въ которыхъ иногда можно лишь *уловить* источникъ заимствованія, составили разрядъ совершенно *своеобразныхъ* народныхъ пѣсенъ, колядокъ «божествéнныхъ». Пояснимъ для примѣра образецъ такой колядки въ нашей 3-ей главѣ, № 4: «Ой дывнее нарожденне»; здѣсь мы видимъ вставку старыхъ образовъ—«зъ рожи квитку», которую цари даютъ Христу, и другой, въ высшей степени поэтическій, образъ поющихъ ангеловъ,—«въ ясну зорю оповывшы, Хрыста несучы»; въ той же колядкѣ говорится—о разливающихся рѣкахъ и расцвѣтающихъ на Рождество Христа садахъ. Хотя «божествéнна» колядка вполнѣ смогла усвоить и по своему выразить отвлеченныя, такъ сказать богословскія понятія, напр. о воплощеніи Христа («страждаеться чоловича врода»), о неземномъ царствѣ

(«щобъ зъ Тобою въ царстви твоимъ на викы жыты»), не говоря уже о часто упоминаемомъ мотивѣ, что народился Царь убогій («не въ пышныхъ палатахъ, не въ дорогихъ шатахъ»), Царь добрый и милостивый, который «засмутывъ» Ирода «злостывого» и «немылостывого»; хотя все это есть въ «божествéнныхъ» колядкахъ и не мало возвышаетъ ихъ достоинство, но нѣкоторыми прибавками народная передача придаетъ имъ,—среди иныхъ простодушныхъ выраженій,—особенную жизненность и значеніе: такъ, въ лирницкой колядкѣ № 8 совершенно измѣнена (противъ текста богогласника) 2-ая половина колядки, при чемъ такъ ярко выступаетъ образъ «жалúбнои» матери («на що мени въ свити жыты, якъ дитокъ не выдиты...» [1]); въ другихъ колядкахъ—прибавлено, что Пречыста Маты «къ серцю сына прыпадае» и у него «всему мыру щастя-доли благае (см. №№ 4 и 6, въ виду которыхъ я помѣстила и послѣднюю рождественскую псальму, въ 3-ей главѣ,—«Преч. Маты»,—хотя и считаю эту псальму искусственной); устраняя уже въ божествéнныхъ колядкахъ слишкомъ реалистическія пожеланія, колядка № 4 («Нова рада») все же измѣняетъ обычный конецъ этого типа колядокъ (о царствѣ *небесномъ)* и въ очень распространенныхъ варіантахъ желаетъ «щаслывыхъ литъ» господарю, его «дружыни», «и старому и малому, всій ёго родыни». Все это въ связи съ радикальной перемѣной языка воспринятыхъ рождественскихъ псальмъ придаетъ и колядкамъ божествéннымъ, виршевого типа, характеръ своеобразныхъ памятниковъ народнаго пѣсеннаго творчества [2]).

---

[1]) Эта пѣсня служитъ еще одной прекрасной иллюстраціей къ тому, что сказано П. И. Житецкимъ (Мысли о думахъ) объ этомъ образѣ въ малор. пѣсняхъ, образѣ любящей матери. Къ сожалѣнію въ колядкѣ № 8 случайно пропущена послѣдняя строфа, въ которой высказывается хозяевамъ пожеланіе быть всегда со своими дѣтьми.

[2]) Въ параллель этому идутъ и тѣ наши церковно-монастырскія вирши-*псальмы* (т. е. имѣвшія *музыкальную мелодію*),—о смерти, о тщетѣ міра,—которыя, повидимому, имѣли первообразомъ лат. текстъ: иногда онѣ были, вмѣстѣ съ польскими текстами, лишь переводами или очень близкими передѣлками лат. текстовъ (какъ все это и помѣщалось *рядомъ* въ старыхъ богогласникахъ). Лирницкая, вообще на-

Колядки комическія, быть можетъ, въ извѣстной части своей носящія европейско-польское вліяніе, послужившее источникомъ для ихъ созданія, въ то же время могутъ служить образцами народнаго украинскаго юмора. Здѣсь какъ и въ другихъ областяхъ, поставить *рѣзкую* границу между народнымъ и «не народнымъ»—нельзя.

Всѣ эти разнообразные виды колядокъ, съ большею или меньшею интенсивностью продолжаютъ жить въ нашемъ народѣ. Любовь къ пѣснѣ вообще слишкомъ сильна въ немъ, а обычай колядованія слишкомъ могучъ. Сознательное или случайное уродованіе народныхъ текстовъ колядокъ не можетъ имѣть огромнаго значенія. Искаженія, шероховатости стираются, шлифуются народною редакціей—и снова является все та же наша народная пѣсня.

Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ цѣлые вѣка преслѣдованія не могли убить колядки. Въ послѣднее время народныя колядки вошли въ значительномъ числѣ въ малорусскій сценическій репертуаръ,—что много способствуетъ ихъ популяризаціи въ кругахъ интеллигентныхъ и полуинтеллегентныхъ (склонныхъ пренебрегать своей пѣсней изъ ложнаго мнѣнія, что она уже не достойна ихъ вниманія). Въ поднятіи престижа вообще народной украинской пѣсни лежитъ огромная заслуга нашей сцены.

Нерѣдко услышать теперь колядки и вообще въ исполненіи интеллигентной молодой компаніи «колядниковъ», при чемъ хорошо выбранныя и умѣло исполняемыя колядки производятъ прекрасное впечатлѣніе. Любителю же народной пѣсни—наши колядки даютъ такъ много матерьяла: отъ древней граціозной идиллической картинки, до простодушно-художественной—(какъ несовершенныя, но имѣющія свою наивную прелесть, изображенія христіанскихъ сюжетовъ старыми мастерами живописи)—колядки-легенды и кончая величественной колядкой-псальмой.

родная редакція еще болѣе упростила языкъ и складъ этихъ лирическихъ псальмъ, въ которыхъ наши ушедшіе отъ міра иноки давали найбольшій просторъ задушевности чувства и выраженій *родного* языка.

Исполнители, а также поэты и музыканты, желающіе творить въ народномъ духѣ, найдутъ въ нашихъ колядкахъ много сокровищъ слова и мелодіи,—различныхъ стилей богатаго народнаго творчества.

Въ заключеніе, такъ какъ я иллюстрировала свой очеркъ украинскимъ матерьяломъ волынскимъ, то пожелаю успѣха начинанію Общества. Изслѣд. Волыни, которое намѣрено издать обширный сборникъ волынскихъ колядокъ. Это будетъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ и для науки, и для всѣхъ любителей этой важной области украинской пѣсни.

Олена Пчилка.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолженіе [1]).

V.

У москаляхъ.

Погналы некрутъ зъ ридного краю ажъ у Московщыну. Гналы ихъ цилою юрбою. И якый же невеселый здався имъ той довгый перегинъ! Щобъ хочъ трохы скоротыты часъ, воны то казкы казалы, то рижни прыгоды зъ жыття прыгадувалы, то про давни бои переказувалы, сподиваючысь незабаромъ соби стритысь у чыстому поли зъ ворожою сылою. Максымови спалы на думку дидови прыповисткы; винъ подилявся ными зъ товарыствомъ, а въ самого ажъ душа закыпала.

— Ой, та й знатымуть же мене вражи ворогы!—думавъ винъ самъ соби, качаючысь у ночи на доливци коло своихъ товарышивъ, котри, выморывшысь, мертвымъ сномъ спалы. И выплиталы ёго думкы въ темній темряви страшну картыну сичи. Гукъ, крыкъ, бій; дымъ застылае все поле—ажъ очи риже; огонь, якъ зъ пекла, то зъ того, то зъ другого боку; бряжчать шабли; гуркають гарматы; палять гакивныци; брязкають спысы; тупотять кони. Татарва мчытся, якъ скажена. «Ага, ворожи татарюгы!» крычыть винъ слидъ имъ—и пускается навздогинъ своимъ баскымъ, бы-

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 5.

строногымъ воронькомъ. Шабля заблыщала—голова татарська покотылася; кинь настоптавъ копытомъ—голова луснула, якъ стыглый кавунъ. У Максыма ажъ духъ у грудяхъ сперло.—Господы! колы бъ швыдче!... Тилькы ще на свитъ заблагословытся, якъ знову вже ихъ женуть. И знову воны йшлы, то писень спиваючы, то задывляючысь на невидоми мисця, котри прыходылось переходыты. Багато воны тыхъ мистъ уже помынулы, а ще бильше,—кажуть,—напереди зосталося!

Довго воны йшлы все своимъ краемъ, мижъ своимъ людомъ,—вже имъ ажъ обрыдло. Чы далеко ще та Московщына?—пыталы воны одынъ одного.

Та ще пидтопчемъ ногы,—одказувалы други, догадуючысь: не блызько, мовъ!

Помынувшы свои степы, зъ невелычкымы хуторамы, що якъ квитнычкы весело кыдалысь у вичи, свои велыки села, зъ крывымы вулыцямы, зъ билымы хаточкамы, зъ вышневымы садочкамы, свои городы, схожи на села,—увійшлы воны въ лисный край. Передъ нымы й за нымы стоялы страшни боры сосны, ялыны та осычыны. Ишлы воны день, ишлы другый... лисъ, та й лисъ!

— Оце й Московщына почынается, сказавъ хтось.

— Оце?! Та й не весела жъ яка вона!.. все лисы та боры, куды окомъ не скынь... тилькы небо кризь верховыну мріе.

Сумно стало Максымови середъ лису; жаль ёму стало своихъ степивъ безкраихъ, свого неба высокого: тутъ за лисомъ було тисно, душно, а небо здавалось нызькымъ, похмурымъ. И справди воно було нызьке й похмуре: йшлося вже до осены,—темни хмары, ажъ чорнувати, снувалы по небу; перепадалы части дощи.

Пройшлы верстовъ зъ пьятьдесятъ чы зъ шистьдесятъ лисомъ—ни хатынкы, ни людынкы?..

— Де жъ тутъ хуторы, села, городы? Хиба тутъ и людей немае?..—толкуются сами мижъ собою.

— Та тутъ лыбонь одынъ тилькы городъ Москва и йе, та й той ажъ на самому краи Московщыны,—одказавъ хтось.

Уси похмурилы, зажурылыся: йшлы мовчкы, повисывшы головы. Пройшлы ще верстовъ зъ десять або й бильше: выйшлы

на узлисся. Зъ пидъ тесовои стрихы якоись чорнои будивли показався дымокъ... Очи напрямылысь на єго.

— Що то? Кузни?—пыта Максымъ.

— Село!—одказавъ ёму старшый москаль, що вивъ ихъ.

— То це кузни у царыни?

— Нѣтъ, то—избы?

— Що то за избы?

— Хаты, по твоему, хахолъ!

Максымъ зареготався...

— Побый васъ лыха годына, бисови люде, зъ вашымы хатамы!—каже винъ, регочучысь, до своихъ.—У насъ кузни чыстищи, нижъ у ихъ хаты. А ще выхваляются своею стороною?! Ну, вже й сторона!.. Не прыводь, Господы, бачыты николы такои другои!

Увійшлы въ село, або краще въ одну довжелезну вулыцю, котра й була циле село. Ажъ дывно! Одным одна вулыця, парканамы одгорожена зъ одного й зъ другого боку; а на вулыцю выглядалы безъ виконъ хаты—чорни, якъ коморы, закурени дымомъ. Де-де забованилы й люде—въ лычакахъ, у довгополыхъ балахонахъ, зъ бородамы.

— То це кацапы!—скрыкнувъ Максымъ, почувшы ихъ мову.

— Та кацапы жъ. Оце й йе тоби справжня кацапщына!—одказувалы други, и соби дывуючысь на іи прохвалену красу.

Отъ, розвелы ихъ по кватыряхъ. Максымъ—ажъ сплёвувавъ. Тараканы, прусакы, стоногы—снувалы скризь по столахъ, та було ихъ и въ страви, и въ кваси. У хати—невыметено; смитныкъ по колина; несло одъ нёго чымъ-сь смердючымъ; пидъ сволокомъ, де на ёго сторони зайви горшкы ховають,—тутъ булы замисть лижка лавы. Свитылы въ хати не смальцемъ або оліею, а якымысь тонкымы лучынамы. Дымъ зъ печи валывъ прямо въ хату,—бо хата безъ дымаря;—давывъ у горли, ризавъ очи. Максымъ не полизъ на «палати»; страшно ёму було прылягты и въ тій багнюци, що на доливци.—Винъ за цилу ничъ не прылягавъ: зъ хаты ходывъ на двиръ, зъ надвору—въ хату; смоктавъ люльку (бо хазяинъ

прохавъ, щобъ не курывъ у хати), та лаявъ кацапивъ й кацапщыну. Тутъ винъ уперше побачывъ, якый кацапъ у себе дома.

— Черезъ те жъ воны, бисови ведмеди, и йдуть до насъ хлиба заробляты, що имъ тутъ не медяно середъ оцихъ боривъ та пущъ сосновыхъ!—думавъ винъ.

Ранкомъ знову погналы ихъ дали.

Чымъ дали йшлы, тымъ не краще, а гирше. Помыналы воны ще такыхъ же селъ, може, зъ десятокъ; мынулы й городъ одынъ. Церковъ билило ажъ шисть, чы симъ, а то все чорнило сиро-чорнымъ цвитомъ. За городомъ тилькы якась хвабрыка мурила, бо до цеглы не такъ дымъ прыстававъ, а, може, ще була недавно вымурована. Засумувалы наши некрутыкы! А до того попидбывалыся такъ, що молылы Бога, колы бъ уже швыдче доставытысь на мисце,—хай воно вдесятеро буде гирше того, що бачылы:—абы спочыты. Ишлы вже два тыжни й два дни.

Ажъ ось, пройшовшы ще днивъ зъ пьять, сказано имъ, що вже не далеко те мисце, куды ихъ гналы. Лисы, що-дали, все ридчалы та ридчалы; почалося нывья—не нывья, а такъ, поле зъ пенькамы (выдно, не дуже давно и тамъ лисъ бувъ); а здалека заманячыло имъ щось высоке—то тамъ, то тамъ... Пидійшлы блыжче—побачылы верховыны церковъ, и зъ золотымы банямы, й зъ блакитнымы, а найчастище—по зеленому полю золоти зирочкы. «Ще трохы—витеръ доносывъ до ныхъ заводы дзвонивъ, гвалтъ, крыкъ. Серце въ кожного радисно забылося. Ось-ось такы спочынуть!

Велыке мисце зъ своимы церквамы высокымы, зъ своимы палацамы довгымы та шырокымы, зъ камьянымы крамныцямы, роскынулось на невелычкимъ згирку. Внызу, посередъ города, текла ричка—шырока й глыбока; багато по ній снувало барокъ, плотивъ, пароходивъ; коло ричкы й на вулыцяхъ—гармыдеръ, крыкъ, тиснота, якъ на ярмарку. Багатство миське некрутивъ здывувало. Тамъ—цила вулыця камяныхъ крамныць, де выдымоневыдымо понапыхано всякого краму. У крымныцяхъ, за прылавкамы, сыдилы бородати кацапы—купци й заклыкалы прохожыхъ, разомъ выкрыкуючы, яки въ ныхъ товары. Отъ—базары

зъ усякымы найидкамы, напыткамы. «Отъ бы це въ Пискы перенесты»!—не втерпивъ Максымъ. А це—величезни хоромы зъ такымы викнамы, що всёго тебе зъ нигъ до головы выдно, якъ у дзеркали. Улыци шыроки, ривни, каменемъ убыти.

— Бачъ, бисови кацапы!—подумавъ Максымъ; яки въ себе городы позаводылы, а села бильше на загороды схожи, нижъ на людське жытво?! Все, що було на селахъ найкращого, мабуть, постягалы сюды.

Прывелы ихъ до камьяныци—довгои-довгои, облупанои, чорнои. Построилы въ лаву передъ камьяныцею. А зъ неи повыходыло панства-панства—и въ палетахъ, и безъ палетивъ. Ходыло те панство помижъ ихъ рядамы, обдывлялося.

— А й да маладецъ какой!—промовывъ одынъ до Максыма.

— Соби такый вдався!—одрубавъ Максымъ.

Уси зареготалыся. Панокъ гризно глянувъ на Максыма й пишовъ дали.

— Въ казармы!—хтось гукнувъ зпереду.

Повелы ихъ у казармы.

Хаты булы великы, простори, тилькы темни та чорни, по стинахъ цвила плиснявка; потёкы збигалы до долу. Посередъ хаты стоялы довги столы въ тры ряды: то нары, для спання. На доливци—смиття по бокы. У хати стоявъ мовъ чадъ; смердило, якъ зъ помыйныци.

— Тутъ, выдно, чорты жылы, а не люде!—промовывъ Максымъ, увійшовшы. Уси сумувалы, журылыся, повкладавшысь спаты на довгыхъ столахъ. Одъ натомы ни рукъ, ни нигъ не чулы, а спаты—довго не спалы. Усе имъ здавалося, що це воны въ тюрьми, въ неволи. Що, якъ-бы побачылы родычи, де воны ночуютъ? Мабуть бы одцуралыся на викы. Булы таки, що плакалы, згадавшы про домивку. Не легко було й Максымови; одже винъ не плакавъ, а насмихався надъ усимъ:... и надъ кацапамы, и надъ своимы, и надъ собою.

Йе таки люде, що найважчу тугу вылываютъ смихомъ, жартамы. Про ныхъ завжде кажуть, що воны николы горя не зна-

ють; зовуть ихъ за те щаслывымы. Отакымъ щаслывымъ и Максымъ удався.

Ранкомъ вывелы ихъ зъ казармы на двиръ; розставылы лавамы; выщый зъ выщымъ, ныжчый зъ ныжчымъ. Знову ихъ обдывлялыся, розставлялы, переставлялы, якъ було треба, наказуючы, щобъ не забувалы хто биля кого стоить. Попорядкувавшы, одпустылы ихъ передыхнуты, бо завтра вже на учення.

Замисть передышкы, некруты одпрохалыся въ старшыхъ москаливъ—городъ подывытыся. Ти одпустылы. Проблукалы наши новобранци цилисенькый день по городу; набродылыся и надывылыся до утомы,—такъ що, вернувшысь, заразъ же полягалы спаты, та й поснулы, якъ побыти. Нови дыва, котри воны бачылы въ ґороди, прогналы вчорашню думку про домивку.

Тилькы що стало на свитъ благословлятыся, затуркотивъ барабанъ, пиднялася шатанына. Коженъ схоплювався зъ постели; на швыдку вмывався; натягавъ одежынку й выходывъ на шыроке дворыще—заразъ же за казармою. На «плацу» розставылы ихъ невелычкымы купкамы, прыставылы до кожнои по старшому,—та й давай учыты: якъ ходыты, стояты, якъ рукы держаты, колы й що казаты. Неслухняныхъ былы, а все такы вчылы: учылы, щобъ быты, былы, щобъ учыты. Такъ день у день, день у день. «И на що жъ це воно? кому вона здалася оця муштра?... для чого?»—думалы воны, вертаючысь зъ учення. Здавалася вона имъ гирше каторжнои роботы.

Одже Максымови було все це за играшку. Скоро винъ вывчывся добре «носкы» вытягуваты, маршыруваты, стрыбаты, по московській выкрыкуваты. Такъ мовъ старый москаль! Стари москали дывувалыся ёго дотепности, та выхвалювалы передъ молодчымы некрутамы.

Трохы згодомъ напьялы на ёго мундырь, муныцію—ранець, каску, прытупею,—далы шенелю и рушныцю. Якъ убрався Максымъ,—москаль москалемъ. Ридна бъ маты не пизнала! Меткый, поворотній, — на вси бокы москаль! Вранци рано пиде на учення; промуштрують ихъ—геть уже сонечко пидобьется. Ведуть снидаты каши зъ саломъ; а того сала—й духу нема. Пе-

репочынуть трохы,—знову на збиръ: обидаты. Пообидають. Сонце вже повернуло зъ полудня. Барабанъ туркоче,—знову на учення. Муштруются вже ажъ до пизнёго вечора. Мынають мисяци, рикъ. Одно та й одно.

— А, бый тебе сыла Божа!—думае Максымъ. Хочъ-бы вже повелы куды инде... або ворогъ вырескався! А то—муштра, та й муштра! Та хочъ бы ризна; а то: якъ сёгодня, такъ и завтра, й позавтрёму. Вытягай ногу, крычы: «разъ!... два!»... Скыдай ружжо на плече; скыдай зъ плеча; прыциляйся разивъ сто на день... а хочъ бы тоби разъ сказалы выстрелыты!... Я думавъ: що въ тыхъ москаляхъ? ажъ воно—одна тоби муштра... на ученни и на смотру, и на паради пидъ церквою. Уже такъ затвердывъ,—якъ свои пьять пальцивъ. Ну, муштруйся! Доведется одъ нудьгы пропасты

Отъ, и давай Максымъ свою нудьгу розгоныты: ставъ горилку, якъ воду, дудлыты. Москали пидхвалювалы его за те, що «чысто» пье; иноди й у шынокъ водылы,—бо въ самого Максыма не було й шеляга за душею. Ти гроши, що маты передала, давно пропывъ.

Разъ побывся Максымъ на-взакладъ, що выпье кварту и не буде пьяный. Закладъ на пьять карбованцивъ. Товарыши розняли рукы. Далы кварту горилкы. Максымъ якъ прыложывъ до губивъ,—тилькы на тры ковткы й стало. И хочъ-бы скрывывся, поморщывся! Тилькы, мовъ, очи заблыщалы, та повеселишавъ трохы. Супротывныкъ выйнявъ пьять карбованцивъ,—дае ёму.

— На биса мени гроши крыкнувъ Максымъ.—Катай, братця, на вси!!

Пропылы ти пьять карбованцивъ, попылыся пьяни, якъ земля,—на сылу рачкы до казармы попрылазылы. А тутъ—якъ на те—була перевирка. Не доличылыся щось пьяты чы що. Выходять ранкомъ на двиръ,—ажъ воны рачкують по дворыщу. Забралы ихъ, позачынялы въ темну. Сумують воны.

— Не сумуйте, братця!—утишае Максымъ.—Симъ бидъ—одынъ одвитъ! Я васъ вызволю.

— Якъ же ты насъ вызволышъ?

— А такъ: кажить, що я напоивъ.

— Ну, то що?

— Ну, то й ничого. Тамъ уже мое дило.

Колы це—клычуть ихъ до ротного. Ротный такъ и накынувся на ныхъ звиромъ. Стоять москали, та одно твердять: «вынувати»! «вынувати»! А Максымъ стоявъ-стоявъ, слухавъ-слухавъ, та й выступывъ упередъ. Его ротный уподобавъ за моторнисть.

— Я, каже винъ, усёму выною, ваше б—родіе! Я ихъ напоивъ. Отъ, уже скилькы тутъ, а не зибрався подякуваты имъ за науку. А це—выбравъ ничку, та й то не гараздъ. Быйте мене, ваше б—родіе, скилькы хочете: я всёму выною. Не наказуйте тилькы моихъ товарышивъ, учытеливъ!

Це ротному сподобалось. Помнякшавъ зразу, ще полаявъ, побатькувавъ трохы, та й прогнавъ: «Не смѣть мнѣ! другой разъ... засѣку!»

Выйшлы одъ ротного, сміются; дякують Максымови, що, колы бъ не винъ, дуже бъ солоно прыйшлося.

Писля того, Максымъ ставъ душею москаливъ. Моторный, смилывый, винъ скризь дававъ усёму прывидъ; оступався за товарышивъ, колы ти де на гулянкахъ заводылы сварку; говиркый—винъ завжде выбрихувався передъ начальствомъ, якъ де попадалось товарыство. Бувшы на всёму казенному, не маючы велыкои недостачи въ одежи,—винъ не жалувавъ ничого свого. Лучалося що-небудь роздобуты,—все те йшло на гуртъ, на товарыськи пропои.

Товарыши души въ ёму не чулы. Колы лучалося ёму яке лыхо,—воны завжде гуртомъ его выручалы. Чы згубыть бува люльку въ сварци, а грошей на нову катъ-ма,—воны складалыся по шагу тамъ, чы по копійци—и купувалы; чы порвалося що зъ одежи, пры бійци, до останку,—воны ёму выслужену й залежану въ якого бережлывого бралы й давалы. Повага й шаноба Максымови!

Прывыкъ Максымъ до такого жыття. Ни, думавъ винъ: Московщына далеко краща, нижъ ридна сторона! Що тамъ? степъ та й степъ, плугы, та бороны, та витеръ по степу; а люде—коженъ самъ соби. А тутъ,—чого душа забажала, все йе; а товарыши—браты ридни: за нымы, якъ у Бога за дверыма—и поможуть, й выручать... зъ нымы краще, нижъ зъ батькомъ та матирью»!

Максымъ, якъ тамъ кажуть, и горенько покотывъ! Одно тилькы ёго мучыло, одно здавалося гирше печенои редькы, становылося руба въ горли. Це—жыття въ казарми вонючій та вонюча йижа. Хлибъ той—чорнишый земли, зъ остюкамы,--та ще до того, якъ згадае Максымъ, глядючы на ёго, що винъ у шаплыку ногамы мишаный,—то ажъ занудыть. Капуста—до носа не прыводь, каша—зъ рота верне.

— За все у васъ добре, хвалытся Максымъ кацапамъ-товарышамъ,—одно погано: йисты ничого.

— Пидожды!—одказують,—диждемо недили—будемо прохатысь на «пракармленіе». Колы бъ тилькы намъ хвидхвебеля задобрыты, а то бъ—усе було гараздъ!

— Куды на прокормленіе?—пыта Максымъ.

— Да по міру прайтись. Авось атыщится добрый челаекъ, дастъ свои заплаты солдатскія дыры заплатать!

Максымови стало ніяково. Одначе винъ на те ничого не одказавъ.

Диждалы недили. Тилькы що почало на свитъ благословлятыся,—прыбигають товарыши.

— Братъ! а братъ!—будять.

— Ну?

— Вставай, падёмъ къ ротному.

— Чого?

— Какъ чаво? развѣ забылъ?

Максымъ уставъ. За нымъ прокынулысь де-яки други; почалась товарыська розмова.

— Ну, что фельдфебель?—пыта одынъ.

— Собака!

— Какъ?

— Да такъ, двадцать пять содралъ! Звѣрь, братъ, настоящій звѣрь! Гаваритъ: кали дадите, братцы, четвертную,—скажу ротному; а не дадите,—не смѣй и рта разинуть...

— Старава, братъ, воробья на мякинѣ не изловишь! Онъ, братцы, знаетъ досканальна всю ефту механику,—выяснявъ одынъ зъ наръ, посмоктуючы люльку и сплёвуючы на стелю.

— Да вѣдь пайми ты, Митричъ: такъ вѣдь безбожно драть! Ето вѣдь съ сваво брата, а не съ чужова.

Пади... Станетъ онъ разбирать: гдѣ свой, гдѣ чужой... Ему—дай!

— Ну, и не звѣрь ли?.. Звѣрь и есть.

Отакъ розмовлялы москали, покы Максымъ умывся, убрався. Пишлы воны въ трёхъ до хвидхвебеля. Той заразъ же повивъ ихъ до ротного.

— Ну, што, Федосеичъ?—пыта ротный. Всё благополучно?

— Всё, ваше б-родіе? Толька адно худо...

— Што?

— Ребятамъ, ваше б-родіе, худо...

— Чѣмъ?

— Ѣсть нечево, ваше б-родіе. Просятся на пракармленіе!

— Куда?.. зачѣмъ?—скрыкнувъ ротный.—Я имъ дамъ пракармленіе!

— Ѣсть нечево, ваше б-родіе,—одно ёму хвидхвебель.—Гаварятъ: пампрёмъ съ голоду...

— Што ты врёшь, старый хрѣнъ? Какъ ѣсть нечево?.. Вѣрно ужъ успѣлъ содрать?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше б-родіе! Гаварятъ: четвертую часть за позволеніе!

Ротный замовкъ; крутывъ вуса.

— Кто идётъ?—спытавъ, помовчавшы трохы.

— Да вотъ: Ивановъ, Евпраксеевъ, да хахолъ—Максимъ.—Поди сюда, ребята!—гукнувъ винъ кризь двери въ сины!

Ребята увійшлы въ хату, сталы, вытяглыся въ струночку,—якъ верствы на шляху.

Ротный заразъ до Максыма (любывъ такы «хохлыка»).

— Што, братъ, Максимъ--худа жить?

— Худо, ваше благородіе: йисты ничого!..

— На пракармленіе хатите?

— Точно такъ, ваше б-родіе,—забелькоталы разомъ москали.

— Развѣ пазволить, Федосеичъ?.. пытае ротный, скоса поглядаючы на хвидхвебеля.—Пазволить легко... Ну, а какъ попадётесь?

— Никакъ нѣтъ, ваше б-родіе,—знову забелькоталы вси въ одынъ голосъ.

Ротный подумавъ ще.

— Ну, пазваляю... Только сматрите: попадётесь,—засѣку! Слышь?..

— Слушаемъ, ваше б-родіе!

— Ну, съ Богомъ, братцы, маршъ!

— Благадаримъ пакорно, ваше б-родіе!—выкрыкнулы москали на прощання, и выйшлы за двери.

Скоро вся рота заворушылася. Оступылы кругомъ заробитчанъ; роспытують, куды идуть, одни раять—въ одно мисце, други—въ друге. Гудуть, мовъ бджолы въ улику... А заробитчане ради таки! Думка: хочъ тыждень у смакъ пожывлятся: попойидять мняса, а не гнылу капусту та хлибъ зъ остюкамы; побудуть на воли, а не въ казарми вонючій.

— Не худо бы, братцы,—каже хтось,—пійты по купцамъ съ образкамы.

— А што?... Право, братцы, не худо!—промовылы заробитчане.

Побалакалы отакъ, порадылысь, зибралысь,—пишлы. Надъ вечиръ зъ пивсотни рублывъ несуть! Рота радіе, юртуется... Прысудылы заразъ виддаты двадцять пьять Федосеичу, а останни—виддалы до схову старому унтерови.

Швыдко заробитчане знову пишлы, а рота, сподиваючысь на добру пожыву, загуляла. У кого зосталася яка копійка про чорный день,—той и ту вытрушувавъ. Зложылысь гуртомъ, купылы горилкы; набражылысь, якъ квачи;—спивають, лаются, згадують тогоришни прыгоды, свои заробиткы, утраты... Горилка

порозвьязувала языкы. Той журытся въ голосъ за своимы: якъ тамъ жинка, диты? Той розсказуе про зрадлыву дивчыну,—якъ винъ іи пацёркы обирвавъ; той хвалытся коханнямъ своеи... Коженъ—своимъ!

Сонце вже спускалося, якъ выйшлы заробитчане зъ города въ чысте поле. Пройшлы верстовъ зъ пьять... Передъ нымы сосновый биръ стоявъ, якъ чорна стина, за нымы мисто гвалтувало,—невгавучый крыкъ та гоминъ доносывся до ныхъ... Заробитчане все ийшлы, та ийшлы... Уже й захидъ сонця ставъ жовтиты та блидниты, ничъ насовувала на землю; ясни зори выблыскувалы въ темному неби; морозъ дужчавъ; дорога рыпила пидъ ступнямы...

Заробитчане йшлы мовчкы. Не доходячы до лису, почулы воны жалибный скрыпъ полозкивъ объ мерзлу дорогу; важку ступню кинську и цмокання людського голосу; незабаромъ показалыся й сани, повно навантажени. Зверху сыдивъ здоровенный чоловикъ, у бороди, зодягненый по кацапському.

— Стой!—крыкнувъ одынъ зъ москаливъ.—Ивановъ перебигъ шляхъ и вхопывъ коня за удыла. Кинь ставъ.

У Максыма морозъ побигъ по-за спыною... «Що жъ це воно буде?»—думавъ винъ,—та й одійшовъ у бикъ, подывытыся. Другый москаль, Евпраксеевъ, пидступывъ до купця.

— Здарово, купецъ! А што, братъ, за товаръ везёшъ?

— А ты—што? Што ты, што я тебѣ стану отвѣтъ давать?.. Пади прочь!.. Та и устае зъ саней.

Глаза имѣешь,—самъ видишь!—одказавъ Евпраксеевъ.

— Да вижу, что солдатъ... Но чаво тебѣ нужна?

— А вотъ чево, купецъ: вотъ ты товаръ везёшъ; а у тебя ево и безъ ефтава многа...

— Ну-у?

— Да ты лошадь понукай, а не меня!.. Такъ вотъ видишь-ли: у тебя товару многа, а у салдата ничево... у салдата,—самъ знаешъ,—и душа казённая... Пажертвуй, што твоя милость, на солдатское житье-бытье!

— А ты откелева—такой?

— Да ужъ откелева—не тебе знать... Мы просимъ... Дашь,—за тваё здаровье выпьетъ братъ-салдатъ, а не дашь,—не надо, праваливай!

— Праваливай? Ишь ты какой вострый! А ты бы такъ и сказалъ, а то вишь, лошадь астанавливаетъ, словно воръ какой...

— Да вѣдь тебя, барада, не астанави,—обизвався спередъ коня Ивановъ,—ты нашево брата и слушать не станешь, вотъ что!

— Дашь?—спрашиваю,—прыстававъ Евпраксеевъ.

— Во—на!—одмовывъ купець, показуючы кулака.

— Ну, Богъ съ табой! Пусти ево, братъ,—промовывъ до Иванова Евпраксеевъ.

Той пустывъ коня. Пидійшовъ до ныхъ и Максымъ, та разомъ и потяглы лисомъ.

Купець пыльно дывывся въ слидъ имъ и щось думавъ. А це якъ скрыкне!

— Е-ей, ты? слышь?.. какъ тебя?..

— А што?—пытае Евпраксеевъ, повернувшысь до купця.

— Вазвратись!

— Да чаво? поѣзжай себѣ!

— Вазвратись, гаварю!

Москали гуртомъ вернулыся.

— Вотъ вамъ, братцы, красненькая, вспамяните раба Божія Парамонта,—промовывъ купець, подаючы до рукъ десятырублёву бумажку.

— Спасибо, купецъ. Не забудемъ, Парамонта, гаваришь?

— Парамонта, братцы! Парамонта!

— Ну, пращай. Счастливаго пути!

— Пращайте, братцы. А далече идёте?

— Да на сёла.

— На пабывку?

— На пабывку.

— Памаги вамъ Богъ!

— Спасиба. Пращай, батюшка!

Розійшлыся. Купець пойихавъ у городъ; москали пишлы дали шляхомъ.

Максымъ дывувався. «Узявъ бы ты въ нашій сторони!—думавъ винъ.—Мабуть бы, чорта спикъ»...

— А добрый, братця, купець,—обернувся винъ зъ словомъ до товарышивъ.

— Што, братъ!.. Купецъ, братъ—свой челаекъ. Онъ самъ знаетъ нужду солдатскую,—всегда пособитъ... Во—баринъ, братъ! О, то вострый шельма! У таво просьбой не вазьмёшь: духъ развѣ вышиби, ну, тогда такъ.

Отакъ, розмовляючы мижъ собою, ишлы заробитчане боромъ. Уже до пивночи добиралося, якъ воны входылы въ село, та прямо до шынку. Тамъ ще свитылося. Чутно було:—пьяными голосамы тоненько бородачи выводылы «лучынушку».

Заробитчане ввійшлы въ шынокъ: поскыдалы зъ плечей клункы, посидалы въ рядъ на лави.

— А дай-ка, хазяинъ, три касушки служиламу брату, ево косточки разагрѣть!—промовывъ Ивановъ до шынкаря.

— А на што я дамъ?

— Какъ на што?

— А на то: деньги есть?

— На што те деньги? Развѣ ты съ міру не надралъ? Небось—никаво въ кабакѣ не было!

— Ну, дакъ што?.. были... спасиба, заходятъ добрые люди!

— А то: ани вотъ и внесли сваю капеечку на салдатскую долю,—обизвався Евпраксеевъ.

— Какъ бы не такъ? Держи карманъ!

— Да ужъ вѣрна.

— Да, вѣрна. Только вотъ теперъ народъ что-то забаловался: водки мало пьётъ.

— Ну, не ври!

— Какъ же? Стану те врать.

— Ну-у! давай, полна те!

— Да што ты? Давай деньги,—вотъ те и сказъ; у меня, вишь, водка не своя—купленая.

— А мнѣ то што за дѣло, что купленая. Ты съ миру надерёшь. А салдату гдѣ взять? Ты знаешь: салдатъ—казенный челаекъ.

— Филипичъ! а, Филипичъ!--крычыть на шынкаря одынъ зъ пьяныхъ кацапивъ:—дай ушь имъ, право-дѣло,—дай! Люблю салдата. Салдатъ, братъ, казённый челаекъ. Не ровенъ часъ, завтра всѣ пайдёмъ. Вонъ, сказываютъ Турка шельма царя батюшки не слушаетъ. Дай!

— А ты што ли мнѣ заплотишь?

— Будетъ,—заплачу. Дай!

— Какъ же? Съ тебя твоихъ не выдерешь, а ты еще и за другихъ!

— Да што ты—не вѣришь на слово доброму челаеку? барада ты казлиная!—крыкнувъ Евпраксіевъ и сунувся до бороды.

— Да ты барады не тронь!—одказавъ, одпыхаючы ёго руку, шынкарь. Самъ бы насилъ, да небось сбрили.

— Сталъ бы я твоимъ казлинымъ атродьемъ сваё благородное лицо марать?!

— Да ты то што такое?

— Развѣ не видишь? мираѣдъ ты етакой! Развѣ не видишь, кто я?

— Да видно, что салдатъ. Ну, а што?

— Какъ, ну? Ты знаешь, что такое салдатъ? Салдатъ за тебя, дурака, грудь сваю подъ непріятельскія пули подставляетъ, крофь свою праливаетъ. Вотъ што—салдатъ!—Таки слова розжалобылы всю пьяну бесиду.

— Терёха? а, Терёха! А правду, вѣдь, салдатъ гаваритъ У-ухъ! какую правду. Салдатъ—ето, братъ,—бѣда! Салдатъ—ето, братъ, казённый челаекъ, слуга царскій. Ето не то, что мы съ табой! Онъ, братъ, свою грудь подъ непріятельскія пули подставляетъ, кровь за насъ проливаетъ!

Терёха, якъ выдно, лызнувъ уже и геть то, бо посоловилымы очыма мутно тилькы дывывся на свого товарыша, хытаючы зъ боку на бикъ головою, а слова не здужавъ вымовыты.

Други кацапы й соби пиднялы голосъ за москаливъ: давай шынкаря лаяты, ганьбыты; страхалы, що бильше въ ёго й чаркы не выпьють. Шынкарь стоявъ за стойкою, мовъ не до ёго ричъ,—тилькы почервонивъ, та знай оддувався, та гладывъ рукою свою шыроку та густу бороду.

— Да што, братцы, на ево сматрѣть?—крыкнувъ Евпраксіевъ до пьяныць.—Тащи, кали такъ, цѣлое ведро!—Та й кынувся за перегородку до бочкы.

— Толька тронь, убью!—зарычавъ сципывшы зубы шынкарь,—и вхопывъ здоровенный обрубокъ у рукы, замахнувся. Пьяныци пидскочылы, выхопылы зъ рукъ обрубокъ.

— Дакъ ты еще на жизнь маю посягаешь, барада ты казлиная?!—закрычавъ Евпраксеевъ, уплутавшы пьятерню въ шынкарську бороду. Шынкарь у крыкъ.

— Вали, братцы, ево! вали! Вотъ я ему задамъ салдатскихъ тесаковъ, чтобы онъ зналъ мираѣдъ едакой, какъ васъ, братцы, абдирать, да какъ съ салдатомъ абходиться! Вали! Кацапы разомъ кынулысь. Та й шынкарь, выдно, пры сыли бувъ, бо тилькы струхнувся,—такъ уси и одскочылы, якъ груши. Шынкарь кынувся на москаля, збывъ зъ нигъ и насивъ, якъ шулика курча.

Жаль пронявъ Максыма, якъ винъ побачывъ, що свого бьють.

Однымъ замахомъ кулака повалывъ винъ шынкаря на землю, взявшы мижъ ногы ёго голову. Тымъ часомъ пидскочывъ другый москаль—и давай почыщаты тесакомъ. Шынкарь не крычавъ, не пручався, а тилькы стогнавъ.—Попобывшы добре, пустылы. Шынкарь плакавъ, лаявся.

— А что—теперь дашь по касушкѣ?—пыта знову москаль.

— Бери, пусть те удавитъ!—кризь слёзы промовывъ шынкарь и пишовъ соби въ другу хату.

Пьяныци сміялыся. Москали выпылы по косушци, зайилы хлибомъ.

— Ну, теперъ намъ не время. Нада на работу поспѣшать. Прощайте чесная кампанія! Прощай и ты, дядя. Не сердись, да впередъ умнѣе будь!--промовылы москали до шынкаря, покло-

нылыся чесній компаніі—и выйшлы зъ хаты. За нымы де-яки зъ пьяныць. Одного москали завербувалы зъ собою и потяглы на ничъ до ёго, роспытуючы, хто тутъ на сели багатырь и якъ хто поводытся зъ людьмы. На ранокъ, чутно, то того, то другого обикрадено. Шынкарь, чухаючысь, и свою прыгоду розсказавъ. Поклыкалы старосту, кынулысь за москалямы, та ихъ уже й слидъ замело! У другому сели спродувалы те, що добулы въ сёму.

Прошвендялы заробитчане цилый тыждень. Вернулыся въ городъ, несучы зъ собою чымалу сылу грошей. Що слидъ, оддалы ротному, а на останни загулялы. Таки походы хоча спершу и будылы якось сумъ и острахъ у души Максымовій неправдою, крадижкою, рабункомъ, а не чеснымъ заробиткомъ, але-жъ пры такому товарыстви, пры гульни та выхвалкахъ одного передъ другымъ своею сылою, своею вдатнистью, стыралы ту чорну думку. Максымъ швыдко забувъ про неи. Усе жъ такы для ёго непосыдячои натуры се була робота, зъ котрои одному выходыла корысть, другому—шкода. Не те, що нудна що денна муштра, котра—якъ думавъ Максымъ—никого ни знобыть, ни гріе. И винъ цилкомъ оддався тій роботи. Ни одынъ случай не обходывся безъ ёго. Тутъ винъ выказувавъ свою сылу и свій розумъ. Иноди и геть-то круто прыйшлося бъ, якъ бы не винъ.

За те ёго ривни любылы, якъ товарыша, котрый, никому не попустыть свого брата въ образу; старши любылы, якъ добру дійну корову, а начальство любыло, якъ на все здатного, моторного москаля, котрого не встыдъ послаты въ ордынарци и на смотръ, передъ ще выщымъ начальствомъ показаты. Незабаромъ Максыма зробылы унтеръ-офицеромъ.

VI.

Максымъ-старшымъ.

Що можна ляли, того не можна мами. Що можна простому москалеви, того,—бороны Боже,—старшому. Теперъ Максымови

не можна вже ни гуляты, якъ колысь, бо начальство старшыхъ частише бачыть; ни на «прокормленіе» попрохатысь, бо старшыхъ не пускалы. Старши держалы себе геть-далеко одъ простыхъ москаливъ, щобъ ти не зазнавалыся; докорялы ихъ за всяки провыны; былы, нехтувалы. За те ихъ прости москали ненавыдилы. Не жылы старши въ мыру и мижъ собою: кожному бажалося выскочыты передъ начальствомъ, показаты себе за найкращого. Черезъ це коженъ на кожного клепавъ, наговорювавъ, всякъ пидставлявъ ногу другому. Не стало братерства, не стало товарыства—и коженъ думавъ тилькы про себе, норовывъ тилькы для себе,—абы самому добре!

Перевернуло старшынування й Максыма. Спершу винъ бувъ запышався, почавъ гордуваты ныжчымы себе, а найбильше—своимы землякамы; ставъ ихъ ганыты, а часомъ и по зубахъ даваты, щобъ похнюпый «хахолъ» державъ ривнише голову; иноди по руци або по нози тесакомъ увирве, що не такъ руж-жомъ кыдае, не такъ носкы вытягае. Учни терпилы. Хочъ у души й проклыналы Максыма, а про те—слухалы,—духу его боялыся. На те служба!

Отже ни похвальба старшыхъ, ни покора ныжчыхъ не вдовольнялы Максыма. Стало ему те старшынування гирчійшъ полыню, ни съ кымъ души одвесты; ни до кого по братерськи забалакаты: ни на чому свои сылы показаты. А вона такъ и рвется на волю... та воли ни въ чому не було!

Наткнувся якось разъ Максымъ на граматку. Накынувся винъ на неи, якъ на свого ворога; прыгорнувся, якъ до матинкы,—почавъ учытысь. Нудно й трудно було заучуваты азы та букы. Та що жъ робыты?—учывъ. Якъ пройшовъ усю азбуку,—ажъ повеселивъ: дило пишло спирнише. Винъ бачывъ, якъ зъ литеръ складалыся слова; и дывувався дуже. Почавъ уже чытаты! И тутъ бида! Ниде ни запопаде такои кныжкы, щобъ по души прыпала. Перечытавъ винъ псалтыръ, часловець, перечытавъ жытіе якогось святого. Разъ—уторопавъ тилько черезъ девьяте-пьяте, а въ друге—таки кныжкы его не вдовольнылы. Молода душа, гаряче серце, выкохани на жывыхъ гризныхъ дидовыхъ перека-

захъ про Сичъ, про бои, про чвары, прохалы такого жъ палкого жывого слова про таки сами бои та чвары, а не чернечого смыреномудрія. Максымъ ёго не розумивъ—и куды зъ бильшою охотою слухавъ иноди побрехеньку якого-небудь сидоусого москаля про походы зъ «свитлишымъ князем Суворовымъ», або про давни московськи выходеньки! Надокучыла ёму й граматка, якъ никчемна ричъ. Ему хотилося гуляты, бытыся, рубатыся. Якъ на те жъ: кругомъ було тыхо, ниде ни що ни шерхне.

Що ёго робыты? Прыходылося смырытысь зъ своею долею, зъ такымъ нуднымъ жыттямъ. Максымъ помырывся, почавъ тилькы про одного себе думаты, за одного й для одного себе дбаты. Якъ грамотный, винъ усихъ ривныхъ пидвертавъ пидъ себе,—першымъ личывся въ начальства. А зъ простымы москалямы недобре поводывся: не тилькы зобижавъ ихъ, якъ други, а также, якъ и вси старши, почавъ обризуваты та обкраюваты ти злыденни московськи достачи, яки давалыся. А щобъ чымъ-небудь хочъ трохы одводыты душу, обзавився якоюсь повійныцею, та й гулявъ иноди зъ нею.

Ишовъ 1848 рикъ. Заворушылысь итальянци, хранцузы; за нымы пиднялысь нимци. Обхопывъ вильнолюбывый духъ чехивъ, цесарцивъ зъ ляхамы. Скризь червонила пожежа вольного духу. Покы жъ те зарево було здалека выдно,—силькись! Ажъ—ось палае огонь у сусида на самій граныци, не дай Боже, вихоть перекыне й на нашу сторону! Що тоди? «До зброи! до зброи!» загукалы наши. «До зброи,—бороныты Цисаря одъ ёго бунтовлывыхъ пидданныхъ!» Узброилысь наши и—погналы полкы за полкамы обороняты австріяка одъ венгра,—гасыты пожежу, котра то тамъ, то тамъ прокыдалася по Цисарщыни. Пишовъ и Максымъ, повивъ свого звода. Тутъ ёму вперше довелося побачыты боёву смерть своимы очыма. Разъ, середъ кривавого бою, де крыкъ, гамъ, дымъ, рикы крови, де те, що йшло въ гору, мишалося зъ тымъ, що ховалося въ землю,—Максымови трохы не довелося свою голову зложыты. Напалы на ихъ трёхъ—цилыхъ десять; сиклы, рубалы. Воны не подавалыся. Колы це—де не возьмысь,—пидскочыло зъ заду тры своихъ, якъ рубонуть вен-

герцивъ,—то одынъ тильки втикъ, а девьять на капусту посиклы Подякувавъ Максымъ незнаёмымъ москалямъ-товарышамъ, що выручылы зъ выдымои смерты, та й знову побигъ рубатыся.

А то вдруге, винъ выручывъ трёхъ москаливъ и знамено. День бувъ палкый-гарячый, а до того соняшного жару пиддавалы ще й гарматы свого—то зъ одного, то зъ другого боку. Наши стоялы на однимъ згирку, а венгеры навпроты, на другимъ. Палылы зъ гарматъ, палылы—ничого не бере! Тоди сказалы нашымъ «батарею взяты»... Пихота кынулась бигомъ. Ворогъ обсыпавъ іи картечнымъ градомъ—отже пихота добигла. Узялы наши батарею, та вже хотилы назадъ вертатыся. Колы—зыркъ! гонъ, може зъ двое, въ бикъ счепылася купка, рубается. А посередъ купкы,—выдно,—знамено: то опускается въ нызъ корогва, то знову пиднимается въ гору. Максымъ стоявъ зъ краю. Якъ побачывъ,—та не дожыдаючысь прыказу, якъ крыкне:—Зводъ, за мною!—Повіявся звидъ за Максымомъ. Пидбигають зъ блызька—ажъ то наши зъ венграмы за знамено ризанину справляють. Якъ кынется Максымъ на ворогивъ. Такъ хиба левъ кыдается на охотныка! Ти бачуть—не перелывкы—та въ-ростичъ. А Максымъ тоди: «Пали!» Москали прыложылыся: бухъ! бухъ! бу-ухъ! Одынъ поточывся, два стовбура стало. Максымъ прицилывся: бухъ!—вергерськый охвыцеръ заоравъ носомъ—и не скрыкнувъ, и не типнувся. Ни душечкы не зоставылы ворогивъ. Тоди до своихъ. Посередъ калюжи свижои крови, лежало чоловика зъ пьять; а обороныли тилькы трёхъ, та знамено. Максымъ глянувъ на жывыхъ—порубани, покарбовани; тоди глянувъ на мертвыхъ, й затрусывся. Посередъ купы лежавъ, объюшеный кровью, той самый чорненькый москаль, що обороныв Максыма одъ смерти,—лежавъ, типався, ще жывый. «Ой лышенько»!—промовлявъ недобытокъ: «Ой, ратуйте! Мотре! Хивре! Ой, ратуйте... Простить мене»! И, захарчавшы, замовкъ на викы.

— Хто то?—пытае Максымъ недорубкивъ, що одынъ бувъ безъ вуха, другый безъ пальцивъ, а въ третёго зъ плеча кровъ юшыла.

— Знаменосець, хохолъ Хрущовъ,—одказавъ безпалько.

-- Ну, пущай ево! Брось, Захаричъ! Панесёмъ знамья.-- каже безухый.

— Панесёмъ.

И вси пишлы.—Повивъ й Максымъ назадъ свого звода. Оглянутся—ажъ не мае Федосіевыча, хвидхвебеля. Де винъ? Тамъ, мабуть, де й други... Сказалы ротному; той полковныкови. Не можна пидъ такый гарячый часъ роти безъ хвидхвебеля буты! Кого жъ ёго? Хто бильше зарубавъ, хто кыдався въ саме пекло? А хто жъ, якъ не Максымъ! Винъ й знамено одборонывъ. Буть Максымови хвидхвебелёмъ!—Ставъ винъ хвидхвебелемъ. Незабаромъ ему за знамено Георгія почепылы. А тутъ и війни--шабашъ! Вертаймося до-дому!

Вернулыся.

Бильше старшынування ще дужче гнитыло Максыма. Теперъ уже треба буты кожну годыну готовымъ, сподиватыся, що ось-ось клыкнуть до ротного, або й до полковныка. Треба стерегтыся, щобъ не чутно часомъ горилкы.

Покынувъ Максымъ зовсимъ пыты; розплювався зъ своею дивчыною; ставъ тилькы ще дужче про себе дбаты. Воно й добре. Теперъ зручнише глыбче пьятерню запустыты въ московськи достачы: не зводъ якый тамъ, а цила рота на рукахъ! Зъ мыру по нытци—голому сорочка. Максымъ зарубавъ соби на уми, що це мудрише правыло на свити,—та й ставъ по ёму жыты. Нищо не проходыло мымо ёго рукъ, щобъ винъ не одколупнувъ хочъ трошкы на свою долю; нищо не перепускалось черезъ ёго рукы, щобъ винъ не выгадавъ остачы для себе.

Назбиравъ винъ и грошей, и одежи. Навищо? Самъ не знае, де ёго подиты, куды прыткнуты. Хочъ бы симья, тоди инча ричъ! А то--самъ, якъ палець. Симья? подумавъ Максымъ:-- добре бъ теперъ дило симью маты: знавъ бы на кого працюю, було бъ кому покынуты. Та й душу бъ можна одвесты.

Часто Максымъ, загадуючысь надъ своимъ бурлацькымъ жыттямъ, отакъ думавъ. Одно лыхо: ніякъ соби пары не знайде.

Кацапкы ему не сподобалысь. Биляви, хочъ иноди й хороши, воны завжде здавалыся Максымови немоторнымы неповоротнымы: сказано—якъ колода—ни прыгорнуты, ни поцилуваты, незугарна! Жалкувавъ винъ теперъ за своимы Марусямы, Горпынамы, Приськами, Малашками—часомъ и геть-то чорнымы, та палкымы дивчатамы, котрыхъ винъ за-молоду такъ безжалисно зъ ума зводывъ.

— Проклята сторона! думавъ винъ. Хочъ бы швыдче вырватысь до-дому,—щобъ хочъ пару знайты, а то доведетця тутъ и посывиты!

На его втиху, пара себе довго не заставыла ждаты.

На самому краи того самого городу, де воны жылы казармамы, на велыкому роспутти, куды завжде звозылы гній, нечысть, выкыдалы всяку падаль,—стояла однымъ одна хатка, якъ кажуть, на курячій нижци. Стины попрогнывалы, вывалювалысь,—порохня сыпалася зъ голыхъ колодъ; а по весни текла всяка нечысть—слызотила й пиныла; викна побыти, ганчиркамы позатыкани; верха зовсимъ не було; оселя наполовыну геть—чысто зогныла. Руина, а не хата! Кругомъ пустыръ, гноище. Одынъ Богъ знае, скилькы та хата переховала всякого темного й лыхого люду, що ховався у цій берлози самъ и переховувавъ легкои праци зароблене добро.

Жывъ теперъ у тій хати якыйсь москаль зъ своею невинчаною половыною. Москаль та его половына тилькы й зналы, що лаялысь та былысь, цылы та гулялы, переховувалы всякыхъ блудягъ, переводылы крадижку.

Чы на добро, чы на лыхо, росло въ тій хатци невелычке дивчатко—Явдошка, що найшлася черезъ рикъ писля того, якъ косоока Маланія зійшлася зъ крывоногымъ Терёхою. Росло воно само соби, безъ усякого прызору, безъ турботъ та клопоту батькаматери, немовъ воно було не ихъ дытына. Чы йило воно, чы голодне й холодне, було,—байдуже имъ! Покы жъ Явдошка була малою, то знай голосыла на всю хату, колы хотила, а пидняласе на ногы,—стала по дворахъ ходыты, прохаты Хрыста-рады. Що, рады души спасенія, клалы люде въ протягнену дытячу руку,—все воно несло до себе въ нору. Гроши заразъ же про-

пывалыся, пройидалыся, а одежынка надягалася на старе рамья и носылася безъ переминкы, покы сама не опадала стряпьямъ та гноттямъ.

Швендяння зъ-малу по дворахъ, простягання Хрыста-рады рукы по пидъ виконню,—прывчылы дивчыну не до праци, а до биганыны, до неповагы на чуже добро, часомъ тяжкою працею чесно зароблене. А до того—й прымиръ передъ очима! Дивка що ночи бачыла якыхсь людей, котри прыносылы до батька-матери всяке добро, та оддавалы скрытно до схову. Воно й само прывчалося до того, стало пидниматы все, що тилькы лежало не прыглянене.

Разъ якось, протягаючы одъ хаты до хаты Хрыста-рады руку, помитыла Явдошка въ одному двори на веревци развишани два здоровенныхъ платкы. Не довго думавшы, вона потягла ихъ, сховала пидъ юпочку, та й однесла до-дому. Батько та маты й не спыталы: де вона взяла ихъ, а почалы іи по головци гладыты, зваты «умныцею»—й далы трошкы горилкы выпыты. Явдошци вона подобалась. Писля неи стало тепло й весело. Зъ того часу дивчынка не пропускала вже николы такого случаю: черезъ ёго вона прыймала ласку одъ батька-матери, й горилку.

Зъ року на рикъ, пидростаючы та розумнишаючы, робылася Явдошка все хыжише та хыжише; до горилкы прывчылася, якъ до воды. Батько-маты теперъ уже не цуралыся дочкы, якъ спершу: воны іи прыхылялы до послуху то сымъ, то тымъ, а найбильше горилкою. Воны бачылы въ своій дочци добру помишныцю—и радилы, що знайшлы таку помичъ.

Якъ мынуло ій пьятнадцять литъ, воны ще щось запрымитылы. Кынулысь имъ у вичи тонки на шнурочку бровы, блыскучи, хочъ и сири, очи, й волосся, якъ лёнъ, лычко биляве и якъ рожа румьяне. Запала имъ у памьятку іи краса, урода дивоча. Воны порадылысь—не пропустыты даремно, не взявшы свого.

Пораялысь. Вымылы, вычесалы іи, одяглы въ нову одежынку, якъ панночку, и одніеи темнои ночи, одвела іи сама маты въ мисто, до велыкого будынку.

Пустылася дивчына, якъ собака зъ ожереду: що-дня, що-ночи гуляла! Тутъ знайшовся охвыцеръ якыйсь; узявъ іи зъ сырои холоднои хаты перевивъ у свій теплый, ясный будынокъ. Прожыла тамъ Явдоха зъ пивроку, въ теплиета на добри, та въ роскошахъ купалася; та жыва іи натура невдовольнылася тымъ: цокрала вона срибло та золото въ охвыцера. Прогнавъ іи охвыцеръ, обидравшы якъ билочку. Одначе вона не довго тужыла: незабаромъ знайшовся другый. Обикравшы й того, вона вже сама втекла.—Потимъ того, ни до кого вже не переходыла жыты, а стала сама до себе пryймaты—хто бильшу плату дававъ. Знаючы краси своій цину, вона торгувала нею, якъ жыдъ крамомъ, не пропускаючы случаю зирваты найбильше, а то—й пидголыты. Слава про злодійкувату Явдошку одбыла хить у панства та охвыцерства зайиздыты до неи. Грошыкы, що прыдбала, пишлы на роскишни уборы, на дороги наидкыт а напыткы. А тутъ—лыхо! почала вже й краса осуватысь, спадаты. Треба щось гадаты зъ собою! Треба заздалегидь десь захысту шукаты, прытулку для себе. Про батька-матиръ вона давно забула:—не знала—чы й жылы воны на свити. Жывучы сама зъ собою, вона розгадала, що черезъ ныхъ втеряла.

На той часъ зустривъ іи Максымъ. Зъ своимъ норовомъ веселымъ, та безжурнымъ, пры своій, хочъ уже и помьятій, а ще хорошій краси,—Явдошка запала ему въ око, вразыла въ серце. Максымъ почавъ лабузнытысь. Явдошка помитывшы це, та роспытавшы, що Максымъ мижъ москалямы не остання спыця въ колеси,—давай на его ще дужче налягаты. То дывысь: словомъ укольне; то мовчаннямъ дойме; то прыголубыть его коло себе, то знову одипхне его—гулянкамы зъ другымы.

Максымъ биснувався, а про те ще дужче закохувався. Часомъ вона розжалоблювала ёго розмовою про свое безталання, про свои недостачи. Максымъ несе ій на другу ничъ того й другого; дарує й жалує.

Не обійшлося безъ того, щобъ и вона не задумувалась про Максыма. Кари его очи заглянулы и ій въ серце; чорный вусъ

здавався такымъ хорошымъ; постать—бравою, дужою; та Максымъ чоловикъ и не безъ достаткивъ, не безъ копійчыны.

Зійшлыся воны, прожылы рикъ, другый; звыклы мижъ собою, якъ чоловикъ та жинка. Дитей не було. Журбы й турботы не зналы. Тилькы те й робылы, що пылы та гулялы, нышкомъ та тышкомъ, щобъ бува начальство Максымове не дозналося.

Тоди саме перегналы ихъ полкъ зъ одного миста въ друге. Пишовъ Максымъ—та й засумувавъ. Зосталась Явдоха—и тежъ сумувала. Черезъ мисяць подае Максымъ нызенькый поклонъ, цилуе іи «въ сахарни уста» та «въ билоснижну грудь», посылае грошей, просыть, щобъ прыйихала: колы хоче, то воны й повинчаются. Тоди вже розлучыть ихъ «мать сыра земля».

Явдоха зибрала свои манаткы, пойихала. Швыдко воны й побралыся.

Выйшла зъ Явдохы справжня московка. Не страшни ій ни походы, ни переходы; завжде моторна, весела, до гулянокъ удатна. Щобъ не даромъ жыты, не марно тратыты часъ, вона взялась то сымъ, то тымъ перепродуваты. Накупыть рубливъ на десятокъ усякого краму, та й перепродуе москалямъ. А часомъ якый небудь молоденькый москалыкъ пидниме що й чуже, односе до титкы Явдохы. Явдоха прыймае москалыка й подарунокъ. Правда, иноди й доставалося ій одъ Максыма за ти подарункы: не разъ и не два ходыла вона зъ пидсынынымы очима. Та—байдуже! Москали це добре зналы, а все-такы лабузнылысь до Явдохы, а Явдоха справляла зъ нымы смихы та реготы. Московка-московкою: іи побьють, а вона ни гадкы!

Отакъ прожылы воны щось рокивъ зъ десятокъ. Максымъ постаривъ; постарила й Явдоха—краса іи спала, помарнила, одцвила. Уже теперъ не такъ и молоди москалыкы горнулыся. Рада-не рада, треба було схаменутыся. До всёго того, десять литъ безпутнёго життя вытяглы вси грошенята, що Максымъ наскладавъ до парування. Треба було на-дали подуматы. Схаменулась Явдоха, а черезъ рикъ—гойдала невелычку дивчынку Галю.

Галя зразу все переломыла. Гулянкы одлетилы; жарты—те жъ: выступылы впередъ клопоты та жаль за марно потраченымъ добромъ. Маленька Галя спарувала Максыма зъ Явдохою вже на викы, звязала мицно ихъ думы до купы, пидбывала на одно дило. Максымъ бажавъ дочку выростыты въ багатстви та роскоши; бажала й Явдоха того самого. Вона думала, що багатство та роскишъ заховають дытя іи видъ такои лыхои доли, яка ій судылася. Й обое воны клопоталыся объ однимъ—надъ пожывою, та нажывою. Чы сякъ, чы такъ, а нажытысь треба!

Знову Максымъ зъ Явдохою, хочъ й инакше, прыйнялыся за дило молодыхъ литъ. Максымъ—за «прокормленіе», Явдоха—за крадижку. Максымъ. докладаючы ротному, що москали просятся «на побывку»—бравъ зъ ныхъ свое такъ, якъ и покійный Федосіевычъ. А якъ верталыся москали «зъ прокормленія»,—воны зносылы до Явдохы накрадене, награблене добро, а вона вже сама знаходыла ёму ярмисъ. За те титци Явдоси, якъ сховачу й переводчыку, доставалася половына всёго.

Такъ ихъ захопыла «чыста». Та ба! Чыстои Максымови не далы. У той саме рикъ почалася Крымська війна зъ туркамы. Погналы Максыма пидъ Силистрію, а потимъ перевелы въ Крымъ. Явдоха зъ маленькою Галею й соби повіялась за полкомъ, все-такы не кыдаючы свого краму. Тутъ вона такы добре заробыла, бо не одни прости москали купувалы въ неи всячыну; купувалы й небогати охвыцеры. Зовсимъ бы добре, колы бъ не страшно, що отъ-отъ Максымъ зложе свою голову, одтынаючы другымъ. Отже страхъ іи не справдывся. Максымъ теперъ уже знавъ цину жыттю,—не кыдався такъ, якъ за-молоду, въ саме, мовлявъ, пекло. Тилькы всёго, що ёго въ руку штыкомъ кольнувъ якыйсь хранцузъ. Максымъ зрадивъ, та заразъ у лазаретъ. Пошептався тамъ зъ ликаремъ:—Не годытся, кажуть, у службу: въ чысту его!—Максымъ полежавъ ще зъ мисяць; далы ёму «чысту», почепылы ще нову медаль, та й выпустылы на вси чотыры стороны. Максымъ забравъ жинку зъ дочкою, та й потягъ на ридну сторону видшукуваты батькивщыны.

Вертаючысь до-дому черезъ трыдцять литъ, винъ думавъ застаты Пискы такымы жъ самымы Пискамы, якымы кынувъ. Черезъ те й раився зъ жинкою, прыбувшы до-дому, спродаты батькивщыну, оселытысь де въ багатому, людному мисци, та прыстроитысь до торгу на ти гроши, що прыдбала Явдоха. Колы прыйихавъ—и здывувався. Не ти Пискы, та й годи! Ниде ни однои землянкы,—скризь мазанкы; село велыке, шыроке, довге, а кругомъ край веселый, людный, хочъ и не багатый. «Значыть, бильше пожывы для грошовытого!» подумавъ—Максымъ.

— Ни, жинко, каже Явдоси: мабуть уже кисткы зложымо на моій сторони. Бачъ, якый гарный край!

Явдоха й сама те бачыла. Оселывся Максымъ у батькивській хати.

Явдоха крамарувала дома. Максымъ по ярмаркахъ йиздывъ, купывшы коняку. Жылы соби тыхо та мырно, вырощувалы—пестылы дочку Галю, та въ торгу кохалыся. Черезъ рикъ батькивську хату перекынулы, збудувалы нову,—простору и ясну, зъ свитлыцею, зъ кимнатою пидъ пройизжыхъ.

Дывуются писчане, що московська служба зъ людьмы діе, якымы ихъ робыть! Ишовъ Максымъ у москали розбышакою, волоцюгою, сказано,—Махамедомъ; а повернувся поважнымъ чоловикомъ, зъ багатствомъ, зъ заслугамы. Прости люде зъ заздристю дывлятся на Максыма Ивановыча, поважають, шанують, хочъ Максымъ Ивановычъ геть—высоко дере голову проты «нетесаного мужычья». Батюшка, волосни завертають до ёго «чайку» попыты, та пропустыты чарочку-другу тіеи «жывыци-водыци»; самъ становый Ларченко, колы не йиде черезъ Пискы, завжде завертае до Максыма въ двиръ.

Отакъ прожывъ винъ щось рокивъ тры, чы чотыри въ Пискахъ. А це зразу—спродавъ дворыще, будынокъ, зибрався тай выселывся на хутиръ, на батькивську землю.

Пипъ, волосни такъ жалкують:—Не кыдайте насъ, Максымъ Ивановычъ,—не сыротить нашыхъ Писокъ!

— Тамъ мени, одказуе, буде краще, вильнише. Тутъ на сели багато заздрыхъ! Нихто не пройде повзъ дворыще, щобъ не позавыдувавъ.

На хутори заразъ же на перше лито двинувъ будынокъ, мовъ панськи хоромы, а не мужыча або москалева хата. На друге лито—обзавився трояномъ коней; выбудувавъ стайню, коморы рублени; обплився высочезною густою лисою зъ острипкомъ и зъ такымы, якъ по трахтырахъ, воритьмы. Колы чутка,—буцимъ хоче постоялый одкрыты.

Писчане зовсимъ роты пороззявлялы. Одни догадувалысь що Максымъ, выдно, въ служби грошей заслужывъ; други казалы, що, мабуть, чы не въ Туреччыни де пожывывся,—може уклавъ якого багатого, та гроши соби забравъ; а трети мовылы, що за жинкою взявъ.

Отже нихто не знавъ, не бачывъ, якъ Максымъ жывъ на хутори. Якъ веселывся зъ Писокъ, то ни до ёго нихто, ни винъ ни до кого: такъ, мовъ умеръ! Якъ бы не доводылось писчанамъ бачыты ёго по ярмаркахъ, то певне бъ нихто не знавъ, чы йе винъ на свити, чы вже немае. А то зъ ярмаркивъ було прывозять новыну про Максыма: выбудувавъ, мовъ, оте й те, а намиряется—кажуть—будуваты ще й те! Отакъ переказувалы люде те, що чулы, а сами, на свои очи, нихто не бачывъ. Зналы тилькы, що въ ёго все було на запори—позапиране, позамыкане.

— Москаль хвортецю соби выбудувавъ!—сміются иноди писчане.

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ галлереи отжившихъ типовъ: Дмитріевосвапскій протопопъ Гапоновъ.

(Этюдъ къ характеристикѣ церковнаго управленія конца XVIII и начала XIX в.).

Когда мы просматривали кипы старинныхъ—конца XVIII и начала XIX в.—документовъ, относящихся къ интересующему насъ предмету, эти пожелтѣвшіе листы, исписанные мудренымъ, неразборчивымъ, полууставнымъ-полускорописнымъ почеркомъ, содержащіе въ себѣ характерныя и яркія картины прошлаго, невольно возникалъ въ умѣ вопросъ: что же скрывалось въ тѣ времена за этими *оффиціальными* документами? Насколько должны быть краснорѣчивы тѣ фактическія подробности, которыя не уложились въ рамки формальныхъ «репортовъ», «ордеровъ» и другихъ подобныхъ бумагъ?

Предлагаемый очеркъ основанъ почти исключительно на подлинныхъ архивныхъ документахъ[1]); и въ этомъ то, по на-

---

[1]) У насъ подъ руками было болѣе 40 подлинныхъ указовъ, рапортовъ, «ордеровъ» и т. п., относящихся къ дѣлу о Гапоновѣ. Кромѣ того: преданія о Гапоновѣ сохранились до сихъ поръ въ той обширной мѣстности, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ. То, что было для насъ не совсѣмъ ясно въ оффиціальныхъ бумагахъ, пополнялось и объяснялось преданіями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ для насъ большую

шему мнѣнію, и заключается особенный интересъ сообщаемыхъ свѣдѣній, которыя, вслѣдствіе этого, получаютъ вполнѣ историческій характеръ и особую, если такъ можно выразиться, архивную свѣжесть. И было бы поистинѣ жаль, если бы эти документы навѣки остались подъ спудомъ, и еслибы «потомки православныхъ» не увидѣли тотъ маленькій уголокъ исторической картины, который они открываютъ.

I.

Въ 1794 году помѣщица села К., «коллежская ассесорша» Нелидова, подала Ѳеоктисту, епископу (впослѣдствіи архіепископу) бѣлоградскому и курскому, прошеніе, въ которомъ ходатайствовала о томъ, чтобы преосвященный принялъ въ бѣлоградскую епархію сѣвской семинаріи богословіи ученика М. Гапонова и посвятилъ его къ приходской церкви означеннаго села во священника. Ходатайство это было удовлетворено, и подпись молодого священника Гапонова уже со второй половины 1794 года фигурируетъ въ ряду другихъ подписей, помѣщаемыхъ подъ циркулярными предписаніями благочиннаго. Вѣроятно, Гапоновъ чѣмъ-нибудь понравился помѣщицѣ, и она принимаетъ въ судьбѣ его дѣятельное участіе. Чуждый для бѣлоградской епархіи пришлецъ, уроженецъ города Трубчевска [1]) (сынъ діакона соборной церкви), онъ сразу возвышается изъ среды мѣстнаго духовенства. Уже въ 1795 году онъ назначается на почетную должность депутата отъ духовенства (въ свѣтскомъ судѣ), вскорѣ послѣ этого—на должность благочиннаго (22—23 лѣтъ отъ роду), въ срединѣ 1797 г.,

---

услугу оказалъ одинъ достопочтенный священникъ, убѣленный сѣдинами старецъ,—живая лѣтопись мѣстныхъ событій чуть не всего XIX вѣка, человѣкъ, очень хорошо освѣдомленный по всѣмъ вопросамъ мѣстной исторіи.

[1]) Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что до 1788 года нынѣшній г. Дмитріевъ, вмѣстѣ съ окрестными селами, находился въ составѣ сѣвской епархіи.

т. е. всего черезъ три года послѣ поступленія въ село К., получаетъ онъ санъ протоіерея и подписывается: «дмитріевосвапскій протопопъ» (или: «протоіерей») Гапоновъ», а потомъ и должность главнаго благочиннаго».

Этому-то лицу и суждено было играть видную и значительную роль въ средѣ духовенства дмитріево-свапской «округи». Періодъ наиболѣе видной дѣятельности Гапонова начинается собственно съ того времени, когда онъ былъ назначенъ присутствующимъ сначала въ льговское духовное правленіе, а потомъ, когда центръ управленія дмитріево-свапской округой былъ перенесенъ въ Фатежъ,—въ фатежское духовное правленіе. Въ концѣ 1815 г. Гапоновъ назначается «первоприсутствующимъ» въ фатежское духовное правленіе [1]), и такимъ образомъ достигаетъ высшей ступени церковно-іерархической лѣстницы, открытой для провинціальнаго бѣлаго духовенства.

Вотъ краткая схема служебной карьеры Гапонова. Перечисленныя должности давали почти неограниченныя (конечно, въ извѣстной, опредѣленной сферѣ) полномочія Гапонову. Должность «главнаго благочиннаго» сама по себѣ уже была почетна и отдавала подъ руководство Гапонова всѣхъ благочинныхъ округи, благодаря чему онъ являлся «благочиннымъ благочинныхъ», какъ тогда говорили. Должность «присутствующаго» увеличивала область его полномочій, а званіе «первоприсутствующаго» дѣлало его главнымъ руководителемъ въ томъ административномъ центрѣ, который представляло собою духовное правленіе. Всѣ эти должности были крайне необходимы въ то время и получали особенное значеніе, въ зависимости отъ условій времени. Нужно имѣть въ виду, что сообщеніе епархіальнаго центра съ различными отдаленными пунктами обширной бѣлградско-курской епархіи было чрезвычайно затруднительно; поэтому, бывали, напр., священники, которые за 20—30 лѣтъ служенія не видѣли ни разу своего ар-

---

[1]) Кандидаты въ духовное правленіе избирались мѣстнымъ духовенствомъ и утверждались архіереемъ. См. соотв. отдѣлы «Исторіи Московск. епарх. управленія» Розанова.

хіерея (фактъ извѣстный). Кромѣ того: между архіереемъ и духовенствомъ были двѣ посредствующихъ инстанціи, которыя очень отдаляли ихъ другъ отъ друга; это—консисторія и духовное правленіе. Благодаря этому, архіерей представлялся для духовенства какимъ то далекимъ и мало извѣстнымъ властителемъ. Всѣ указы преосвященнаго шли чрезъ то же самое духовное правленіе, гдѣ предсѣдательствовалъ Гапоновъ, и отсюда же, послѣ соотвѣтствующаго опредѣленія правленія, разсылались причтамъ къ свѣдѣнію и исполненію. Притомъ же личные указы преосвященнаго были сравнительно рѣдкими и касались лишь такихъ фактовъ пастырской дѣятельности, которые имѣли общее значеніе. Между тѣмъ, уже при примѣненіи этихъ и другихъ указовъ къ жизни, встрѣчались различныя препятствія и возникали нерѣдко осложненія, которыя нужно было улаживать на мѣстѣ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ. Въ пастырской дѣятельности, несомнѣнно, было множество недоразумѣній, множество частностей чисто мѣстнаго характера; въ отношеніяхъ членовъ причтовъ между собою бывало множество столкновеній и споровъ личнаго свойства. Многіе изъ этихъ фактовъ были случайными въ извѣстномъ отношеніи, и многіе изъ нихъ не могли быть предусмотрѣны ни въ общихъ узаконеніяхъ, ни въ распоряженіяхъ архіерея. При объясненіи ихъ рѣшающее значеніе имѣло духовное правленіе, которое дѣйствовало, не освѣдомляясь каждый разъ съ волею преосвященнаго, а лишь на основаніи общихъ распоряженій его и подходящихъ статей закона. Слѣдовательно, духовныя правленія стояли гораздо ближе къ дѣйствительной жизни, чѣмъ архіерей. Поэтому то и выходило, что фактически духовныя правленія, въ лицѣ своихъ членовъ, имѣли гораздо больше значенія и гораздо болѣе страшны были для мѣстнаго духовенства, чѣмъ архіерей.

Разумѣется, все то, что относится въ этихъ разсужденіяхъ къ духовнымъ правленіямъ, больше всего должно относиться къ «первоприсутствующимъ» духовныхъ правленій. По отзывамъ историковъ, всѣ дѣла въ правленіи окончательно рѣшались первоприсутствующимъ; онъ имѣлъ право даже арестовать и посадить на цѣпь при правленіи каждаго провинившагося члена причта, а

въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ подвергнуть и тѣлесному наказанію. Исторія столѣтняго существованія духовныхъ правленій (съ половины XVIII до половины XIX в.) представляетъ много фактовъ подобнаго рода [1]). Неудивительно поэтому, что бывали случаи, когда первоприсутствующаго встрѣчали и провожали въ селахъ колокольнымъ звономъ—какъ архіерея.

Такова сама по себѣ была роль, предоставленная судьбою Гапонову.

Но были и особыя условія, которыя придавали еще больше значенія этой роли. Помимо авторитета власти, усиленію вліянія Гапонова способствовали его личныя качества. Какъ можно судить по сохранившимся документамъ и по преданіямъ, Гапоновъ былъ человѣкъ замѣчательный по силѣ воли, уму и энергіи, человѣкъ вообще даровитый, съ горячимъ темпераментомъ, способный къ широкимъ размахамъ своей богатой натуры и преподносившій своимъ современникамъ интересные и всегда чрезвычайно неожиданные сюрпризы. Оригинальность, своеобразный складъ ума проявляются во всей дѣятельности Гапонова и доказываютъ, что это былъ положительно незаурядный человѣкъ.

Несомнѣнно, Гапоновъ былъ энергичнымъ и умнымъ дѣльцомъ. Онъ не уклонялся отъ дѣлъ, а напротивъ—самъ стремился къ нимъ и все расширялъ область своихъ полномочій. Это вполнѣ соотвѣтствовало его честолюбію, стремленію къ самовластію, его гордому и независимомому характеру. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ счастливое совпаденіе внѣшнихъ благопріятныхъ обстоятельствъ и его душевныхъ потребностей. И, благодаря этому, дѣятельность Гапонова поистинѣ изумительна. Отправляя свои сложныя обязанности по духовному правленію и по благочинію, Гапоновъ въ то же время состоитъ мѣстнымъ цензоромъ, членомъ оспеннаго комитета, директоромъ «дмитріев-

---

[1]) См. напр., интересный подборъ ихъ у Г. Пясецкаго, въ его «Исторіи орловской епархіи». Много фактовъ подобнаго рода указано и въ «Приложеніяхъ», къ цитов. выше книгѣ Розанова. Духовныя правленія въ настоящее время существуютъ лишь въ 3—4 епархіяхъ.

скаго «библейскаго сотоварищества» (т. е. отдѣленія библейскаго общества). Не говоря уже о другихъ должностяхъ, послѣднія двѣ также должны были доставлять ему много трудовъ и хлопотъ. Не забудемъ, что вопросъ объ обязательномъ привитіи оспы въ то время только начиналъ свою исторію. На епархіальное духовенство была возложена обязанность побуждать жителей всѣми возможными мѣрами къ тому, чтобы они прививали оспу; и мы видимъ нѣсколько указовъ епархіальнаго начальства, очень настойчиво рекомендующихъ духовенству такую дѣятельность. Что же касается библейскаго общества, то извѣстно, что, благодаря ясно выразившимся симпатіямъ императора Александра I и министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Голицына, библейское общество получило большую популярность въ Россіи, и покровительство ему считалось дѣломъ чуть ли не государственной важности. Даже въ такомъ незначительномъ городкѣ, какъ Дмитріевъ, было отдѣленіе общества, которое имѣло своего «президента», вело обширную переписку и распоряжалось довольно значительными денежными суммами.

Въ отношеніи къ образованію дѣтей духовенства Гапоновъ является однимъ изъ передовыхъ людей того времени и играетъ такую же первенствующую роль. Онъ, напр., открылъ «сиротское» духовное училище въ г. Дмитріевѣ. Въ одномъ указѣ духовной консисторіи (1806 года) говорится слѣдующее: «Города Дмитріева, что на Свапѣ, благочинный прот. Гапоновъ учредилъ духовное училище и собралъ священно-церковнослужительскихъ дѣтей изъ всей дмитріевосвапской округи. Таковому достохвальному примѣру могутъ по возможности подражать и другіе благочинные. Притвердить и нынѣ о обученіи духовныхъ дѣтей, а особливо, сиротъ, по примѣру благочиннаго Гапонова». Этою дѣятельностью Гапоновъ заслужилъ благодарность преосв. Ѳеоктиста. На донесеніи Гапонова объ открытіи этого училища преосв. Ѳеоктистъ положилъ такую резолюцію: «Такъ. Ежели бы въ каждомъ благочиніи по городамъ... таково стараніе было» [1]). Весьма замѣча-

[1]) См. «Къ исторіи рыльскаго духовнаго училища». Курскія Епархіальныя Вѣдомости, 1880, № 12.

тельно то обстоятельство, что Гапоновъ давалъ даже собственныя средства на содержаніе въ училищѣ сиротъ и дѣтей «малоимущественныхъ» отцовъ. Такъ. напр., въ одинъ годъ изъ 56 учениковъ на полномъ «коштѣ» Гапонова обучалось 16 человѣкъ, въ другой—изъ 45 учениковъ 9 и т. д. [1]). Это свидѣтельствуетъ о томъ, что Гапоновъ принималъ очень близкое участіе въ жизни мѣстнаго духовенства.

Своими дарованіями Гапоновъ обратилъ на себя вниманіе преосв. Θеоктиста. Изъ всѣхъ дѣлъ о Гапоновѣ видно, что преосв. Θеоктистъ благоволилъ къ нему,—можетъ быть потому, что видѣлъ въ немъ умнаго и энергичнаго администратора. Все время, пока живъ былъ преосв. Θеоктистъ, Гапоновъ неизмѣнно пользовался его расположеніемъ. Нерѣдко въ своихъ «ордерахъ» Гапоновъ упоминаетъ о томъ, что онъ былъ у преосвященнаго, что онъ получилъ лично отъ него инструкціи, на основаніи которыхъ и дѣлаетъ свои распоряженія. Эта личная близость къ преосвященному, конечно, еще болѣе возвышала его авторитетъ въ глазахъ духовенства.

II.

Изъ всѣхъ должностей протоіерею Гапонову доставляла больше всего хлопотъ должность присутствующаго въ духовномъ правленіи, отправленіе которой требовало и много времени, и большихъ трудовъ. Гапоновъ, состоя на приходѣ въ Дмитріевѣ, гдѣ онъ освобождался отъ обязанности отправлять мірскія требы, разъ въ недѣлю ѣздилъ въ Фатежъ для того, чтобы присутствовать при рѣшеніи дѣлъ въ духовномъ правленіи. По разсказамъ старожиловъ, Гапоновъ выѣзжалъ изъ Дмитріева обыкновенно во вторникъ, въ своемъ экипажѣ, но почти всегда на обывательскихъ лошадяхъ, и на другой день утромъ пріѣзжалъ въ Фатежъ (разстояніе отъ Дмитріева до Фатежа—около 70 в.) По окончаніи засѣданія въ Фатежѣ онъ возвращался обратно

---

[1]) Тамъ же. Кромѣ того: Курскія Епарх. Вѣдом., 1900, № 10.

въ Дмитріевъ, только другимъ трактомъ, по другимъ селамъ. Несомнѣнно, эти еженедѣльныя путешествія—во всякое время года и при всякой погодѣ—были очень тягостны и обременительны сами по себѣ, въ особенности потому, что это было вначалѣ прошлаго столѣтія, когда въ оффиціальныхъ сферахъ и рѣчи еще не было о дорожномъ вопросѣ во всемъ его объемѣ, и когда сплошные лѣса покрывали почти всю территорію нынѣшней курской губерніи. И теперь лѣса занимаютъ въ дмитріевскомъ и смежныхъ уѣздахъ громадную площадь, а тогда здѣсь были едва проходимыя трущобы, по которымъ проѣздъ былъ и затруднителенъ и опасенъ. Но протопопъ Гапоновъ не тяготился этими поѣздками и, какъ видно, съ удовольствіемъ исполнялъ свои обязанности присутствующаго. По крайней мѣрѣ, когда, при возобновленіи г. Дмитріева въ 1802 году, консисторія предложила ему благочинническую должность въ этомъ городѣ, то онъ отъ нея отказался, предполагая, вѣроятно, что принятіе этой должности отвлечетъ его отъ исполненія обязанностей присутствующаго. И дѣйствительно, неудобства путешествій съ избыткомъ искупались тѣми удовольствіями, которыя Гапоновъ получалъ по пути.

Въ поясненіе этого замѣтимъ слѣдующее. Нельзя сказать, чтобы вліяніе Гапонова опиралось только на авторитетѣ власти. Съ большимъ искусствомъ онъ умѣлъ свое значеніе, какъ благочиннаго и присутствующаго въ духовномъ правленіи, поддержать многими и прочными связями съ наиболѣе вліятельными лицами мѣстнаго дворянства и духовенства. Гапоновъ любилъ общество, любилъ веселье. Его никакъ нельзя было назвать «канцелярской крысой» или «судейскимъ крючкомъ»; не былъ онъ и скопидомомъ, скрягой. И всего меньше онъ былъ похожъ на зауряднаго сельскаго священника того времени. Это былъ «развеселый малый», bon vivant, какъ говорятъ въ наше время; онъ любилъ и умѣлъ пожить въ свое удовольствіе. Онъ очень любилъ карты, умѣлъ хорошо выпить, былъ, наконецъ, большимъ хлѣбосоломъ, и собиралъ въ своемъ домѣ въ Дмитріевѣ большія компаніи, которыя, по старинному, по цѣлымъ недѣлямъ проживали у него.

Онъ велъ обширное знакемство съ мѣстными помѣщиками, которые тогда весьма нерѣдко проводили праздную и веселую жизнь, пользуясь плодами дарового труда своихъ крѣпостныхъ. А изъ духовенства онъ выбиралъ богатыхъ священниковъ-землевладѣльцевъ, благочинныхъ, и изъ нихъ— тѣхъ, которые, такъ же какъ онъ, могли широко пожить и повеселиться. Всѣ эти люди любили весельчака-протопопа, умѣвшаго и дѣло дѣлать, и пользоваться земными благами, которыя въ изобиліи предоставляла ему жизнь; всѣ они съ удовольствіемъ поддерживали съ нимъ знакомство. Поэтому Гапоновъ, совсѣмъ не интересуясь приходскими требами и охотно уступая доходы отъ нихъ своимъ сослуживцамъ священникамъ, лишь бы извлечь для себя свободное время, при всякомъ удобномъ случаѣ выѣзжалъ къ своимъ знакомымъ. Выѣзды эти совершались съ большимъ комфортомъ и торжественностью: обыкновенно Гапоновъ ѣздилъ «въ гости» въ собственной каретѣ, на четверкѣ собственныхъ лошадей, захвативъ съ собою дьячка въ качествѣ кучера или выѣздного слуги.

Пользуясь своею властью и своими связями, Гапоновъ почти безконтрольно распоряжался въ округѣ. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ ея. Это былъ своего рода викарный архіерей; и несомнѣнно, онъ имѣлъ для мѣстнаго духовенства даже больше значенія, чѣмъ епископъ. Онъ дѣйствуетъ, вообще говоря, совершенно самостоятельно и независимо, какъ ему вздумается,—самостоятельно иной разъ до произвола. Такой типъ могъ создаться только на почвѣ самовластія древнихъ временъ, при условіи приниженности и забитости духовнаго сословія, когда всякій маломальски выдающійся человѣкъ изъ «начальства» могъ стать неограниченнымъ властелиномъ и могъ давить своей тираніею обширную «округу», въ составъ которой входила территорія нынѣшнихъ почти двухъ уѣздовъ.

Всѣ дѣла, которыя состояли въ вѣдѣніи духовнаго правленія, были, конечно, разграничены между отдѣльными лицами, входившими въ составъ правленія,—подобно тому, какъ это дѣлается въ консисторіи. Но несомнѣнно, что тогда это разграни-

ченіе не проводилось достаточно строго, и потому первоприсутствующій могъ лично вмѣшиваться во всѣ отрасли управленія, особенно, когда онъ хотѣлъ этого. Гапоновъ, дѣйствительно, такъ и дѣлаетъ. Онъ лично издаетъ предписанія, «ордеры», и «предложенія» рѣшительно по всѣмъ отраслямъ церковнаго управленія, и самые разнообразные указы правленія подписываются только его именемъ. Онъ своею особою олицетворяетъ какъ бы все правленіе, и за его личностью мы почти не замѣчаемъ существованія другихъ членовъ духовнаго правленія; коллегіальный составъ правленія стушевывается подъ его властной рукою. Онъ даже выражалъ свое недовольство, когда благочинные почему либо свои донесенія направляли мимо него, прямо въ правленіе. «Прошлаго февраля 5-го—пишетъ онъ одному благочинному—послано отъ меня къ вамъ предложеніе, дабы вы по всѣмъ дѣламъ и жалобамъ отъ священно-церковнослужителей относились ко мнѣ; но вы, въ противность указовъ, для единаго только затрудненія и *умноженія переписокъ* относитесь репортами недѣльными въ духовное правленіе; рекомендую вамъ впредь отъ сего воздержаться». Можно было бы на основаніи этого заключить, что къ Гапонову собственно шли дѣла, возникавшія по поводу различныхъ недоразумѣній между членами причта; но такое заключеніе рѣшительно опровергается всѣмъ матеріаломъ, находящимся въ нашихъ рукахъ; дѣятельность Гапонова направлена на всѣ сферы церковной жизни.

Иногда Гапоновъ имѣлъ обыкновеніе объѣзжать всѣ села подвѣдомственной ему округи для личныхъ распоряженій относительно церквей и причтовъ или «для свидѣтельствованія качествъ священно-церковнослужителей», церковнаго имущества и т. п. Недѣли за двѣ до этихъ путешествій Гапоновъ обыкновенно «предлагалъ» духовному правленію «наистрожайше предписать» членамъ причта и церковнымъ старостамъ, «дабы они находились при церквахъ своихъ безотлучно, поелику онъ, протоіерей Гапоновъ, имѣетъ отправиться» и т. д. Какими подробностями сопровождались эти поѣздки, изъ документовъ не видно, но о нихъ можно судить съ достаточной вѣроятностью, имѣя въ виду нравы

того времени, а также все то, что было сказано о Гапоновѣ выше.

Въ какихъ именно фактахъ выражалось самовластіе Гапонова, объ этомъ будетъ сказано ниже; здѣсь же только замѣтимъ, что вся дѣятельность Гапонова и вся жизнь его носитъ печать произвола и самовластія.

Въ своей канцелярской дѣятельности Гапоновъ является такимъ же оригинальнымъ, самобытнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и передовымъ человѣкомъ, какъ и въ обычной жизни. Вотъ, для примѣра, нѣсколько его «ордеровъ». «Ежели—пишетъ онъ благочинному—села Р. священникъ Илія К. продолжаетъ бить масло (рѣчь идетъ о «маслянкѣ»), то рекомендую вамъ тотчасъ сіе остановить, дабы сослужители его не могли приносить начальству жалобы». Или: «Вѣдомства вашего въ селѣ Г. есть течь въ церковной крышѣ; настойте по должности вашей, чтобы оной не было, и меня о послѣдствіяхъ увѣдомьте». Или, напр., онъ шлетъ приказъ дьячку села Л.: «съ полученія сего тотчасъ отправиться тебѣ въ слоб. М., гдѣ объявить благочинному, дабы онъ всенепремѣнно прислалъ бы съ нарочнымъ чертежи о питейныхъ домахъ въ правленіе, а то имѣетъ быть представленъ къ Его Преосвященству». Мы могли бы сдѣлать много подобныхъ выписокъ; всѣ предписанія Гапонова похожи на эти со стороны формы; добавимъ, притомъ, что такой же характеръ носятъ и указы правленія, подписанные Гапоновымъ и имъ редактированные.

Въ этихъ предписаніяхъ все заслуживаетъ нашего вниманія—и тонъ властный, строгій (голосъ Гапонова звучитъ въ нихъ твердо и самоувѣренно—видно, что онъ не привыкъ къ противорѣчію), и въ особенности форма ихъ: оригинальный стиль, манера сжато и лаконично излагать свои мысли. Канцелярскія произведенія того времени слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ нужно было много говорить. Они отличаются своеобразнымъ складомъ рѣчи, содержатъ много повтореній, ненужныхъ ссылокъ и подробностей, и всѣ испещрены длинными титулами и цыфровыми датами времени, поэтому они слишкомъ утомительно дѣйствуютъ

на современнаго читателя. За сложными и неточными оборотами, за витіеватыми длиннѣйшими періодами часто очень трудно бываетъ уловить истинный смыслъ указовъ. Гапоновъ отрѣшается отъ современной ему канцелярщины, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ цѣлой головой выше своихъ современниковъ. Онъ кратокъ и точенъ. Въ своихъ предписаніяхъ онъ никогда не ссылается на какіе-нибудь указы или распоряженія епархіальной власти (эти ссылки непремѣнно помѣщались въ канцелярскихъ произведеніяхъ), а просто предписываетъ. Безъ всякихъ предисловій и вступленій онъ приступаетъ прямо къ изложенію дѣла, безъ всякихъ излишнихъ поясненій и оговорокъ онъ ведетъ рѣчь о немъ и требуетъ неукоснительнаго исполненія. Видно, что онъ не привыкъ попусту тратить время на канцелярщину—«дабы чрезъ прихотливы волокиты и разбродничества, совсѣмъ безпорядочныя, въ дѣлахъ не послѣдовало остановки», а еще больше и потому, что его увлекала дѣйствительная жизнь: все время у него было распредѣлено и употреблялось на болѣе пріятныя, чѣмъ канцелярская работа, дѣла.

III.

Преобладающія въ характерѣ Гапонова черты—стремленіе къ самовластію, необузданность и страстность и любовь къ «широкой» веселой жизни—опредѣляли общее направленіе его дѣятельности и были нерѣдко причиною того, что Гапоновъ попадалъ въ очень непріятное положеніе.

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, протопопъ Гапоновъ очень любилъ карты. Это былъ страстный игрокъ, любившій по преимуществу азартныя игры—и любившій до самозабвенія. Повытчикъ духовнаго правленія, нѣкто Г—ій, разсказывалъ, что, когда онъ привозилъ изъ Фатежа въ Дмитріевъ къ Гапонову бумаги правленія для подписи, ему приходилось иногда ждать Гапонова по нѣсколько сутокъ, такъ какъ Гапоновъ бывалъ занятъ въ это время карточной игрой, а безпокоить его онъ не смѣлъ. Одинъ разъ онъ пріѣхалъ на Страстной недѣлѣ въ четвергъ, и

Гапоновъ будто бы игралъ въ карты съ своими пріятелями-помѣщиками три дня и опомнился лишь тогда, когда заблаговѣстили къ пасхальной заутренѣ; все это время Г—ій долженъ былъ безропотно ждать.

Больше всего приходилось Гапонову играть въ карты и пировать во время путешествій изъ Дмитріева въ Фатежъ. Гапоновъ обыкновенно останавливался ночевать у своего закадычнаго друга, священника села Р., Б—ва. Этотъ Б—въ по своему характеру и склонностямъ вполнѣ подходилъ къ Гапонову; поэтому у нихъ было много общаго. Такимъ образомъ между ними установилась тѣсная дружба, которую современники ихъ и ближайшее поколѣніе характеризовали извѣстнымъ стихотвореніемъ. приписывавшимся (конечно, совершенно неосновательно) Гапонову:

Б—въ, буйный забіяка
Собесѣдникъ дорогой!
Ради рома и арака,
Посѣти домишко мой.

Пріятели прекрасно проводили время за виномъ и картами. Гапоновъ еженедѣльно бывалъ у Б—ва, а Б—въ наѣзжалъ иногда къ нему въ Дмитріевъ. Обратный путь изъ Фатежа въ Дмитріевъ Гапоновъ совершалъ обыкновенно другимъ трактомъ, заѣзжая въ орловскую губернію къ одному знакомому помѣщику, у котораго также находилъ радушный пріемъ, угощеніе и доступныя въ деревнѣ удовольствія, опять таки съ неизбѣжной карточной игрой. Да и вообще, во всѣхъ селахъ, гдѣ онъ останавливался, онъ находилъ хорошій пріемъ, благодаря своему значенію для мѣстнаго духовенства; всякій священникъ считалъ за честь принять у себя такое вліятельное лицо, какъ Гапоновъ.

Нерѣдко Гапонову приходилось проигрывать всѣ деньги, которыя онъ имѣлъ при себѣ, и, кромѣ того, даже лошадей и экипажъ. Такія случайности, можетъ быть, и причиняли ему непріятныя ощущенія, но вообще не оставляли глубокаго слѣда въ его жизни. Былъ, впрочемъ, одинъ случай, который чуть было не надѣлалъ хлопотъ Гапонову. Одинъ разъ Гапоновъ поѣхалъ

къ знакомымъ помѣщикамъ, жившимъ недалеко отъ Дмитріева, въ селѣ М. Засѣли въ карты, по обыкновенію. Игра прерывалась обильными возліяніями; всѣ увлеклись и провели незамѣтно почти цѣлую ночь. Гапонову страшно не везло. Онъ проигралъ уже хозяину всѣ свои деньги, экипажъ и собственныхъ лошадей, на которыхъ пріѣхалъ. Наконецъ, онъ предлагаетъ поставить на карту своего кучера, съ которымъ онъ пріѣхалъ. Хозяинъ согласился, и кучеръ также былъ проигранъ. Утромъ Гапоновъ попросилъ себѣ лошадь—доѣхать до Дмитріева, а кучеру приказалъ остаться, увѣривъ его, что за нимъ послѣ будетъ прислана изъ Дмитріева подвода. По отъѣздѣ Гапонова помѣщикъ захотѣлъ посмотрѣть, какого рода собственность онъ пріобрѣлъ себѣ у Гапонова, что за человѣкъ выигранный имъ кучеръ. Позвали кучера. Уже одна наружность его обращала на себя вниманіе: это былъ худощавый юркій старичокъ, одѣтый въ какое-то полукафтанье совсѣмъ некучерского покроя и меньше всего похожій на типичнаго «кучера».—«Ты что умѣешь дѣлать?» спрашиваетъ баринъ: «знаешь какое-нибудь мастерство? мнѣ мастера нужны».—«Да какое-жъ мое мастерство, ваше в—іе! только и знаю, что «тили-бомъ, тили-бомъ»; умѣю протянуть «Всемірную славу», прочитать»...—«Какъ! да кто-же ты»?!—«Дьячокъ N—ской церкви, ваше в—іе»!..—«Такъ вотъ какъ?! Хорошъ отецъ протопопъ»!.. Дѣло оказалось очень простымъ: Гапоновъ поставилъ на карту и проигралъ дьячка, съ которымъ обыкновенно выѣзжалъ. Разумѣется, Гапонову не поздоровилось отъ партнера, и едва удалось замять эту исторію. Въ другой разъ возникло дѣло по обвиненію Гапонова въ томъ, что онъ «подъ видомъ выигрыша въ карты» забралъ самовольно у однодворца села Гостомли Василія Творогова «разные фрукты и закуски». Дѣло это, хотя и не имѣло особенно дурныхъ послѣдствій для Гапонова, но надѣлало скандальнаго шума, такъ какъ было въ производствѣ у дмитріевскаго городничаго; а злосчастные «фрукты и закуски», сыгравшіе роль своего рода casus belli, увѣковѣчены исторіей.

Открытая веселая жизнь и карточная игра требовали значительныхъ средствъ, которыя у Гапонова не всегда были. Его

значеніе въ округѣ само по себѣ обезпечивало ему извѣстный доходъ—и гласный, и не гласный. Извѣстно, что духовныя правленія не упускали удобныхъ случаевъ, когда можно было получить приличную мзду; напр., при представленіи годовыхъ вѣдомостей о церквахъ со всѣхъ церквей брали по 6 рублей въ пользу канцеляріи и членовъ правленія, брали также и при представленіи «вѣдомостей о качествахъ священнослужителей». Мы не говоримъ уже о томъ, что тяжбы между членами причтовъ были неизсякаемымъ источникомъ доходовъ. Но всего этого было слишкомъ недостаточно для широкихъ инстинктовъ Гапонова; приходилось нерѣдко добывать деньги и другими способами. Гапоновъ, напр., иногда бралъ «заимообразно» изъ церковныхъ денегъ (церквей своего благочинія) довольно крупныя суммы—даже до 250 рублей, для чего входилъ въ соглашеніе съ тѣми-же своими пріятелями благочинными. Врядъ-ли когда-нибудь эти «займы» оплачивались. Въ 1808 году возникло дѣло о томъ, что Гапоновъ бралъ церковныя деньги у церковныхъ старостъ соборной дмитріевской церкви; очевидно, Гапоновъ бралъ изъ своей церкви деньги не одинъ разъ, такъ какъ пришлось вызывать двухъ церковныхъ старостъ, и такъ какъ предписано было провѣрить приходо-расходныя церковныя книги за періодъ съ 1799 года по 1808-й. Конечно, и благочинные, и церковные старосты не имѣли возможности входить въ пререканія съ Гапоновымъ и безпрекословно исполняли его требованія: церковныя сокровищницы любезно открывались для своеобразныхъ «займовъ». Нужно еще удивляться тому, что по поводу этихъ займовъ возникали «дѣла»... Затѣмъ: Гапоновъ собиралъ деньги въ кассу «библейскаго сотоварищества», а также и на покупку разныхъ рекомендованныхъ начальствомъ книгъ, которыя иногда высылались цѣлыми транспортами изъ Петербурга, и т. д.; какъ видно изъ документовъ, эти деньги далеко не всегда доходили полностію по назначенію. Да и мало-ли, вообще, могло представиться случаевъ для Гапонова къ тому, чтобы поживиться!..

Стремленіе къ самовластію, необузданность характера и недисциплинированность натуры нерѣдко вызывали непріятности

болѣе серьезнаго свойства,—непріятности, благодаря которымъ Гапоновъ становился притчей во языцѣхъ, что было большимъ ударомъ для его самолюбія.

Такъ, напр., въ 1801 году возникло дѣло по обвиненію Гапонова въ томъ, что онъ вымогаетъ подводы у духовенства и, злоупотребляя своимъ вліяніемъ, останавливается для ночлеговъ у священниковъ, чѣмъ причиняетъ имъ хлопоты и вводитъ ихъ въ непосильные расходы. Несомнѣнно, что это обвиненіе вполнѣ согласуется съ тѣми представленіями о Гапоновѣ, которыя мы имѣемъ: вполнѣ возможно, что Гапоновъ требовалъ своею властію лошадей и людей для своихъ путешествій, когда ему хотѣлось и сколько хотѣлось, и останавливался для ночлеговъ по пути, гдѣ ему было угодно. За это дѣло взялись энергично въ духовномъ правленіи; но ничего опредѣленнаго выяснить не удалось—Гапоновъ съумѣлъ вывернуться и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ. Два раза посылался изъ духовнаго правленія ордеръ, которымъ благочинному предписывалось спросить у священно-церковнослужителей, жившихъ по тракту отъ г. Дмитріева до Фатежа: «дѣйствительно-ли присутствующій сего правленія прот. Гапоновъ, переѣзжая изъ Фатежа въ Дмитріевъ и изъ Дмитріева въ Фатежъ, вымогаетъ у нихъ подводы»? Любопытно, что вторичный ордеръ былъ подписанъ самимъ-же обвиняемымъ, Гапоновымъ. На указанномъ «трактѣ» благочиннымъ былъ большой пріятель Гапонова, священникъ М. О—скій, къ которому, такимъ образомъ, и перешло означенное дѣло. Неудивительно, что оно было окончено полнымъ оправданіемъ Гапонова. Самъ же Гапоновъ написалъ для О—скаго начерно «репортъ» въ духовное правленіе, въ которомъ значится слѣдующее: «спрошенные священнослужители единогласно показали, что прот. Гапоновъ проѣзжалъ по тракту на своихъ лошадяхъ и останавливался иногда въ ихъ домахъ, чѣмъ, однако, никакого убытка имъ не причинилъ; только два раза бралъ онъ у священника села Л. трехъ лошадей, но въ оба раза заплатилъ за нихъ законные прогоны» [1]).

---

[1]) Этотъ «репортъ», писанный собственноручно Г—вымъ, хранится въ дѣлахъ архива.

Особеннно громкая исторія вышла у Гапонова, благодаря его необузданности, съ священникомъ Б—вымъ, о которомъ мы говорили выше.

Въ одно время между пріятелями возникло недоразуменіе,—какъ говоритъ преданіе, изъ-за картъ. Они основательно поссорились. И вотъ однажды, когда Б—въ пріѣхалъ въ Дмитріевъ, Гапоновъ приказалъ своимъ крѣпостнымъ разложить Б—ва и выпороть—фактъ, вполнѣ возможный для того времени и понятный, такъ какъ крѣпостные, за неисполненіе приказаній своего господина, могли поплатиться собственною шкурою. Какъ громомъ сразило бѣднаго Б—ва, совершенно невинно потерпѣвшаго такое страшное—въ особенности для духовнаго лица—оскорбленіе. Неясные слухи о расправѣ Гапонова разнеслись по округѣ и дошли даже до преосв. Ѳеоктиста, который, однако, не нашелъ возможнымъ возбудить это скандальное дѣло. Б—въ глубоко затаилъ въ сердцѣ страшную обиду и лелѣялъ надежду отомстить когда-нибудь своему бывшему пріятелю. Прошло нѣсколько лѣтъ. Разумѣется, всякія отношенія между Гапоновымъ и Б—вымъ прекратились. Одинъ разъ, однако, имъ пришлось встрѣтиться въ домѣ общаго знакомаго на вечеринкѣ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, на Гапонова нашло благодушное и примирительное настроеніе, тѣмъ болѣе, что уже нѣсколько лѣтъ прошло послѣ ссоры. Милостиво онъ обратился къ Б—ву и началъ съ нимъ бесѣдовать. Выпили, помирились за чаркой вина и стали повидимому опять друзьями. Вспомнилось Гапонову, какіе пріятные часы онъ проводилъ у Б—ва въ былое время, и захотѣлось ему возобновить прежнія отношенія. Поэтому онъ пригласилъ Б—ва къ себѣ въ Д. Тотъ согласился; и вотъ чрезъ нѣсколько времени въ «домикѣ» Гапонова состоялось полное примиреніе враговъ, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, радовавшихся этому. Съ тѣхъ поръ Гапоновъ опять сталъ ѣздить въ Фатежъ чрезъ село, въ которомъ жилъ Б—въ, и опять стали повторяться прежнія вечеринки въ домѣ Б—ва. Повидимому, было ясно на горизонтѣ, и ничто не омрачало отношеній пріятелей. Но между тѣмъ собиралась грозная туча, которая вдругъ разразилась

надъ Гапоновымъ. Послѣ одной ночи, пріятно проведенной въ обществѣ Б—ва, Гапоновъ, въ самомъ благодушномъ настроеніи, завтракалъ, собираясь ѣхать далѣе.—У крыльца уже стоялъ экипажъ, поданный для Гапонова. Случайно—а можетъ быть и не случайно—зашла рѣчь о лошадяхъ. Б—въ похвалился, что у него на конюшнѣ стоитъ въ настоящее время, хорошій жеребецъ, котораго онъ готовитъ къ продажѣ. Гапоновъ, большой любитель лошадей, заинтересовался этимъ и попросилъ показать ему жеребца, который и Гапонову очень понравился. На порогѣ конюшни вдругъ, по знаку Б—ва, на Гапонова накинулись конюхи и челядь и схватили его. «Выпороть его!» крикнулъ Б—въ. Гапоновъ, блѣдный, растерянный, съ выраженіемъ нѣмого ужаса на лицѣ смотрѣлъ на Б—ва. Прерывающимся дрожащимъ голосомъ онъ умолялъ Б—ва: «что-жъ ты, братъ, дѣлаешь?!»—«А помнишь, отецъ протопопъ»?..—По окончаніи экзекуціи Гапонову сейчасъ же былъ поданъ экипажъ, и онъ уѣхалъ—въ какомъ состояніи, предоставляемъ судить читателямъ. Слухъ объ этомъ распространился по благочинію и поразилъ всѣхъ: еще до нѣкоторой степени была понятна расправа съ Б—вымъ, который былъ все-таки простымъ священникомъ; но въ умѣ обывателей рѣшительно не укладывалось представленіе о солидномъ протопопѣ, «благочинномъ благочинныхъ», и о жестокой экзекуціи, учиненной надъ нимъ.

Сейчасъ-же по пріѣздѣ изъ Фатежа въ Дмитріевъ, Гапоновъ отправился въ Бѣлгородъ къ преосв. Ѳеоктисту съ жалобой на Б—ва. Подаетъ прошеніе преосвященному. Тотъ принялъ его сухо и сдержанно.—«Ну, что жъ? надѣешься доказать то, о чемъ пишешь? были свидѣтели»?—Какъ же, ваше преосвященство, тамъ было много народу изъ крестьянъ Б—ва».—«Тѣмъ хуже для тебя. Крестьяне развѣ покажутъ за тебя? станутъ-ли они говорить противъ своего владѣльца?»—«Я не знаю».—«Если надѣешься доказать, то принимаю прошеніе; а лучше, совѣтую оставить дѣло».—«Да какъ же такъ, владыка? какъ же стерпѣть такую тяжелую обиду»!—«А такъ. Теперь о твоемъ позорѣ еще немногіе знаютъ,—ходятъ только неясные слухи; а когда оффи-

ціально начнется судебное дѣло, то узнаетъ объ этомъ вся епархія, и мнѣ придется поставить какое-нибудь рѣшеніе. Къ тому же, я слышалъ, будто и ты продѣлалъ съ Б—вымъ то же самое; было это»?.. Гапоновъ замялся, помолчалъ и съ поклономъ удалился. Разумѣется, совѣтъ преосвященнаго не возбуждать дѣла былъ очень разумнымъ, и Гапоновъ не могъ не сознавать этого.

Такъ окончилось это дѣло, единственное въ своемъ родѣ въ лѣтописяхъ духовенства курской еперхіи. Гапоновъ съ этихъ поръ не пользуется такимъ благоволеніемъ епархіальнаго начальства, какъ раньше.

IV.

Какъ и слѣдовало ожидать, прот. Гапоновъ кончилъ очень плохо. Слишкомъ ужъ расходилась его широкая натура; а окружающая среда не представляла никакого противодѣйствія его произволу, напротивъ, всѣ потворствовали его прихотямъ, все было къ его услугамъ, и нужны были особыя чрезвычайныя мѣры, чтобы покончить съ гнетомъ могущественнаго протопопа. Сообразно естественному ходу вещей, жажда дѣятельности и стремленіе къ самовластію развивались въ Гапоновѣ все болѣе и болѣе. Но, вѣдь, не могли жъ они развиваться безъ конца; когда-нибудъ долженъ былъ наступить моментъ, когда дѣйствія Гапонова превысятъ всѣ возможныя нормы, когда область возможнаго и терпимаго будетъ исчерпана. И такой моментъ наступилъ... Впрочемъ, нужно сказать, что Гапоновъ попался не въ той сферѣ, гдѣ онъ совершилъ наиболѣе злоупотребленій и гдѣ именно и нужно было возмездіе за совершенное имъ, а въ чуждой—гражданской области, и притомъ лишь благодаря случайному «увлеченію» Гапонова.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣятельности Гапонова были люди, завидовавшіе ему и съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на усиленіе его вліянія въ мѣстной средѣ. Это были почти всегда соперники его въ административно-церковной сферѣ: члены духовнаго правленія, вліятельные благочинные и т. д. Вначалѣ они не имѣли

возможности бороться съ Гапоновымъ—они терялись въ массѣ сочувствовавшихъ ему лицъ. Если же они и пробовали бороться, то по большей части терпѣли неудачу и сходили со сцены въ число заурядныхъ дѣятелей. Такова напр., поучительная исторія одного благочиннаго (Сергѣя Ѳедотова), который вздумалъ было раскрыть злоупотребленія Гапонова и его пріятелей; пользуясь своимъ вліяніемъ, Гапоновъ едва не добился того, чтобы Ѳедотовъ былъ устраненъ отъ должности (это было въ 1817 году) [1]). Но съ теченіемъ времени число недовольныхъ росло, благодаря необузданности и неосторожности Гапонова; обаяніе авторитета власти Гапонова и его личности уменьшалось. Обыватели стали возмущаться выходками и беззаконіями Гапонова и стали все громче и громче выражать свой протестъ. Это стало особенно замѣтно съ тѣхъ поръ, какъ умеръ преосв. Ѳеоктистъ (въ 1818 году), благоволившій къ Гапонову. Значеніе Гапонова съ этого времени начинаетъ замѣтно падать. Теперь на него ополчились всѣ враги, до сихъ поръ скрывавшіеся въ разныхъ закоулкахъ; выступаетъ на сцену—и уже съ бо́льшимъ успѣхомъ—его прежній недоброжелатель, свящ. С. Ѳедотовъ. Такимъ образомъ, начиная съ 1821 года возникаютъ одно за другимъ нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ обвиняемымъ лицомъ является протоіерей Гапоновъ. Дѣла эти, какъ значится въ одной изъ мѣсячныхъ вѣдомостей духовнаго правленія, были слѣдующія.

Апрѣля 1-го, 1821 года священнослужители и церковный староста соборной г. Дмитріева церкви (т. е., сослуживцы Гапонова) подали въ духовное правленіе репортъ о томъ, что Гапоновъ взялъ 914 рублей церковныхъ свѣчныхъ денегъ, предназначенныхъ къ отсылкѣ «въ казенныя мѣста» для храненія, и изъ нихъ представилъ только 386 р. съ копейками [2]). 15 апрѣля благоч.

---

[1]) Ѳедотовъ подавалъ, между прочимъ, доносъ на благоч. О—скаго, пріятеля Гапонова; но рапортъ его найденъ не заслуживающимъ довѣрія (совершенно безъ всякихъ основаній); въ отвѣтъ на этотъ рапортъ духовное правленіе, во главѣ съ Гапоновымъ, сдѣлало уже постановленіе объ устраненіи Ѳедотова отъ благочиннической должности.

[2]) Вспомнимъ, что подобное дѣло возникало въ 1808 г. (см. выше); очевидно, эти заимствованія изъ церковныхъ суммъ практико-

Сергѣй Өедотовъ донесъ, что Гапоновъ совершилъ по греко-россійскому обряду погребеніе *скоропостижно* умершаго *лютеранина*—помѣщика, тайнаго совѣтника Брискорна, и похоронилъ его подъ новопостроенной церковію (конечно, православной) въ селѣ П—ахъ, куда также было перенесено и тѣло ранѣе умершаго трехлѣтняго сына Брискорна; причемъ, по словамъ Өедотова, священнослужители, участвовавшіе въ этомъ беззаконномъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Гапоновымъ, дѣйствовали по личному приказанію и подъ давленіемъ Гапонова. 13 іюня того-же года свящ. соборной г. Дмитріева церкви Алексѣй В—въ подалъ прошеніе на Гапонова, обвиняя его въ томъ, что онъ причинилъ ему, В—ву, во время всенощнаго бдѣнія *въ алтарѣ* «обиды поносительными словами». 11-го августа того-же года тотъ-же С. Өедотовъ донесъ, что прот. Гапоновъ «въ разныя времена» собиралъ съ нѣкоторыхъ церквей дмитріевскаго уѣзда изъ кошельковыхъ суммъ пожертвованія на россійское библейское общество, каковыя деньги не были доставляемы имъ, Гапоновымъ, полностію въ кассу общества.

По этимъ 4 дѣламъ въ духовномъ правленіи началось разслѣдованіе, которое производилось съ удивительною—даже и для того времени—медленностію, удивительною тѣмъ болѣе, что обвиненія, предъявленныя къ Гапонову, были серьезнаго характера. При преемникѣ преосв. Өеоктиста, Евгеніи (Казанцевѣ), дѣло нисколько не подвинулось впередъ—видно, все еще боялись взяться за протопопа безъ особенно сильныхъ побужденій. Но когда на курскую каөедру былъ назначенъ умный, энергичный и строгій Владиміръ (Ужинскій, въ апрѣлѣ 1822 г.), то дѣло приняло нѣсколько другой оборотъ. 2 ноября 1822 г. состоялось постановленіе консисторіи объ увольненіи Гапонова отъ благочиннической должности, которая была временно поручена благочинному слоб. М. Евдокиму Өедотову, о чемъ къ Гапонову былъ посланъ указъ. Само собою разумѣется, что Гапоновъ былъ устраненъ и отъ должности первоприсутствующаго въ духовномъ правленіи.

вались Гапоновымъ систематически; теперь его сослуживцы потеряли всякое терпѣніе.

Но привыкшій къ самовластію и къ исключительному привилегированному положенію въ средѣ мѣстнаго духовенства, протоіерей Гапоновъ никакъ не могъ помириться съ указаннымъ постановленіемъ консисторіи—вѣрно, ему ужъ очень обидно было отказаться отъ прерогативъ «главнаго благочиннаго» и соединенныхъ съ этимъ званіемъ житейскихъ удобствъ; онъ рѣшительно не могъ согласиться удовлетвориться скромнымъ положеніемъ простого уѣзднаго протоіерея. И вотъ онъ, можетъ быть, питая смутныя надежды вернуть какъ-нибудь благоволеніе епархіальнаго начальства, всѣми мѣрами старается отсрочить моментъ окончательнаго отчета по благочинію. Онъ придумываетъ разныя увертки, пускается на разныя хитрости: то сказывается больнымъ, то по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ дома и т. д. Сильныя связи въ консисторіи, а можетъ быть и денежныя подачки вліятельнымъ лицамъ помогали ему въ этомъ случаѣ.

Какъ мы уже замѣтили, 2 ноября 1822 года, Гапоновъ былъ устраненъ отъ должности благочиннаго. Его временному преемнику, Е. Ѳедотову, поручено было «учинить исполненіе по всѣмъ указамъ, кои были посланы къ бывшему благочинному прот. Гапонову, но имъ не исполнены», и принять отъ Гапонова всѣ дѣла по должности. Но прошелъ уже почти мѣсяцъ послѣ этого указа, а Гапоновъ и не думалъ сдавать должности. Прот. Евдокимъ Ѳедотовъ рапортуетъ духовному правленію, что онъ два раза ѣздилъ въ Дмитріевъ къ Гапонову для принятія отъ него дѣлъ—16-го и 24-го ноября, но, по пріѣздѣ туда, «онаго протоіерея Гапонова въ его домѣ не заставалъ, а потому по благочинію дѣлъ никакихъ отъ него не могъ принять, да и *впредь не надѣется*, за его частою отлучкою, принять». Въ виду этого репорта правленіе опредѣлило: «послать вторичный къ показанному прот. Гапонову указъ съ тѣмъ, чтобы онъ безъ всякаго уклоненія сдалъ всѣ письменныя дѣла, до благочиннической должности касающіяся, по описи, съ роспискою, а священнослужителямъ г. Дмитріева соборной церкви предписать, что какъ скоро прот. Гапоновъ возвратится въ свой домъ, то они того жъ числа увѣдомили бы прот.

Е. Ѳ—ва съ нарочнымъ письменно о таковомъ его, Гапонова, возвращеніи въ свой домъ».

Изъ документовъ не видно, когда и при какихъ именно обстоятельствахъ было исполнено это предписаніе. Но нельзя не признать, что эта крайняя мѣра—полицейскій надзоръ за Гапоновымъ его сослуживцевъ—является довольно остроумнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое было поставлено духовное правленіе.

Устраненіе прот. Гапонова отъ должности благочиннаго, конечно, было только началомъ дѣла. Эта мѣра сама по себѣ не могла служить наказаніемъ; она лишь отчасти предупреждала возможность злоупотребленій по должности со стороны Гапонова. Но на этомъ началѣ епархіальная власть пока и остановилась. До самаго конца 1823 года мы не находимъ въ архивѣ никакихъ слѣдовъ начатаго о Гапоновѣ дѣла: что именно за этотъ годъ сдѣлало фатежское правленіе для разслѣдованія, отбирало ли оно отъ Гапонова какія-нибудь показанія, требовало ли оно вообще его къ допросу—ничего неизвѣстно; а дальнѣйшій ходъ событій доказываетъ, что сдѣлано было во всякамъ случаѣ очень мало или даже и совсѣмъ ничего.

Для дальнѣйшаго движенія дѣла имѣли большое значеніе «вѣдомости о дѣлахъ, производящихся относительно духовныхъ лицъ», которыя ежемѣсячно представлялись духовными правленіями преосв. Владиміру, по его требованію. Преосв. Владиміръ внимательно прочитывалъ эти вѣдомости и слѣдилъ за дѣлами. Изъ дѣлъ о Гапоновѣ особенное вниманіе преосвященнаго обратило на себя дѣло о недоставленіи въ кассу библейскаго сотоварищества собранныхъ денегъ. Это дѣло признавалось и духовнымъ правленіемъ и епископомъ, какъ видно, особенно важнымъ. Изъ духовнаго правленія къ Гапонову были посланы три указа о доставленіи объясненія относительно этого дѣла: отъ 3 ноября, отъ 24 ноября 1823 года и отъ 10 января 1824 года. Когда же отъ Гапонова не получено было никакого отвѣта на эти указы,—послѣдовала такая резолюція преосвященнаго: «по означенному дѣлу велѣть духовному правленію чрезъ нарочнаго вызвать прот.

Гапонова и на законномъ основаніи настоятельно требовать отъ него показаннаго объясненія». Во исполненіе этой резолюціи, послѣдовавшей во второй половинѣ января 1824 года, духовное правленіе послало къ Гапонову указы о явкѣ въ правленіе для отвѣта какъ по этому дѣлу, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и по другимъ вышеупомянутымъ: отъ 27 февраля, отъ 7 марта и отъ 28 апрѣля; а 13 іюня былъ посланъ за Гапоновымъ нарочный «съ инструкціей».

Гапоновъ, для отвѣта по касающимся до него дѣламъ, въ духовное правленіе не явился и объясненій никакихъ не представилъ даже послѣ этихъ распоряженій правленія и резолюціи преосвященнаго. Преблагополучно онъ проживалъ въ Дмитріевѣ, пользуясь все еще протоіерейскими доходами и попрежнему собирая у себя веселыя компаніи. Очевидно, въ своемъ «домишкѣ» онъ чувствовалъ себя прекрасно и въ полной безопасности. Онъ и не думалъ оставлять своего прежняго образа жизни и попрежнему разъѣзжалъ по окрестнымъ помѣстьямъ.

Духовное правленіе очутилось въ очень затруднительномъ положеніи. Что нужно было дѣлать? какъ исполнить резолюцію преосвященнаго и притянуть Гапонова къ отвѣту?...

Духовное правленіе дѣлаетъ запросъ въ консисторію: какъ ему поступить съ Гапоновымъ?—рѣшить-ли его дѣла, не взирая на его отсутствіе, или же переслать ихъ въ консисторію? Это «отношеніе» духовнаго правленія въ консисторію является документомъ довольно любопытнымъ: видно, что канцелярія правленія призвала на помощь всѣ свои свѣдѣнія по юридической части, употребила въ дѣло всѣ канцелярскія увертки, извѣстныя ей,—лишь-бы только не ударить лицомъ въ грязь предъ консисторіей и показать во всемъ блескѣ свою дѣятельность. Между прочимъ, правленію слѣдовало сдѣлать въ «отношеніи» такъ называемую «справку», т. е., нужно было сослаться на какой-нибудь (подходящій) законъ, которымъ можно было бы мотивировать постановленіе по дѣлу. Но въ распоряженіи правленія не оказалось вполнѣ удовлетворительныхъ и удобопримѣнимыхъ постановленій, которыя могли бы служить для руководства. Самый

подходящій, но значительно уже устарѣвшій (1723 года) и не вполнѣ пригодный законъ гласилъ слѣдующее: «ежели отвѣтчикъ или истецъ къ суду не станетъ на положенный срокъ и не объявитъ о себѣ, для чего не сталъ, то его сыскивать такимъ образомъ: первый день *съ барабаннымъ боемъ* и указъ публиковать, чтобъ явился къ суду въ недѣлю, а когда по прошествіи недѣли не явится, того *обвинить*». Духовное правленіе и ссылается на этотъ законъ. Но чувствуя, что онъ какъ будто-бы и не совсѣмъ идетъ къ дѣлу и всего меньше можетъ быть приложимъ на практикѣ, авторъ отношенія здѣсь же рядомъ приводитъ совсѣмъ ужъ неюридическую справку: «а въ посланіи св. ап. Павла къ ефесеямъ, главы 13-й, въ стихахъ 1-мъ и 2-мъ, говорится: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется» и т. д. (слѣдуетъ выписка извѣстныхъ словъ посланія о повиновеніи властямъ).

Въ отвѣтъ на запросъ правленія консисторія шлетъ длиннѣйшій и изложенный чрезвычайно запутанно и сбивчиво указъ. Въ основаніи этого указа лежитъ новый, еще не дошедшій до правленія, законъ: высочайше утвержденное 29 января 1824 года мнѣніе государственнаго совѣта «о пресѣченіи подсудимымъ способовъ уклоняться отъ явки въ уголовный судъ». Въ этомъ «мнѣніи» подробно трактуется о томъ, «какъ привлекать къ отвѣту уклоняющихся отъ него преступниковъ», какъ поступать, когда они сказываются больными и т. д., т. е., какъ разъ именно примѣнительно къ дѣлу о Гапоновѣ.

Можно было бы заключить, что послѣ этой переписки, послѣ столькихъ хлопотъ и огорченій консисторія, наконецъ, нашла способъ уладить затрудненіе и пришла къ какому-нибудь вполнѣ опредѣленному и имѣющему жизненное значеніе выводу. Но... гора родила мышь. Внушительный съ внѣшней стороны и юридически обоснованный указъ заканчивается опредѣленіемъ довольно таки плачевнаго характера: «предписать мѣстному, по г. Дмитріеву, благочинному, чтобы онъ, объявя сей законъ (вышеупомянутое «мнѣніе») протоіерею Гапонову, обязалъ его на основаніи онаго подпискою о явкѣ въ правленіе по касающимся до

него дѣламъ» и подписку эту доставилъ въ правленіе немедленно [1]).

Очевидно, эта мѣра не только не могла привести къ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ и существеннымъ результатамъ, но даже являлась въ судебной процедурѣ «шагомъ назадъ»: сколько ужъ разъ посылали къ Гапонову—и «ордеры» и нарочныхъ! Духовное правленіе ужъ и счетъ потеряло своимъ посламъ...

Кажется, что, такимъ образомъ, начальствомъ были испытаны всѣ мѣры, находившіяся въ его распоряженіи къ тому, чтобы вызвать прот. Гапонова. Не доставало только «барабаннаго боя». И дѣйствительно, если-бы, какъ разъ къ этому случаю, не было опибликовано указанное «мнѣніе» государственнаго совѣта, то прот. Гапонову, пожалуй, предстояла бы перспектива сыска «съ барабаннымъ боемъ» и опубликованіемъ указа.

Гапоновъ, и послѣ упомянутаго указа консисторіи продолжалъ отсиживаться въ Дмитріевѣ, сославшись на упорную болѣзнь. Такимъ образомъ прошло еще 4—5 мѣсяцевъ. Въ ноябрѣ Гапоновъ прислалъ благочинному рапортъ, въ которомъ сказывался больнымъ и обязывался по выздоровленіи явиться къ отвѣту. Но и до февраля мѣсяца, какъ и слѣдовало ожидать, онъ не явился; поэтому духовное правленіе предписываетъ благоч. Е. Ѳедотову отправиться на мѣсто (въ Дмитріевъ) и «совершенно узнавъ, боленъ-ли оный прот. Гапоновъ или здоровъ», донести правленію о результатахъ своей поѣздки (указъ правленія отъ 28 февраля 1825 года). 26 марта духовное правленіе вынуждено опять послать благочинному предписаніе, чтобы онъ «не медля, при надлежащемъ посредствѣ и чрезъ кого слѣдуетъ, освидѣтельствовалъ Гапонова: подлинно ли онъ боленъ до невозможности явиться (въ правленіе) и какою именно болѣзнію; а затѣмъ доставить безпристрастныя свѣдѣнія, не занимается ли онъ, Гапоновъ, съ того времени, какъ сталъ отзываться больнымъ, отправленіемъ своей должности по церкви и приходу, и часто ли и въ пол-

---

[1]) Указъ курской духовной консисторіи отъ 4 августа 1824 года за № 2809.

номъ ли порядкѣ, также не отлучался ли онъ куда-либо, и буде отлучался, то куда именно, надолго ли, сколько разъ и по какимъ причинамъ».

Мы потому такъ долго останавливаемся на подробностяхъ этого дѣла, что онѣ очень ярко характеризуютъ намъ судебную процедуру того времени. Въ 1821 году началось судебное дѣло. Но вотъ наступилъ уже 1825 годъ, а оно не двинулось ни на шагъ. За 4 года, при всѣхъ стараніяхъ, не могли даже снять допроса съ Гапонова или, можетъ быть, и могли, да не хотѣли...

Чрезвычайно курьезное, а подчасъ и трагикомическое, впечатлѣніе производитъ вся эта исторія. Съ одной стороны—«начальство», вооруженное «ордерами», «предложеніями» и т. д., имѣющее въ своемъ распоряженіи всѣ возможныя средства—до грубой полицейской силы включительно; съ другой—обыкновенный уѣздный протопопъ, прежде, можетъ быть, и сильный, и вліятельный, но теперь, во всякомъ случаѣ, сошедшій со сцены, обвиняемый въ разныхъ преступленіяхъ и потому лишенный не только почета, но и расположенія своихъ знакомыхъ и друзей. И при всѣхъ своихъ усиліяхъ начальство ничего не могло сдѣлать съ этимъ протопопомъ; а онъ все оттягивалъ и оттягивалъ развязку...

И трудно сказать, чѣмъ окончилась бы эта неравная (Гапоновъ, несомнѣнно, былъ фактически сильнѣйшей до сихъ поръ стороною) борьба, если бы не случилось происшествіе, которое подвинуло дѣло впередъ и привело его къ роковому для Гапонова исходу.

V.

Въ окрестностяхъ Дмитріева жила въ своемъ имѣніи вдова, помѣщица Брискорнъ. Это была очень богатая землевладѣлица; нѣсколько селъ подъ-рядъ принадлежали ей; въ главномъ имѣніи, въ селѣ С., былъ у нея прекрасный «дворецъ», въ которомъ она и проживала. Прот. Гапоновъ, какимъ-то образомъ пріобрѣлъ ея

довѣріе и сдѣлался главнымъ управляющимъ ея имѣній, удачно совмѣщая свои сложныя обязанности съ этою частною должностію. Для повѣрки отчетовъ и для общаго наблюденія за хозяйствомъ Гапоновъ нерѣдко пріѣзжалъ въ имѣніе. Въ эти наѣзды Гапоновъ чинилъ судъ и расправу надъ провинившимися «подданными» (какъ тогда называли себя крѣпостные) ея превосходительства и давалъ порядки, при чемъ дѣйствовалъ, конечно, вполнѣ самостоятельно и независимо. И вообще, Гапоновъ былъ полнымъ хозяиномъ у Брискорнъ; у него были какія то тѣсныя связи съ ея семействомъ: мы уже видѣли выше, что онъ хоронилъ ея мужа, о чемъ и возникло дѣло. Какъ онъ расправлялся съ крестьянами— объ этомъ можно судить уже по тому, что мы знаемъ о его характерѣ и склонностяхъ.

Одинъ разъ онъ жестоко наказалъ крестьянъ Брискорнъ—и притомъ, нужно думать, незаслуженно и несправедливо, такъ какъ крестьяне подали жалобу на него «свѣтской командѣ». Это было въ 1823 или 1824 году. Вскорѣ послѣ этого Гапоновъ еще рѣзче проявилъ свой произволъ. Онъ жестоко выпоролъ какого то «иностранца Франка». Какое положеніе въ домѣ Брискорнъ занималъ этотъ Франкъ, былъ ли онъ гувернеромъ или же управлялъ какимъ-либо изъ имѣній Брискорнъ, изъ документовъ не видно; но несомнѣнно, что онъ былъ лицомъ привилегированнымъ. Всего вѣроятнѣе, онъ навлекъ на себя неудовольствіе Гапонова тѣмъ, что не потворствовалъ его прихотямъ, не одобрялъ его дѣйствій по управленію имѣніями; во всякомъ случаѣ, если онъ игралъ значительную роль въ имѣніи, то поводы для столкновенія съ Гапоновымъ всегда могли найтись, тѣмъ болѣе, что Гапоновъ не привыкъ улаживать ссоры мирнымъ путемъ. Почти одновременно съ потерпѣвшими крестьянами подалъ жалобу на Гапонова и Франкъ.

Такимъ образомъ возникли два новыхъ дѣла о прот. Гапоновѣ—уже въ судѣ свѣтскомъ. Къ первому дѣлу—о крестьянахъ— была привлечена и госпожа ихъ Брискорнъ, очевидно, принимавшая самое живое и дѣятельное участіе въ расправѣ; вмѣстѣ съ Гапоновымъ она обвинялась въ «безпорядочномъ обращеніи» съ крестьянами.

Однако, и въ этомъ случаѣ Гапоновъ на первый разъ съумѣлъ уклониться отъ отвѣта; дѣла затянулись: «свѣтская команда» отнеслась къ начальству Гапонова, это послѣднее дало отвѣтъ «командѣ», нужно было назначить депутата для присутствованія при дѣлѣ и т. д., и т. д. Но такъ какъ дѣла были серьезнаго характера и возникли въ свѣтскомъ судѣ, и такъ какъ въ судьбѣ потерпѣвшихъ приняли участіе высшія лица администраціи, то и велись эти дѣла нѣсколько иначе, чѣмъ тѣ, которыя были въ судѣ церковномъ. Вѣсть о дикой расправѣ, благодаря этому, дошла до Петербурга, и изъ святѣйшаго синода послѣдовало грозное предписаніе: нарядить надъ прот. Гапоновымъ строжайшее слѣдствіе по жалобамъ Франка и крестьянъ Брискорнъ; назначить для этого трехъ протопоповъ—по одному изъ епархій: курской, орловской и черниговской, которые должны поѣхать въ имѣніе Брискорнъ и, не выѣзжая съ мѣста, разобрать все дѣло и донести о результатахъ святѣйшему синоду.

Назначенные синодомъ слѣдователи прибыли на мѣсто, въ имѣніе Брискорнъ, для производства слѣдствія. Разумѣется, они были тамъ не желанными гостьми. Понятно, поэтому, что ихъ приняли очень плохо и всѣми мѣрами старались выжить изъ имѣнія. Такъ, напр., содержанія отъ Брискорнъ имъ никакого не выдавалось, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, и они должны были сами изыскивать себѣ средства пропитанія—въ буквальномъ смыслѣ слова; приходилось просто бѣдствовать, такъ какъ на пути къ достиженію этой цѣли имъ ставились всевозможныя препятствія со стороны экономіи, и положеніе протопоповъ, принужденныхъ отыскивать себѣ хлѣбъ, провизію, «приварокъ» и т. п., становилось нерѣдко просто комическимъ. При допросѣ свидѣтелей и потерпѣвшихъ, вообще, при веденіи слѣдствія мѣстныя власти уклонялись, по возможности, отъ всякаго содѣйствія слѣдователямъ.

Поработавъ недѣлю-другую, слѣдователи отсылали протоколы о дѣлѣ чрезъ мѣстную почту въ Петербургъ, при чемъ испрашивали обыкновенно дальнѣйшихъ руководственныхъ для себя указаній. Такимъ образомъ прожили они нѣсколько мѣсяцевъ, ото-

слали много бумагъ въ синодъ и ждали отвѣта. Не получивъ его, они продолжали разслѣдовать дѣло по собственнымъ соображеніямъ, на свой страхъ. Прошло еще нѣсколько времени. Дѣло было окончено, вся переписка отослана въ Петербургъ, и слѣдователи только ждали разрѣшенія возвратиться по домамъ. Отвѣта опять таки не получалось никакого. Оставалось ждать. Преданіе говоритъ, что протопопы просидѣли такимъ образомъ въ имѣніи Брискорнъ больше года. Наконецъ, былъ полученъ изъ синода запросъ: почему они затягиваютъ слѣдствіе и *не представляютъ* о немъ никакого *отчета?* Нужно представить себѣ изумленіе слѣдователей!... Недоразумѣніе объяснилось очень просто: мѣстные почтовые чиновники были подкуплены, они жгли всѣ бумаги, которыя отсылались въ синодъ, такъ что ни одна изъ нихъ не достигла по назначенію, и самый этотъ запросъ былъ полученъ лишь потому, что онъ былъ направленъ чрезъ консисторію, которая и доставила его чрезъ нарочнаго по адресу. Пришлось опять повторять всю процедуру сначала: собирать и допрашивать толпы свидѣтелей, отбирать подписи наводить разныя оффиціальныя справки и т. д., и т. д. Близкаго конца дѣлу не предвидѣлось.

Между тѣмъ одинъ изъ пострадавшихъ—Франкъ—уже терялъ терпѣніе, ожидая возмездія Гапонову за обиду. Живя въ имѣніи, наблюдая всю эту судебную волокиту и не видя конца ей, онъ хотѣлъ добиться чего-нибудь самъ, своими собственными силами. Онъ хотѣлъ отправиться лично въ Петербургъ. Но Брискорнъ не разрѣшила ему отпуска, а подкупленная полиція не выдавала вида на проѣздъ; мало того: приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы не выпустить его изъ усадьбы. Франкъ долженъ былъ такимъ образомъ оставаться на мѣстѣ и быть невольнымъ свидѣтелемъ происходившаго. Наконецъ, кто то внушилъ Франку счастливую мысль: перерядить жену въ платье нищей и въ такомъ видѣ попытаться вывести ее изъ усадьбы. Этотъ планъ удался; жена Франка, переряженная, незамѣтно выбралась изъ усадьбы и отправилась въ Петербургъ. Она благополучно добралась до столицы, нашла доступъ къ одной изъ высокопоставленныхъ при-

дворныхъ дамъ, которая была одной національности съ Франкомъ, разсказала ей о всемъ, что происходило въ усадьбѣ Брискорнъ, представила яркую характеристику прот. Гапонова. Та съ участіемъ выслушала ее и обѣщала свое содѣйствіе. Благодаря этому, о дѣлѣ было доведено до свѣдѣнія Государя Николая Павловича. Это было въ срединѣ 1826 года.

Государь былъ возмущенъ, услышавши о дикой расправѣ прот. Гапонова надъ крестьянами и Франкомъ[1]), о судебной волокитѣ и о прочемъ, и отдалъ строжайшій приказъ рѣшить дѣло какъ можно скорѣе. Вотъ почему дѣло выходитъ изъ области спеціальныхъ полномочій епископа и синода и переходитъ въ комитетъ министровъ. Результатомъ этого распоряженія былъ указъ, которымъ судьба прот. Гапонова рѣшается безповоротно и навсегда[2]).

Въ этомъ указѣ между прочимъ значится слѣдующее. «Святѣйшему правительствующему синоду г. оберъ-прокуроръ онаго князь П. С. Мещерскій предлагалъ *во-первыхъ*: выписку изъ журнала комитета г.г. министровъ отъ 26 октября 1826 года для надлежащаго исполненія содержащейся въ оной высочайшей воли о заключеніи курской епархіи протоіерея М. Гапонова, участво-

---

[1]) Извѣстно, каковы были взгляды имп. Николая I на крѣпостное право въ началѣ его царствованія. «Я не понимаю,—говорилъ Государь—какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу объяснить себѣ этого иначе, какъ хитростью, обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой». Двумя рескриптами на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Государь предписалъ дворянству христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами, явно высказывая свое желаніе оградить крестьянъ, «отъ помѣщичьяго произвола. (См. Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ», изд. 7-е, стр. 12 и др. и очеркъ. Шильдера, «50 лѣтъ русской исторіи» въ сборникѣ «XIX вѣкъ», изд. Маркса, стр. 101).

Имѣя въ виду эти взгляды государя, мы поймемъ, почему онъ принялъ такое живое участіе въ дѣлѣ о Гапоновѣ, не говоря уже о томъ, что ходатайство близкихъ къ государю лицъ, возбужденное женою Франка, могло имѣть значеніе и само по себѣ.

[2]) Указъ святѣйшаго синода отъ 27 марта 1827 года.

вавшаго съ помѣщицей Брискорнъ въ безпорядочномъ обращеніи съ ея крестьянами, въ монастырь на покаяніе, пока, въ нравственности исправится; *во-вторыхъ,* что Государь императоръ, разсмотрѣвъ отношеніе къ статсъ-секретарю Муравьеву сенатора князя Долгорукова отъ 16 ноября того-жъ года, о причиненныхъ Гапоновымъ безчеловѣчныхъ побояхъ иностранцу Франку, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ протоіерей Гапоновъ лишенъ былъ священническаго сана, какъ недостойный онаго по его поступкамъ». Кромѣ того Государю угодно было спросить: «почему поведеніе Гапонова *до сихъ поръ неизвѣстно духовному начальству»?*

«Духовному начальству» пришлось употребить большія усилія, чтобы снять съ себя обвиненіе, скрытое въ этомъ вопросѣ Государя. Объясненіе вышло натянутое и искусственное, хотя повидимому и снимало отчасти съ епархіальной власти упрекъ въ потворствѣ Гапонову и смягчало обвиненіе въ небрежности и нерадѣніи. «Поведеніе Гапонова—отвѣчаетъ св. синодъ,—какъ по справкѣ съ послужнымъ его спискомъ оказалось, *давно обращаетъ вниманіе* епархіальнаго начальства по нехорошимъ дѣламъ, изъ коихъ по нѣкоторымъ учиненъ отъ суда свободнымъ по недоказательству, а по другимъ и теперь состоитъ подъ судомъ и только за неокончаніемъ оныхъ не воспріялъ донынѣ должнаго наказанія» (вспомнимъ, что дѣло о Гапоновѣ началось въ 1821 году, а это писалось въ декабрѣ 1826 г.). На этомъ докладѣ св. синода послѣдовала 9 января 1827 года высочайшая резолюція такого содержанія: «не должно было оставлять его при должности, когда совершенно неблагонадеженъ».

Во исполненіе высочайшей воли св. синодъ съ своей стороны опредѣлилъ: «лишить прот. Гапонова протоіерейскаго—священническаго сана вовсе, яко недостойнаго носить оный по таковымъ поступкамъ и, исключивъ его изъ духовнаго званія и вѣдомства, отослать въ губернское правленіе для поступленія съ нимъ по точной силѣ указа сената отъ 20 ноября 1806 года». Въ «реэстрѣ бывшимъ священно-церковнослужителямъ, кои лишены духовнаго званія и отосланы въ гражданское вѣдомство на

разсмотрѣніе», который былъ составленъ въ 1830 году по распоряженію преосв. Владиміра, и въ которомъ указаны также и причины лишенія сана, значится на первомъ мѣстѣ: «протоіерей Михаилъ Гапоновъ, бывшій благочиннымъ и присутствующимъ въ духовномъ правленіи—за бой иностранца Франка».

Такъ печально окончилъ свою дѣятельность на духовномъ поприщѣ этотъ несомнѣнно незаурядный и талантливый человѣкъ, стоявшій цѣлою головою выше своихъ современниковъ и имѣвшій на нихъ сильное вліяніе. Полный силъ, энергіи, страстно желавшій практической дѣятельности, онъ не зналъ, куда приложить свои силы, и растратилъ ихъ по-мелочамъ. Заброшенный судьбою въ маленькій захолустный городокъ, въ невѣжественную и грубую среду, онъ съ головою окунулся въ это болото и погрязъ въ немъ, проводя развеселую и беззаботную жизнь. Не встрѣчая противодѣйствія своимъ, не всегда чистымъ и безупречнымъ, стремленіямъ, онъ, естественно, увлекся далѣе, чѣмъ слѣдуетъ и сталъ считать все для себя возможнымъ и позволительнымъ.

Д. Булгаковъ.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа [1]).

I.

Черты изъ прошлаго Геленджика и вообще побережья.

Вступленіе. Геленджикъ въ прошломъ и настоящемъ. Нѣкоторые эпизоды изъ исторіи Геленджика. Первыя попытки заселенія побережья. Колонизація его кубанскими козаками. Вольная колонизація. Недочеты обоихъ видовъ колонизаціи. Обращеніе козаковъ въ крестьянъ. Общинные порядки. Экономическое положеніе мѣстнаго населенія нынѣ.

Черноморское побережье Кавказа привлекаетъ въ послѣдніе годы общее вниманіе. Притокъ временныхъ посѣтителей его, ѣдущихъ на побережье, частію съ цѣлью полѣчиться купаньемъ въ морѣ, частію ради лѣченія чистымъ горнымъ воздухомъ, а частію и для

---

[1]) Предлежащіе очерки кавказскаго побережья, какъ и ожидаетъ читатель, неизбѣжно и съ возможною подробностью коснутся исторіи заселенія побережья тѣми самыми кубанскими козаками, происшедшими изъ запорожцевъ, которые тамъ—на Кубани, на второй своей родинѣ, „сохранили до настоящаго времени малороссійскій говоръ и обычай" (Энциклоп. слов. Брокгауза, стр. 838), а здѣсь, на третьей своей родинѣ, въ громадномъ большинствѣ безропотно слагали свои буйныя головы въ борьбѣ съ лихорадками, незнакомыми условіями жизни и чуждой природой. Эти же очерки по возможности познакомятъ читателя и съ

того, чтобы провести тамъ лѣто на дачѣ, или же просто повидать вошедшую въ моду кавказскую Ривьеру,—увеличивается съ каждымъ годомъ. Даровая, или почти даровая, раздача, такъ наз., культурныхъ участковъ и мѣстъ подъ дачи, устройство новыхъ курортовъ, организація новыхъ городовъ, надежда на скорое обогащеніе перепродажей земель и дачъ—все это только увеличиваетъ вниманіе и интересъ къ побережью. Слухи о богатствѣ природы и возможности разнообразнѣйшихъ культуръ привлекаютъ отчасти и людей, желающихъ устроиться тамъ на постоянное занятіе собственнымъ хозяйствомъ. Наконецъ, слухи о вольныхъ плодородныхъ земляхъ влекутъ сюда также и засельщиковъ изъ крестьянъ юга, а частью и центра Россіи. Понятно, что весь этотъ разнообразный людъ, стремящійся лѣчиться, жаждущій отдохнуть, либо только покейфовать, какъ и желающій нажиться, разбогатѣть на чужой счетъ, или стремящійся только устроиться собственнымъ трудомъ безбѣдно и скромно, интересуется побережьемъ и при томъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Помимо того, одно уже прошлое кавказскаго побережья Чернаго моря, этой колыбели древней Колхиды, куда въ свое время ѣздили отважные Аргонавты и гдѣ Язонъ искалъ золотое руно, должно привлекать къ нему наше вниманіе. На памяти нашей, или по крайней мѣрѣ нашихъ отцовъ, тамъ еще кипѣла многолѣтняя упорная и кровавая борьба горцевъ съ русскими, во время которой незамѣтно, но безвозвратно погибла создававшаяся многими вѣками интенсивная горская культура. На той же

положеніемъ выжившихъ на побережьѣ кубанцевъ и ихъ потомковъ въ настоящее время. Но говоря о кавказскомъ побережьѣ, о нынѣшнемъ положеніи его населенія, объ исторіи его заселенія, о колонизаціонной политикѣ края, его будущемъ, а слѣдовательно и будущемъ его населенія, нельзя забывать, что нынѣшнее побережье—это край курортовъ и что условія жизни его населенія и условія развитія въ немъ культуры тѣсно связаны съ этой чисто курортной стороной его жизни, на которой неизбѣжно приходится поэтому останавливаться съ извѣстною подробностью. Пусть не посѣтуетъ поэтому на эти подробности читатель, интересующійся получить только свѣдѣнія о жизни бывшихъ кубанцевъ, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣнія о нашей „кавказской Ривьерѣ“ тоже имѣютъ свой интересъ и къ чему-нибудь могутъ когда-нибудь пригодиться.

памяти раскошная Колхида стала и кладбищемъ большинства кубанскихъ козаковъ—исконныхъ степняковъ, волею судебъ заброшенныхъ въ чуждыя горы и долженствовавшихъ насадить, на мѣстѣ погибшей во время войны, новую еще болѣе прочную культуру, но «полегшихъ костьми» въ борьбѣ съ чуждыми условіями въ незнакомой странѣ...

Одна культура исчезла, первыя попытки созданія новой потребовали массы жертвъ и окончились почти полною неудачею, но на мѣсто первыхъ піонеровъ явились новыя наслоенія, новыя попытки колонизаціи и культуры—и край сталъ понемногу заселяться и оживляться. Богатство и разнообразіе природы, разнообразіе климатовъ, почвъ, растительности, дающее возможность введенія всевозможныхъ культуръ отъ простой ржи до винограда и маслинъ, лимона и чая включительно, изобиліе свободныхъ «впустѣ лежащихъ» земель, никому лично не принадлежавшихъ,—все это привлекало къ себѣ новыхъ засельщиковъ и способствовало созданію новыхъ условій жизни въ завоеванномъ краѣ. Узнать, какимъ путемъ создавались эти новыя условія, во что они вылились, какъ сложилась культура края, какое направленіе ей дается и каково оно должно быть—все это вопросы, заслуживающіе вниманія и возбуждающіе также несомнѣнный интересъ къ побережью.

Литература этого края уже довольно богата, но она далеко еще не обнимаетъ всѣхъ тѣхъ сторонъ жизни побережья, которыя возбуждаютъ къ нему интересъ въ читающемъ обществѣ, и не дала еще болѣе или менѣе подробнаго описанія всѣхъ наиболѣе выдающихся мѣстъ побережья. Лучшія, по моему мнѣнію, изъ наиболѣе современныхъ изслѣдованій побережья—это работа П. Н. Клингена: «Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ», а изслѣдованіе профессоровъ А. И. Воейкова, Ѳ. И. Пастернацкаго и горнаго инженера М. В. Сергѣева «Черноморское побережье» и статьи проф. Краснова. Къ сожалѣнію, послѣднія два изданія мало распространены, мало доступны для публики и уже вызвали нѣкоторыя возраженія со стороны лицъ, изслѣдовавшихъ побережье (напр. проф. Краснова) [1].

[1]) Первое—изданіе департамента земледѣлія, которое, какъ знаю по личному опыту, достать довольно трудно. Второе—оттискъ изъ «Трудовъ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей по климатологіи,

Въ виду этого, вѣроятно, небезполезно будетъ и то немногое, что добыто мною частію путемъ личныхъ наблюденій, частію путемъ подробныхъ разспросовъ заслуживающихъ довѣрія и компетентныхъ лицъ, отчасти и ознакомленіемъ съ литературой края и изложено въ предлежащихъ очеркахъ, отнюдь однако не претендующихъ на полное описаніе побережья. И это тѣмъ болѣе, что нѣкоторые уже вошедшіе въ славу пункты побережья завѣдомо будутъ пропущены въ моемъ описаніи, какъ вслѣдствіе недостаточнаго съ ними знакомства, такъ отчасти и потому, что о нихъ писалось уже съ большею подробностію, чѣмъ могу сообщить я.

Настоящіе очерки черноморскаго побережья Кавказа надлежало бы, слѣдуя географическому порядку, начать съ описанія Новороссійска [1]). Но при наличности извѣстной связи между жизнью этого города и жизнью тяготѣвшаго и тяготѣющаго къ нему сельскаго района, жизнь перваго, какъ города и порта, шла все-таки своей особой колеей и сложилась, конечно, нѣсколько иначе, чѣмъ вообще на побережьѣ и, въ частности, въ прилегающемъ къ Новороссійску районѣ. Поэтому удобнѣе будетъ начать эти очерки именно съ описанія прилегающаго къ Новороссійску района, чтобы предварительно дать читателю общее понятіе о его исторіи, условіяхъ колонизаціи и современномъ состояніи. По окончаніи описанія этого района послѣдуетъ глава о Новороссійскѣ, а затѣмъ и описаніе нѣкоторыхъ мѣстъ побережья на югъ отъ Геленджика и Новороссійска.

гидрологіи и бальнеологіи». (т. I, цѣна 3 р., 1899 г.)—изданіе тоже малораспространенное. Первое касается при томъ же, къ сожалѣнію, одного лишь сочинскаго района. Второе представляетъ результатъ изслѣдованія, принаровленнаго главнымъ образомъ къ выясненію вопроса о постановкѣ курортнаго дѣла на побережьѣ и произведеннаго въ довольно короткій періодъ времени (что впрочемъ частію искупается тѣмъ обстоятельствомъ, что участниками изслѣдованія были компетентные спеціалисты). Во всякомъ случаѣ при пользованіи этими 2 изданіями небезполезно сопоставить ихъ выводы съ нѣкоторыми другими печатными источниками послѣдняго, времени и прежде всего съ работами проф. Краснова («Книжки недѣли» 1900 г. №№ 1 и 2 и слѣд. и «Кавказскій Вѣстникъ» 1901 г. № 1).

[1]) Сѣвернѣе я не былъ.

До войны русскихъ съ кавказскими горцами Геленджикъ, благодаря своей удобной бухтѣ, имѣлъ большое торговое значеніе. Въ 1811 г. командиръ фрегата «Іоаннъ Златоустъ» Скуртули доносилъ о бухтѣ Геленджикъ-Кале, что она «довольно выгодна своимъ закрытіемъ отъ вѣтровъ и глубиною для купеческихъ и малыхъ военныхъ судовъ»... «Владѣтель оной бухты есть черкесскій князь Калобатъ-Оглу, котораго поддерживаетъ Анапскій паша и сія бухта есть единственная отъ Суджука до Сухума, которая доставляетъ всѣ жизненные и другіе припасы для черкесъ».

По собраннымъ мною на мѣстѣ разсказамъ старожиловъ, Геленджикъ «на памяти стариковъ» (людей, бывавшихъ здѣсь ради торговыхъ и другихъ цѣлей задолго до конца войны съ горцами) былъ такимъ оживленнымъ торговымъ центромъ, о которомъ нынѣшніе его жители пока даже и мечтать не смѣютъ. Въ бухтѣ его постоянно стояло множество торговыхъ фелюгъ и турецкихъ кораблей (тогда какъ теперь изрѣдка зайдетъ въ бухту на день-два пароходъ къ цементному заводу или въ теченіе двухъ-трехъ дней покачаются на легкихъ волнахъ бухты одна или двѣ парусныя шкуны)[1]. Чрезъ Геленджикъ сбывались въ изобиліи рогатый скотъ, овцы, домашняя птица, медъ, воскъ, въ большомъ количествѣ яйца. Это—всё такіе товары, о сбытѣ которыхъ чрезъ Геленджикъ теперь уже и помина нѣтъ. Надо сказать, впрочемъ, по этому поводу, что и сама прилегающая страна, не въ примѣръ нынѣшнему времени, была[2] въ то время «обильна млекомъ и медомъ». Въ концѣ, напр., тридцатыхъ годовъ, когда русскіе начинали приступать къ сооруженію береговыхъ укрѣпленій, все побережье съ прилегающей къ нему горной полосой представляло тщательно разработанный культурный оазисъ, гдѣ о-бокъ съ дикими неприступными скалами и вѣковыми (теперь безпощадно вырубленными на всѣхъ наиболѣе доступныхъ мѣстахъ) лѣсами ютились прекрасные виноградники, зеленѣли роскошныя нивы, расположенныя мѣстами даже на искусственныхъ террасахъ, снабжаемыя водою изъ нарочито устроенныхъ оросительныхъ каналовъ, оберегаемыя отъ ливней искусственными во-

---

[1]) А крейсирующіе пароходы (одного только) Русскаго Общества заходятъ сюда не болѣе какъ на $^1/_4$—$^1/_2$ часа.

[2]) Какъ видно, напр., изъ изслѣдованій г. Клингена.

доотливами. По побережью пестрѣли густые сады, въ которыхъ зрѣли разнообразные фрукты, составлявшіе для мѣстнаго горскаго населенія одинъ изъ важныхъ предметовъ сбыта, какъ и медъ и воскъ, получавшіеся ими съ обширныхъ пчельниковъ. На поляхъ береговой полосы росли кукуруза, ячмень, просо, пшеница и др. хлѣбные злаки, убираемые въ извѣстное время спускавшимися съ горъ горцами, которые изъ опасенія лихорадокъ въ низинахъ, всегда жили въ горахъ и только въ извѣстное время дня въ опредѣленное время года спускались для работъ на береговой низинѣ. Близкое знакомство съ климатомъ и природой страны, полученное вѣковымъ опытомъ умѣнье приспособляться къ неблагопріятнымъ климатическимъ особенностямъ края, извѣстный уровень культурности, котораго они уже успѣли достигнуть ко времени начала кровавой борьбы съ русскими—все это дало имъ возможность насадить высокую культуру въ такихъ мѣстахъ, которыя русскій и теперь еще считаетъ непригодными для какой бы то ни было культуры. Умѣло пользуясь дарами богатой природы, горцы съумѣли воспользоваться и близостью моря для расширенія своихъ торговыхъ сношеній и увеличенія размѣровъ сбыта разнообразныхъ продуктовъ своего хозяйства. Естественно, что во всѣхъ приморскихъ пунктахъ, гдѣ морскіе суда могли найти хоть какую нибуть защиту отъ морскихъ вѣтровъ, шла оживленная торговля, потому что было что сбывать и было кому пріобрѣтать: естественно, что Геленджикъ съ его почти наилучшей на побережьѣ бухтой былъ однимъ изъ главныхъ такихъ торговыхъ центровъ.

Но кровавая война изгнала и уничтожила горцевъ[1]), въ корень разрушила ихъ культуру, искусственные каналы заросли и засорились, стоившія много труда искусственныя террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники частью вырублены во время войны и въ періодъ заселенія страны русскими, частію одичали и такъ обросли другими породами деревьевъ, что теперь уже «трудно опредѣлить, гдѣ кончается перевитая дикою виноградной лозой лѣсная чаща и гдѣ начинается бывшее культурное насажденіе».

---

[1]) Поистинѣ потрясающая душу исторія выселенія горцевъ подробно изложена у Берже: «Русск. Старина» 1882 г. № 5.

По преданіямъ, такіе же роскошные сады, защищенные отъ холоднаго нордъ-оста могучими густыми лѣсами, окружали Геленджикъ въ былыя времена такою стѣною, что весною онъ утопалъ въ цвѣтахъ, какъ богато убранная невѣста. Отсюда и производятъ нѣкоторые его названіе «Геленджикъ», которое, по ихъ толкованію, означаетъ «Бѣлая невѣста». Справедливость требуетъ, однако, сказать, что другіе, производя его отъ иныхъ словъ и нарѣчій, переводятъ это названіе нѣсколько иначе: «Красавица-невѣста», «Городокъ-невѣста», а нѣкоторые и просто «Бухта». Кубанцы-малороссы, поселившіеся тутъ впервые, дали ему названіе «Зеленчукъ», которое за нимъ осталось въ народной средѣ и понынѣ. Являясь, повидимому, производнымъ отъ «Геленджикъ», оно въ то же время, надо думать, характеризовало все таки это мѣсто съ точки зрѣнія дѣйствительно бывшаго тогда изобилія зелени.

Въ 1831 г., на мѣстѣ черкесскаго городка Геленджикъ, заложено было русскими, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, Геленджикское укрѣпленіе, уничтоженное и оставленное русскими въ 1853 г., при началѣ крымской войны, и затѣмъ въ 1857 г. вновь занятое русскими. За это время, если не считать довольно частыхъ стычекъ съ горцами, произошло только одно событіе, которое можетъ быть особо отмѣчено въ исторіи Геленджика, это—посѣщеніе его Императоромъ Николаемъ I въ 1837 г. Генералъ Филипсонъ былъ въ это время въ Геленджикѣ и говоритъ о немъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что нашелъ Геленджикъ мало измѣнившимся съ 1831 года. «Безъ сухопутнаго сообщенія гарнизонъ Геленджика нерѣдко нуждался въ самомъ необходимомъ. Непривычный климатъ, безпрестанныя тревоги и лишенія произвели общую апатію и развили болѣзни, преимущественно перемежающіяся лихорадки и цингу. Первымъ комендантомъ былъ полковникъ Чайковскій, отъ котораго я слышалъ много разсказовъ объ этой тяжелой порѣ: на первый день Пасхи офицеры всего гарнизона собирались къ нему разговляться, и при этомъ закуска состояла изъ рюмки водки и нѣсколькихъ селедокъ, составлявшихъ неслыханную роскошь». Описаніе посѣщенія Геленджика Николаемъ I, сдѣланное Филипсономъ и Берже[1]), очень

[1]) «Воспоминанія» и «Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г.—Русская Старина 1884 г. № 8.

интересно и въ особенности въ отношеніи характеристики... климата Геленджика.

Наканунѣ пріѣзда государя задула сильная бора[1]), такъ усилившаяся къ вечеру, что не только разметала солдатскія палатки, но и опрокинула поставленныя въ козлы ружья и прекратила всякую возможность разводить въ кухняхъ огонь и варить пищу. Впрочемъ бора была еще «не изъ самыхъ сильныхъ», такъ что государь, пріѣхавшій со свитою на 2 пароходахъ, могъ все таки, «хотя и съ большимъ трудомъ и не безъ опасности» выйти на берегъ, гдѣ ему приготовлена была квартира въ домѣ командира, «мало отличавшаяся *отъ остальныхъ жалкихъ мазанокъ*». Войска были построены на широкой площадкѣ, заранѣе очищенной отъ покрывавшаго ее мелколѣсья, въ одну линію развернутымъ фронтомъ въ боевой аммуниціи и фуражкахъ, и фронтъ, по недогадливости начальства, былъ прямо противъ вѣтра. Когда государь подъѣзжалъ къ правому флангу, почти всѣ фуражки были унесены вѣтромъ; несмотря на строгую дисциплину николаевскихъ временъ, солдаты держа ружья «на караулъ», должны были отставить лѣвую ногу впередъ, чтобы удержаться на мѣстѣ и все-таки едва стояли на ногахъ, а при крикахъ «ура»!—невольно отворачивались въ сторону. Весь фронтъ кричалъ ура, а вѣтеръ забивалъ открытые рты пескомъ, пылью и мелкими камешками, такъ что многіе нижніе чины закашливались и строили гримасы. Имѣвшіе еще «головные уборы» держали ружья на караулъ одною только лѣвою рукою, а правою придерживали фуражки. Убѣдившись, что ѣхать при такомъ вѣтрѣ верхомъ по фронту невозможно, государь сошелъ съ коня; его примѣру, конечно, послѣдовала и свита. До лѣваго фланга государь со свитой дошли пѣшкомъ «постоянно набрасываемые вѣтромъ на фронтъ». Обойдя войска, государь направился къ палаткѣ, которую, кромѣ обыкновенныхъ укрѣповъ, съ величайшими усиліями удерживала еще «цѣлая сотня казаковъ»!...

---

[1]) Мѣстный вѣтеръ, дующій изъ Кубанскихъ степей, по мѣстному называется нордъ-остъ.

Побережная полоса, прилегающая къ Геленджику съ обѣихъ сторонъ, составляетъ часть знаменитой нѣкогда «Черноморской береговой линіи», о прошломъ которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Подъ этимъ именемъ въ періодъ кавказской войны подразумѣвался, на оффиціальномъ языкѣ того времени, въ узкомъ смыслѣ слова, «рядъ укрѣпленій и занятыхъ войсками неукрѣпленныхъ пунктовъ вдоль сѣв.-вост. и вост. береговъ Чернаго моря до турецкой границы»[1]). Берже[2]) относитъ начало устройства береговой линіи къ 1837 году,—къ тому именно времени, когда корпусный командиръ бар. Розенъ послѣ покоренія Цебельды занялъ на восточномъ берегу Чернаго моря мысъ Адлеръ (гдѣ погибъ писатель Марлинскій) и возвелъ на этомъ мѣстѣ первое береговое «укрѣпленіе св. Духа». Оффиціальный же конецъ ея существованія Берже пріурочиваетъ къ началу войны Россіи съ союзными державами—къ 1853 году, когда всѣ гарнизоны были увезены, а укрѣпленія взорваны. Главная цѣль устройства этого ряда укрѣпленій, къ которымъ принадлежали и нынѣшніе Геленджикъ, и Новороссійскъ[3]) заключалось въ желаніи прекратить свободное сообщеніе горцевъ съ помогавшими имъ турками и уничтожить вѣками установившіеся между ними торговыя отношенія, поставивъ такимъ образомъ горцевъ въ необходимость завести мирныя торговыя сношенія съ русскими. Устройство береговой линіи стоило «много милліоновъ» и хотя оффиціальная береговая линія просуществовала всего 16 лѣтъ, однако успѣла сдѣлаться могилою «многихъ десятковъ тысячъ людей, сдѣлавшихся жертвою губительнаго климата» и дала «взамѣнъ всего этого самые ничтожные результаты»[4]). Со-

---

[1]) Карльгофъ. Военно-статист. обозрѣніе вост. берега Черн. моря.

[2]) Живописная Россія, т. IX, 1886.

[3]) По Карльгофу, береговая линія дѣлилась на 3 отдѣла. Въ 1-й входили Новороссійское и Кабардинское укрѣпленія. Геленджикомъ начинался второй, въ которомъ были еще укр Новотроицкое, Тенгинское, Вельяминовское, фортъ Лазаревъ и Головинскій. Третій состоялъ изъ форта Новачинскаго, укр. Святого Духа, Гагръ, Пицунды, Бомбаръ, поста Исыртскаго, крѣпости Сухумъ-Кале, Дранды и друг.

[4]) Филипсонъ. Воспоминанія.

временникъ береговой линіи, генералъ Филипсонъ рисуетъ ее положеніе въ сороковыхъ годахъ весьма мрачными чертами: «вездѣ гарнизоны были ослаблены жестокими болѣзнями и неестественнымъ порядкомъ жизни и службы. Всѣ ночи гарнизонъ проводилъ подъ ружьемъ, ежеминутно ожидая нападенія, и ложился спать, только когда совсѣмъ ободнѣетъ и обходы осмотрятъ ближайшія окрестности. Если къ этому прибавить томительную скуку, отсутствіе женщинъ, недостатокъ движенія, рѣдкость свѣжаго мяса и овощей, лихорадочный климатъ, то станетъ понятно, что роты доходили до половины своего состава и даже менѣе. Надобно еще удивляться, что войска при такомъ страшномъ положеніи нигдѣ и никогда не теряли бодрости и нравственныхъ силъ. Дисциплина вездѣ соблюдалась строго, но *побѣги къ горцамъ* были, къ сожалѣнію, не рѣдки» [1]).

И далѣе: «Страшная болѣзненность въ войскахъ поразила меня. Особенно свирѣпствовали перемежающіяся лихорадки, которыя послѣ 2—3 пароксизмовъ, оканчивались нерѣдко спячкой, столбнякомъ или ударомъ. Если же продолжались долго, то обращались въ цингу и оканчивались смертельнымъ кровавымъ поносомъ. Особенно страшно свирѣпствовали болѣзни въ Сухумѣ и Гаграхъ» [2]). Отъ лихорадокъ страдали не только люди, но и животныя; Филипсонъ видалъ даже куръ, ежедневно трясшихся въ лихорадкѣ.

Таковы были климатическія условія, при наличности которыхъ начались затѣмъ первыя попытки заселенія побережья русскими.

Такъ какъ исторія заселенія Геленджика русскими тѣсно связана съ общею исторіею заселенія побережья, то необходимо теперь же сказать о ней нѣсколько подробнѣе, что въ дальнѣйшемъ избавитъ кстати отъ необходимости повторять эту исторію при описаніи нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ побережья.

1) Стр. 129 и 215 «Воспоминаній».

2) Стр. 204—205 «Воспоминаній».

Вопросъ о насажденіи поселеній на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря при Суджукской (нынѣ Новороссійской) и Геленджикской бухтахъ впервые обсуждался въ правительственныхъ сферахъ въ 1832 г. Тогда комитетъ министровъ рѣшилъ «на первый разъ» разрѣшить козакамъ «селиться при Анапѣ, Геленджикѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ будутъ укрѣпленія наши», хотя и «безъ всякихъ особенныхъ вспоможеній отъ казны», но съ освобожденіемъ отъ податей, повинностей и «воинскихъ обязанностей, кромѣ защиты отъ горцевъ».

Но такія льготы были, конечно, совершенно недостаточны для привлеченія поселенцевъ извнѣ, тѣмъ болѣе, что война была въ самомъ разгарѣ, горцы производили постоянные набѣги на побережье и потому селиться тамъ было крайне рискованно. При такихъ условіяхъ заселеніе побережья, пока не изгнаны были горцы, могло быть достигнуто единственно путемъ принудительнаго поселенія и при томъ такихъ людей, которые способны бы были отражать постоянные набѣги враговъ. Къ этому и пришлось дѣйствительно прибѣгнуть впослѣдствіи, такъ какъ до изгнанія горцевъ никакія льготы не привлекали въ край вольныхъ заселыциковъ, а между тѣмъ правительство считало необходимымъ возможно скорѣйшее заселеніе побережья. И такими подневольными засельщиками были избраны кубанскіе козаки, отважные потомки лихихъ запорожцевъ. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ только что минувшаго столѣтія произведено было принудительное переселеніе части кубанскихъ козаковъ на побережье съ разселеніемъ ихъ въ 12 заранѣе намѣченныхъ пунктахъ, названныхъ станицами [1]), куда приселены были кромѣ того немного азовскихъ козаковъ и—почему то—матросы и разночинцы г. Николаева. Сначала въ козацкихъ станицахъ былъ сдѣланъ вызовъ охотниковъ, желающихъ переселиться на побережье. Каждому обѣща-

[1]) Геленджикская, Адербійская. Пшадская, Береговая, Вуланская, Джубга, Дефановская, Новомихайловская, Ольгинская, Небугская, Вельяминовская и Георгіевская, населеніе которыхъ и составило такъ наз. Шапсугскій береговой баталіонъ.

лось право на участіе въ общинномъ надѣлѣ въ размѣрѣ тридцати десятинъ на каждую семью и кромѣ того по 10 десятинъ лучшей земли въ полную личную собственность. Но такихъ охотниковъ нашлось мало, да и находились они преимущественно изъ неимѣвшихъ своего хозяйства голыхъ бѣдняковъ, или лѣнтяевъ, лодырей, непосѣдовъ, не дороживших ничѣмъ на родинѣ. Тогда пришлось приступить къ принудительному выселенію, и начальство велѣло бросать жребій,—кому идти, кому оставаться. Жеребьевые имѣли право только на 30 дес. надѣла, но 10 дес. въ собственность уже не получали. Жеребьевымъ позволялось нанимать за себя охотниковъ, которыхъ оказалось еще меньше и тоже только изъ среды голыхъ бѣдняковъ или «разныхъ лодырей, которымъ гдѣ бы ни жить, лишь бы деньги получить за наемку». Азовскіе козаки, матросы и разночинцы изъ Новороссійска получили право на такой же 30-десятинный надѣлъ, какъ и принудительно-выселенные кубанцы [1]).

Когда набрали намѣченный комплектъ козацкихъ семей, сдѣлано было распоряженіе о срокахъ отправленія въ путь партіи.

— Мы йшлы зъ усіею худобою—разсказывали мнѣ геленджикцы изъ бывшихъ кубанцевъ:—тильки залышылы на якій-сь часъ дома скотыну, а потимъ вже зновъ ходылы за ею. Тильки це все пишло на-дарма, бо тутъ уся скотына до одниссенькои пропала,—мабуть видъ якои-сь попести, черезъ трупы.

— Отъ какихъ же труповъ?

— Звычайно видъ якыхъ,—видъ черкеса. Тоди жъ це часъ такый бувъ, що ораты доводылось зъ рушныцею за плечыма,—орешъ та й оглядаешся, а рушныцю держы напоготови. Тилькы трошкы закгавывся,—тутъ тоби й гакъ! такъ не сповидавшысь и

---

1) Нечего, конечно, и говорить, что матросы и въ особенности разночинцы оказались людьми наименѣе приспособленными къ новымъ условіямъ жизни; не умѣли ни пахать, ни косить и никогда еще не живали внѣ города.

згынешъ, якъ собака... А якъ пійдешъ у лисъ по дрова, або деревыну зрубаты на хату,—зновъ такы беры зъ собою рушныцю; колы жъ куды дали видъ дому треба одлучытыся, то самотою не йды, а хиба въ гурти, бо небезпешно! Ну, а якъ тилькы заглedивъ ёго, то вже кгавъ не ловы: хто першый поспишывся, той и панъ, а хто запизнывся—пропавъ, бо черкесъ народъ бидовый, сказано—еройскій народъ!

— Опасный?

— А то жъ! кажу—самый еройскій народъ! Тай меткый же!.. И середъ насъ булы не абы-яки, бо и мы жъ таки козакы,—ну, а супроты черкеса куды тоби! Бидовый народъ! Такъ тоби прямисенько на смерть и лизе!.. Тай то треба сказать—на одчай ишовъ, бо свою ридну землю, свое ридне гниздечко оборонявъ. Якъ що по правди говорыты, то ёго тутъ правда була, а не наша,—бо це жъ не наши кубаньськи степы, де вся земля була зъ дида-прадида наша.

— Ну, а вы съ ними какъ?

— А то жъ якъ? Такъ само и мы! Усякому своеи головы жалко: встыгнешъ ранійше застрелыты ёго—то й панъ; до завтрёго, значытся, ще жывый будешъ, якъ що сёгодни жъ таки не наскочышъ на другого... Бидовый народъ!

— Родину свою, значитъ, они крѣпко защищали?

— Авже жъ! Таки вже воны! Кохалысь воны дуже въ своій земли,—не хтилы дурно виддаваты. Тай то сказать: отъ же и мы зъ ридныхъ вильныхъ степивъ своихъ зирвани булы началствомъ, а тамъ то жъ земля—не ци нетри,—то намъ бы за ридною стороною ще бильше треба побыватысь,—патетически восклицаетъ разсказчикъ.—А винъ отъ за ци косогоры та оврагы стильки годъ боровся,—выдыма ричъ, що дуже кохався въ цихъ нетряхъ.

— Скилькы вже годъ оттутъ жыву,—замѣчаетъ другой изъ старыхъ козаковъ,—а все, правду кажучы, дывуюсь, якъ воны вмилы на цій земли такъ гарно хазяинуваты... Мы тутъ давно жывемо, а все гараздъ прыладнатыся не можемо.

— Какъ же все-таки, я не понимаю, коровы отъ труповъ заражались?—недоумѣвалъ я.

— Бо багато трупу скризь валялось; якъ що мы знаходылы де свого, забытого имы, то, звычайно, заразъ же до станыци неслы тай ховалы якъ слидъ, по-христіянськи. а ёго хиба бъ мы сталы таскаты! сказано—нехрысть,—ну, то й лежы соби, поки згныешъ! Черезъ це багато трупу и зоставалось на поли, а скотына видъ цёго, якъ пасется на поли, то й слабуе и здыхае. Тай дохлои скотыны тежъ нихто не закопувавъ, бо й не доглядышъ, та й не до того намъ було! Оттакъ воно одно до одного, тай скоилось лыхо! [1])

Кромѣ того геленджикскій житель, козакъ Пименъ Алексѣевичъ Пономаренко разсказывалъ мнѣ подробно и о самомъ переселеніи изъ родныхъ станицъ въ Черноморье.

— Мы йшлы партіямы. Такъ ось же сталось таке, що въ станыци Абинскій, мало не напивъ-дорогы до моря, першіи партіи несподивано булы затрымани, бо дорога на Чорноморію не була ще вся выкинчена, черезъ що и не можно було пройты туды. Довгенько таки простоялы ци першіи партіи,—мабуть такъ недиль зъ дви, або й уси тры; черезъ це выхарчувалы все чисто, що зъ собою понабиралы. А вже що попостраждалы дорогою, то й сказаты не можно: тутъ тоби грязюка страшенна, ніякои дорогы нема,—а до того ще й ци горы проклятущи, та недостача харчивъ; зновъ же жъ таки и черкесы давалыся въ знакы... Оселю жъ прыйшлося выбираты, не бачучы іи та ничого не видаючы, яки таки мисця достанутся намъ. Де-якимъ партіямъ ще въ Абыни, колы робылы тамъ передышку, сказалы назвыська станыць та й спыталы, хто куды хоче подаватысь,—выбирайте—значыть—по своій воли! Ну, а якъ ёго выберешъ, колы для тебе однаковисенько, чы Геленджикская станыця, чы Адерба, чы Джубга! Сказано—выбиралы тилькы навдачу: яке назвысько кому вподобалось,—туды той и подававсь.

— Тай справди, що все йидно було, куды йты,—добавляли мнѣ разсказчики:—всимъ досталыся однаковисеньки нетри, и хто

1) На самомъ дѣлѣ скотъ, повидимому, падалъ не отъ этого, а благодаря рѣзкой перемѣнѣ въ условіяхъ жизни и пищи.

тилькы прыбувавъ на свои нови миста, то ажъ за голову брався,— чысто за якыйсь грихъ покаравъ Господь Богъ!

«Поселенцы—говоритъ по этому поводу изслѣдователь Черноморья И. Н. Клингенъ [1])—выбирались не по свободной волѣ, а по жребію; они съ тоской взирали на окружающія ихъ горы и только и мечтали воротиться домой. Хозяйство у нихъ положительно не шло, они сильно страдали отъ лихорадки, и смертность между ними была очень значительна. Взятый ими изъ своихъ низовыхъ станицъ черноморскій скотъ тоже не выдерживалъ мѣстнаго климата, а хлѣба, посѣянные по низинамъ подъ плугъ, на большую глубину, родили жалко и невѣрно»...

Недаромъ же простой и неграмотный, но почтенный геленджикскій козакъ Пименъ Алексѣевичъ Пономаренко, знавшій, что я собираю свѣдѣнія о прошломъ Геленджика для печати, кончилъ послѣдній разсказъ о быломъ крайне неожиданною для меня просьбой не забыть напечатать «какъ мы страдали»! [2])

— Оце жъ я вамъ розсказавъ усе, шо мигъ прыгадаты про те, якъ воно було. Теперечкы вже можете опысаты усе безъ помылкы, бо кажу жъ вамъ—такъ воно все було, усе—самисинька правда; хиба може де-що позабувавъ, бо старый вже ставъ,—то то вже не мій грихъ. Пышить же тепереньки про все, якъ тамъ вже сами знаете... Про одно тилькы прохаю: не забудьте, мій голубе, напышить про те, якъ мы страждалы, та якъ намъ тяжко було и въ дорози, та й тутъ; нехай уси люде знають про наши страждання!

Вскорѣ же по прибытіи на мѣсто, новоселы стали слезно просить о возвращеніи на родину, но получили отказъ. Три года сряду они получали пособіе отъ казны: ежемѣсячно паекъ по 1 п.

---

[1]) Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ, стр. 70; изданіе деп. землед.

[2]) Чтобы читатель повѣрилъ полной искренности этой просьбы, приведу слова того же И. Н. Клингена (Основы хоз. въ Сочинск. окр., стр. 88): „страданія этихъ несчастныхъ въ первые годы послѣ переселенія неисчислимы“...

32 ф. муки на взрослую мужскую душу, а до 7-лѣтняго возраста полупаекъ; кромѣ того говядину, капусту, цибулю, хрѣнъ, водку и деньги на покупку соли [1]).

— Бувало й таке, що дурно прысылалы намъ цили гурты, колы наша скотына чы дохла, чы черкесы забиралы... Скилькы разъ такъ бувало, що мы наздоганялы черкесивъ та скотъ свій назадъ одбиралы... Та все жъ такы теперъ, якъ згадаешъ про мынуле, колы вже все видъ сердця одлягло,—то треба сказать правду, що начальство дуже таки тоди пиклувалось про насъ... Ничого путнёго зъ цёго не выходыло, бо наши не дуже то розумилы, що діется, тай виры мало давалы. Отъ хочъ бы сказать про худобу,—безъ грошей іи давалы, а у насъ було такъ: хто не боявся, той бравъ іи, а найбильшъ було, що не хотилы іи браты, бо все боялыся, що потимъ за неи видвертать гроши будуть...

А якъ прыходылось, що люде одъ пропасныци мерлы, та одъ водянкы,—то ликаривъ та хвершаливъ прысылалы до насъ; хвершалъ що-дня було обйиздыть уси хаты... Пыльно дывылыся за цимъ... Тилькы не помогалось!..—

— Це вже такъ, що пиклувалысь про насъ дуже,—добавилъ другой.—Оце жъ и пшеныцю дурно выдавалы на насиння,—абы сіялы тилькы... Такъ щожъ,—никому й сіяты не хотилось: коженъ тилькы про те й гадавъ, якъ бы зовсимъ утикты.

— И уходили?

— Та тилькы одъ насъ, зъ Зеленчука, мало не половына повтикала; а зъ Адербіевки 23 симьи зъ 28 втикло, бо тамъ дуже вже важко жылось: земля зовсимъ плоха, навкругы самисинькы

[1]) Любопытно, что выдача этого пайка, служившаго для новоселовъ серіозной поддержкою въ первое время, приведя ихъ къ убѣжденію въ обязательности его выдачи въ теченіе всей ихъ жизни въ этой странѣ («если выселили насильно, то обязаны и кормить»), вселила мысль о томъ, что этотъ даровой казенный прокормъ освобождаетъ отъ всякой обязанности работать («если казна насъ обязана содержать, то зачѣмъ и работать!») и повела впослѣдствіи къ неудовольствію на «отнявшее паекъ начальство».

горы,—нема тоби никуды ходу. У насъ то хочъ море йесть, а тамъ то й того бигъ-ма.—

Меня очень интересовалъ вопросъ, вѣрны ли весьма распространенные разсказы о томъ, будто-бы засельщики, чтобы доказать начальству непригодность здѣшнихъ мѣстъ для сельскохозяйственной культуры, передъ посѣвомъ варили выдаваемыя имъ сѣмена и уже варенными засѣвали землю. Я нарочно спросилъ объ этомъ Пимена Алексѣевича, разсказы котораго дышали такою неподкупною искренностью.

Онъ улыбнулся какою то неопредѣленною, какъ-будто конфузливою улыбою.

— Та чувавъ и я про це... Багато про це й теперъ балачкы усякои ходыть... Та тилькы самъ я цёго не робывъ, та не бачывъ, щобъ и други робылы; а чого самъ не бачывъ, про те й казаты не буду... А такъ мени здается, що це все выгадкы,—поговиръ тилькы на нашого брата...

Принудительное переселеніе это (1864—1865 г.) не было единственною мѣрой по заселенію Побережья. Вслѣдъ за нимъ—именно 10 марта 1866 г. изданъ былъ законъ «о заселеніи Черноморскаго округа и управленіи онымъ», по которому пространство между р. р. Бзыбью и Туапсе отъ морского берега и до вершинъ главнаго кавказскаго хребта предназначено было для «сельскихъ прибережныхъ поселеній» [1]). Допуская свободный доступъ лицамъ всѣхъ сословій и національностей для поселенія на Побережьѣ, законъ этотъ предоставлялъ засельщикамъ разнообразныя льготы, каковы—освобожденіе на 15 лѣтъ отъ платежа податей, рекрутской повинности, воинскаго постоя, гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинъ, предоставленіе права безпошлиннаго и безпатентнаго производства торговли, промысловъ и рыбной ловли

---

[1]) Изъ этого видно, что законъ 1866 г. собственно на Геленджикъ съ его ближайшими окрестностями не распространялся; но съ 1870 г. на жителей этого района, при перечисленіи козаковъ въ крестьяне, распространено положеніе кавказскаго комитета 6 іюня 1867 г. для государственныхъ крестьянъ ставропольской губ.

въ морѣ. Переселенцы изъ крестьянъ получали сверхъ того денежныя пособія на обзаведеніе хозяйствомъ,—впрочемъ только до 50 р. на семью, что было очень недостаточно при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, съ которыми приходилось считаться каждому засельщику и при той дороговизнѣ труда и рабочихъ рукъ, которая въ то время существовала на побережьѣ, благодаря отсутствію путей сообщенія и крайне рѣдкому (и еще тоже неустроившемуся) населенію. Въ силу названнаго закона, новопоселенцы должны были «безотлагательно» надѣляться «осмотрѣнною и избранною, ими предварительно приписки» землею. Какъ и принудительно выселеннымъ на Черноморье кубанцамъ, надѣлы эти полагалось отводить въ размѣрѣ не свыше 30 дес. удобной земли на каждую поселявшуюся семью по возможности на общинномъ правѣ, а гдѣ этого было нельзя по мѣстнымъ условіямъ—въ подворное владѣніе. Но никакого отвода надѣловъ «въ натурѣ» не было,—начальство ограничивалось только припиской засельщика по его желанію къ той или иной общинѣ и указаніемъ ему его права на 30-десятинный надѣлъ на его землю. А уже онъ самъ, придя на мѣсто, въ свою новую общину, долженъ былъ добывать себѣ это право, сводившееся фактически къ обязанности самому потрудиться надъ разработкою подъ культуру «впустѣ лежащей», заросшей лѣсомъ земли, самому же отыскавъ таковую въ удобныхъ для культуры мѣстахъ, еще не занятыхъ общинниками, поселившимися до него.

Такъ какъ нѣкоторыя станицы находились сравнительно близко другъ отъ друга, то при пользованіи землями могли впослѣдствіи войти изъ-за нихъ въ столкновеніе—нужно было вообще установить районъ пользованія каждой станицы, въ предѣлахъ котораго каждый имѣлъ право на соотвѣтственный надѣлъ удобной земли. Межеванія въ то время не было, а обошлось дѣло, по разсказамъ, приблизительно такъ:

— Полковныкъ Росковській зибравъ насъ тай каже: «ребьяте, оце-жъ вы зъ сусиднихъ станыць, нывы ваши сумижни,—то щобъ потимъ не було суперечокъ, покажить по згоди, до якого миста хочете взять земли для кожнои станыци: одній нехай буде

по той яръ, другій—по ту ричку. Якъ що може де-яки не згодни на це, то побалакайте мижъ собою,—може сусиды поступлятся зъ своимы межамы; тилькы вы не дуже вже роскыдайтесь, бо все одно земли на всихъ выстачыть. Такъ ось-же и зробить згоду, кому по яку межу браты землю». Такъ и прыйшлы до згоды; а потимъ вже, далеко пизнійшъ, прыйихалы землемиры, поличылы, скильки въ якій станыци душъ, та такъ на око ци горы намъ и одмирялы; поставылы грянови стовпы, въ грянови межи поклалы угля, а яка земля залышылася, ту въ казну запысалы. Та це й не одынъ разъ було: потимъ ще килька разъ найиздыла межова комиссія, зновъ щось перемиряла и мало не що-разу щось у казну одпысувала. Въ кожній станыци земли булы не подилени мижъ семействамы, то ото кожный и почавъ выбираты для себе, де краща земля, щобъ заразъ-же іи выораты и засіяты: усякому хотилось захопыты нызыны, де ривнійше та де лисъ меньшый, тилькы-жъ, звычайно, не усякому такъ прыпадало, бо найкращіи миста коло моря заразомъ одмиряни булы «охотныкамъ», по 10 десятынъ на симью, то вже другымъ такои земли и не выстачыло: довелось иншому довгенько шукаты соби пидходящои земли, та вже самому іи розробляты.

Такъ какъ готовыхъ разработанныхъ земель почти не оказалось—все разработанное когда то горцами успѣло во время войны уже обратиться въ дикое состояніе, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ прибрежныхъ сѣнокосныхъ долинъ, и то порядочно позаросшихъ,—то каждому общиннику приходилось начинать съ начала. Каждый засельщикъ могъ получить только то, что разрабатывалъ собственными руками.

Въ большинствѣ новопоселенныхъ общинъ, напр. въ Геленджикѣ и его окрстностяхъ, засельщики рѣшили, что каждый долженъ самъ выискивать и разрабатывать пригодныя въ предѣлахъ границъ отведеннаго «юрта» (надѣла всей общины) земли, «гдѣ что кому понравится». Въ нѣкоторыхъ же изъ окрестныхъ общинъ, напр., въ Береговой, Пшадѣ, Архипоосиповкѣ первые засельщики подѣлили свой неразработанный юртъ сплошными участками по числу пришедшихъ семей приблизительно поровну. При та-

комъ дѣлежѣ всей неразработанной земли гуртомъ, каждой семьѣ пришлось, конечно, даже болѣе установленной закономъ нормы 30 дес. на семью, и вскорѣ это привело къ недоразумѣніямъ съ новоприселяемыми къ общинамъ. Начальство знало, что по разсчету числа десятинъ къ юрту можно еще причислять новыя семьи, а между тѣмъ новоселы встрѣчали со стороны старожиловъ отказъ въ разрѣшеніи разрабатывать земли въ юртѣ.

— У насъ вже все чысто подилено: це мое, а оце—ёго, а оце—другого сусиды; а про чужыхъ у насъ нема вже земли. Иды соби кудысь у други станыци, отъ хочъ-бы въ Зеленчукъ; тамъ ще не дилылысь, тай земли багато.—

Но оффиціально причисленный уже къ Береговой, напр., или къ Пшадѣ не имѣлъ правъ на земли геленджикскаго юрта и тамъ его не пускали, а отсюда гнали; приходилось жаловаться начальству или просить о перечисленіи въ другую общину. Хлопоты эти, особенно при почти полномъ отсутствіи дорогъ, обыкновенно тянулись подолгу, такъ что новоселъ проѣдалъ послѣднее и иногда, потерявъ всякую надежду, уходилъ съ Кавказа навсегда.

Наоборотъ, въ Галенджикѣ, сосѣдней Адербіевкѣ и нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ общинахъ, гдѣ юрты были обширные и предварительнаго раздѣленія ихъ между общинниками первозасельщики не сдѣлали, пріисканіе и разработка годныхъ къ культурѣ земель дѣлались каждымъ свободно.

Общинамъ въ первое время довольно трудно было добиться какого-нибудь ладу между своими сочленами по части установленія порядка пользованія землею, потому что составъ общинниковъ былъ крайне разношерстный. Хотя почти половину его составляли кубанскіе козаки [1]), но и они были изъ разныхъ станицъ и потому до пріѣзда на мѣсто мало знали или даже и совсѣмъ не знали другъ друга. А кромѣ кубанцевъ, какъ уже было

---

[1]) Хатисовъ и Ротиньянцъ: Обзоръ мѣстности с. в. берега Черн. моря между Новороссійскомъ и постомъ Вельяиминовскимъ на р. Туапсе»—Записки Кавк. О. С. Х. 1867 г. № 3—4.

сказано выше, въ составъ общинъ входили еще матросы, азовцы, разночинцы изъ Николаева—исконные горожане, наконецъ вольнопоселенцы (по законамъ 1866 г. и 1867 г.), изъ разныхъ губерній, число которыхъ постепенно увеличивалось. Этою разношерстностью состава общинниковъ уже заранѣе предопредѣлялось—по крайней мѣрѣ на первое, а слѣдовательно и на самое важное время—отсутствіе солидарности и единства среди членовъ новосозданныхъ общинъ, которымъ предстояло между тѣмъ бороться съ крайне тяжелыми условіями въ совершенно имъ незнакомой и даже враждебной странѣ.

Но главная бѣда была въ томъ, что одновременно надо было и строиться и спѣшно разрабатывать землю и отбиваться отъ горцевъ и приспособляться къ новымъ условіямъ. Условія же эти были совершенно незнакомы засельщикамъ, не имѣвшимъ понятія о тѣхъ культурахъ, которыя только и могли имѣть успѣхъ въ заселяемой ими странѣ, о тѣхъ орудіяхъ, пріемахъ и способахъ хозяйства, которые только и примѣнимы были при данныхъ условіяхъ. Ничего этого не зная, они поступали во всемъ такъ, какъ привыкли вести хозяйство въ степяхъ Прикубанья и въ равнинной черноземной Россіи. Неумѣлая разработка неумѣло подысканныхъ для разработки участковъ велась единичными силами отдѣльныхъ засельщиковъ поневолѣ, конечно, очень медленно и эта медленность усугублялась еще быстрымъ заростаніемъ медленно разрабатываемыхъ пространствъ лѣсомъ и сорными травами. Между тѣмъ до перваго достаточнаго на годовое прокормленіе урожая нужно было чѣмъ нибудь жить; заработковъ же не было, а припасы были дороги.

Ровной знакомой степи, гдѣ каждое мѣсто, кромѣ развѣ солончаковъ или голыхъ песковъ, годно подъ пахоту, не было, конечно, и въ поминѣ. А были горы, гдѣ удобные для культуры участки нужно было искать среди овраговъ и по косогорамъ, по уступамъ горъ, заросшимъ вѣковымъ лѣсомъ, и по непривычной для глазъ крутизнѣ своей казавшимся недоступными для какой бы то ни было разработки. И были сырыя, малярійныя низины въ ущельяхъ горъ, да прибрежная, тоже малярійная, мѣстами

сильно заболоченная, но за то привлекавшая взоръ богатою растительностью прибрежная полоса между горами и моремъ,—та самая «степь», на которой съ радостью отдыхалъ взоръ исконныхъ степняковъ и гдѣ они спѣшили устраивать себѣ поселки, даже и не догадываясь о предстоящей гибели отъ маляріи. Не соображаясь съ тѣмъ, что при недостаткѣ пригодныхъ къ культурѣ земель подъ постройки слѣдуетъ занимать здѣсь (какъ это дѣлалось горцами) мѣста негодныя для культуры и селиться по возможности вблизи разбросанныхъ по горамъ и ущельямъ культурныхъ клочковъ, чтобы быть къ нимъ возможно ближе и не тратить массу времени на лишніе дальніе переѣзды, засельщики, напротивъ, спѣшили селиться въ равнинахъ. Такимъ образомъ подъ обширные поселки съ огородами, телятниками и приусадебными выгонами они занимали лучшія прибрежныя земли, почти уже готовыя къ культурѣ безъ всякихъ разработокъ (отличные естественные покосы и т. п.), лишая себя этимъ возможности утилизировать эти сравнительно большія площади ровныхъ мѣстъ подъ посѣвы и луга. Это поневолѣ вынуждало ихъ къ усиленной разработкѣ мало-мальски удобныхъ мѣстъ подъ культуру въ горахъ, гдѣ и разработка и доступъ къ удобнымъ мѣстамъ были гораздо труднѣе и всѣ эти разработки оказывались обыкновенно очень удаленными отъ поселка.

Не зная мѣстныхъ условій, не зная, какъ надо вести здѣсь хозяйство, засельщики могли вести его только такъ, какъ вели у себя на родинѣ. Легкія почвы, требующія слабаго взрыхленія, они пахали тяжелыми плугами; тамъ, гдѣ нужна была для вспашки лошадь или даже ручная обработка, нѣкоторые, по старому обычаю, пробовали утилизировать воловъ. Отъ глубокой задѣлки сѣмянъ поля, благодаря изобилію дождей, заболачивались, сѣмена вымокали и урожай пропадалъ. На землѣ, пригодной только для винограда или для табака, засельщики сѣяли хлѣбъ; сады устраивали на открытыхъ мѣстахъ, внѣ защиты отъ губительнаго нордъ-оста и на почвѣ болѣе пригодной для какихъ-либо иныхъ культуръ. Вырубая лѣса для сбыта ради полученія хоть какого-нибудь заработка, они рубили ихъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, гдѣ

они защищали посадки или отъ нордъ-оста или отъ вѣтровъ съ моря и пр. и проч. Словомъ, дѣлали почти все какъ разъ не такъ, какъ было нужно: наперекоръ природѣ и наоборотъ тому, какъ поступали горцы. Хозяйство не шло, новоселы «проѣдались», разорялись и, убѣждаясь въ невозможности вести хозяйство въ этой «трущобѣ», приходили въ полное отчаяніе.

Прибавьте къ этому донимавшія засельщиковъ упорныя лихорадки, съ которыми они безсильны были бороться, отъ которыхъ не умѣли оберегаться, да и не могли уберечься уже потому, что устроили поселки на малярійныхъ низинахъ. Малярія съ перваго же дня поселенія выхватывала жертву за жертвою, лишая людей возможности работать и унося иногда въ могилу цѣлыя семьи. Даже въ Галенджикѣ, извѣстномъ теперь отсутствіемъ маляріи, тогда при большемъ количествѣ мѣстной растительности, неразработанности окрестныхъ земель и чрезмѣрной заболоченности не осушенныхъ еще окрестностей, малярія тоже похищала не мало жертвъ.

Законъ 1866 г. имѣлъ то несомнѣнное преимущество передъ послѣдующими законами о заселеніи Побережья, что предоставлялъ переселенцамъ право свободнаго выбора мѣстъ для поселенія, по ихъ собственному усмотрѣнію. Но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ это право не дало ожидаемыхъ результатовъ какъ вслѣдствіе того, что переселенцы не могли оріентироваться въ совершенно чуждыхъ имъ условіяхъ, такъ и потому, что имъ негдѣ и не отъ кого было получить въ этомъ отношеніи какихъ бы то ни было указаній или совѣтовъ. Пришедшіе до нихъ знали столько же, или почти столько же, сколько и они; мѣстное начальство состоявшее изъ людей также пришлыхъ со стороны также не знало мѣстныхъ условій. Кромѣ того для разоренной и заброшенной страны пришлыми чуждыми ей людьми недостаточно было издать только законъ, дозволяющій поселеніе въ ней съ правомъ имѣть столько то земли и съ правомъ получить пособіе всего лишь до 50 р. на семью,—надо было принять хотя какія-нибудь предварительныя мѣры къ облегченію положенія засельщиковъ на первыхъ порахъ. Нѣкоторыя предвари-

тельныя мѣры по оздоровленію мѣстности, напр., дренированіе, возможное въ большинствѣ мѣстностей при значительномъ склонѣ къ морю, могли бы, напр., быть приняты уже передъ поселеніемъ козаковъ и первыхъ вольныхъ засельщиковъ [1]). Но ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не было сдѣлано и засельщики осѣдали прямо на малярійные участки. Говоря словами доктора Пантюхова, «главнымъ вопросомъ» для засельщиковъ являлось прежде всего «побороть малярію», но независимо отъ незнанія причинъ ея происхожденія и мѣръ борьбы съ нею, если иногда въ отдѣльныхъ случаяхъ это могли сдѣлать такія объединенныя общины, какъ напр., сектанты ленкоранскаго уѣзда, то это почти невозможно было для «составленныхъ изъ разнообразныхъ элементовъ общинъ православнымъ». Засельщики не были даже предупреждены о вредѣ такого поселенія въ заболоченныхъ мѣстностяхъ. Они работали на низинахъ (вопреки обычаю горцевъ) во всякое время дня и года, спали на землѣ, пили какую попало воду—и малярія дѣлала свое дѣло.

Удивительно ли послѣ всего этого, что отливъ переселенцевъ съ побережья начался вскорѣ же послѣ прихода туда первыхъ вольныхъ засельщиковъ его, привлеченныхъ на побережье слухами о вольныхъ земляхъ и богатой природѣ?! Разоренные и убитые горемъ вольные засельщики стали уходить кто домой, кто на заработки, кто по паспортамъ на Кубань или прямо «въ безвѣстную отлучку», а одновременно съ ними пошли на утекъ и кубанцы, находившіеся въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, за исключеніемъ только полученія пайка въ первые три года и отсутствія формальнаго права на обратное переселеніе на родину.

---

[1]) «Береговая полоса, говоритъ д-ръ П. И. Пантюховъ въ брошюрѣ своей: «Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа», (изд. ред. газ. «Кавказъ», Тифлисъ, 1899 г.), какъ имѣющая (обыкновенно) значительный склонъ къ морю, можетъ быть оздоровлена дренированіемъ гдѣ надо, почвы, обезпеченіемъ населенія здоровою водою, насажденіемъ хорошо растущихъ здѣсь эвкалиптовыхъ рощъ, уничтоженіемъ папоротниковъ и вообще правильною интенсивною культурою».

«Несмотря на всевозможныя субсидіи и заботы правительства (о заселеніи края), поселенцы—говоритъ В. Я. Бабилашвили [1])—при первой возможности уходили»... «Поселенцы разбѣгались или вымирали отъ лихорадки»...

Разорѣніе пришло къ козакамъ еще въ періодъ полученія ими казеннаго пайка. Гг. Хатисовъ и Ротиньянцъ [2]), посѣтившіе побережье еще въ этотъ первый періодъ ихъ поселенія, нашли козацкія станицы въ крайне печальномъ положеніи. Слѣдующій изслѣдователь побережья Я. К. Васильевъ [3]), изучавшій положеніе сельскохозяйственной промышленности въ краѣ чрезъ 14 лѣтъ послѣ изданія закона 10 марта 1866 г. нашелъ, что и вольные засельщики побережья и козаки не только не оказали благотворнаго вліянія на развитіе въ немъ сельскозяйственной производительности, но скорѣе вносятъ вліяніе отрицательное, такъ какъ расчищенные въ былое время горцами плодороднѣйшіе участки на ихъ нынѣшнихъ надѣлахъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе зарастаютъ лѣсомъ, а почва полевыхъ земель все болѣе истощается постоянной обработкой безъ отдыха и удобренія. «Только небольшая часть этого населенія примѣняетъ, по его наблюденію, трудъ къ извлеченію на мѣстѣ продуктовъ потребленія, остальная же работаетъ на хлѣбородныхъ земляхъ Кубанской области»...

Этотъ уходъ изъ Побережья его засельщиковъ еще болѣе увеличился съ опубликованіемъ закона 1870 г. о расформированіи Шапсугскаго берегового баталіона съ обращеніемъ козаковъ въ крестьянъ, которымъ, однако, предоставлялось этимъ закономъ право на 20-десятинный надѣлъ на каждую мужскую душу, вмѣсто прежняго 30-десятиннаго на цѣлую семью. По этому поводу надо замѣтить теперь же, что къ 1870 г. для засельщиковъ вполнѣ

---

[1]) Труды виногр. съѣзда 1899 г. въ Новороссійскѣ.

[2]) См. уже цитированный выше трудъ ихъ въ Зап. Кавк. О. С. Х. 1867 г. № 3 и 4.

[3]) «Очеркъ развитія с. хоз. въ Черном.-округѣ». Зап. Кавк. О. С. Х. 1879 г., вып. 2-й.

уже выяснился фактическій недостатокъ въ ихъ «юртахъ» земель удобныхъ для обращенія подъ культуру.

Горькій опытъ выяснилъ уже имъ къ этому времени, что даже и разработка всего того, что было бы сколько-нибудь годно подъ тѣ или другія знакомыя и доступныя имъ культуры, не можетъ дать того количества культурныхъ земель, на которое они имѣютъ право по закону 1866 г., т. е. 30 дес. на семью,—не говоря уже о 20 дес. на душу по закону 1870 года! «Начальство» же, не зная этого и желая утѣшить козаковъ за переводъ ихъ изъ козачьяго сословія въ мужики, обѣщало имъ право на эту новую значительно увеличенную, но для нихъ завѣдомо фиктивную норму надѣла. На сколько далеко была она отъ дѣйствительности, можно судить по тому, что напр., въ Геленджикской общинѣ [1]) при 153 «дымахъ» [2]) фактически имѣлось къ 1899 году только 600 дес. разработанной земли, т. е. въ среднемъ только по 3 дес. на дворъ или менѣе чѣмъ по $1^1/_2$ дес. на мужскую душу, вмѣсто нормированныхъ 30 и 20 десятинъ!—Недоразумѣніе, выражаясь языкомъ Глѣба Успенскаго, вышло въ полномъ смыслѣ «взаимообразное»...

«Прошлое козачества—писалъ по этому поводу г. Новомарьинскій [3])—еще слишкомъ въ памяти у всѣхъ козаковъ, чтобы они рѣшились изъ воиновъ—джигитовъ и рыцарей обратиться въ «мужика» или солдата: и то и другое слово у козаковъ употребляется, какъ бранное; а козачки и слышать не хотятъ, чтобы онѣ когда-либо были обращены въ «мужичѐкъ». Перенести, ради необходимости, ради, можетъ быть, тѣхъ же военныхъ цѣлей, переселеніе съ родины въ причерноморскія горы, они еще могли; если это было и тяжело, то по крайней мѣрѣ не позорно и не обидно... Но стать «на мужичье положеніе»—это иное дѣло!...

Разсказывавшіе мнѣ о своемъ прошломъ козаки изобразили мнѣ очень образно, какъ еще до изданія закона о расформиро-

---

1) По даннымъ «справочной книги черн. губ. за 1899 г.».

2) Платежныхъ дворахъ.

3) «Живописная Россія», т. IX, стр. 156.

ваніи пріѣзжалъ къ нимъ намѣстникъ, собралъ всю станицу и сообщилъ, что въ виду прекращенія войны и для облегченія станичниковъ отъ службы предполагается оказать имъ «милость»: «переводъ на крестьянское положеніе» съ дарованіемъ надѣла по 20 дес. на душу.

— Ни, не згодни мы на це!—загомонилы вси гуртомъ.— А вы помиркуйте, говорыть винъ, бо не можно жъ такъ видразу... А самъ дывытся на насъ та такъ неначе всмихается; а вси генералы та охвыцеры навкругы его стоять, та вси тилькы дывлятся на насъ, а де-яки зъ ихъ пидходять нышкомъ до насъ тай кажуть: «дякуйте швыдче за ласку, дурни вы»! Отъ мы пишлы, потолкувалысь мижъ собою, та вси крычымо: «не згодни мы йты въ мужыкы»! Довгенько такъ балакалы мижъ собою, а дали вернулысь назадъ тай говорымо: «Ни не хочемо мы такои ласкы, щобъ мужыкамы статы»!—Не, хочете?—пытае винъ, а самъ зновъ наче усмихается.—Ни, не хочемо! нема на це нашои згоды!— А винъ зновъ такы каже: «пидить вы та *гарненько* помиркуйте, та тоди вже мени и скажете, бо--говорыть—памьятайте, що якъ вы навить вси гуртомъ не дасте свои згоды, то все жъ таки законъ цей буде, и вы таки повернытесь на мужыкивъ, себъ-то ця ласка васъ все йидно не мыне.—Тоди мы зновъ пишлы; порадылысь ще трохы, тай зновъ, повернувшысь назадъ, говорымо: «Ни, не хочемо! не буде на це нашои згоды»!—

Переводъ «на крестьянское положеніе», самъ по себѣ неизбѣжный въ силу прекращенія войны съ горцами, имѣлъ тѣмъ не менѣе въ исторіи и Геленджика и прочихъ станицъ отрицательное значеніе: много козацкихъ семей, недовольныхъ реформой, выселилось отсюда,—одни перечислились обратно въ Кубанскую область, другіе постоянно живутъ тамъ на заработкахъ по паспортамъ. Но уменьшеніе населенія отъ этихъ уходовъ отчасти пополнялось притокомъ новоселовъ извнѣ: приходили переселенцы изъ Евр. Россіи и приселялись къ тѣмъ или инымъ общинамъ. Принимая новосела, община говорила: «иди и ищи годную землю самъ и разрабатывай своими силами сколько можешь».

По закону, новоселъ имѣлъ право на 30 дес. на семью, а старожилъ изъ козаковъ (уже по закону 1870 г.) по 20 дес. на душу. Этимъ, конечно, устанавливалась неуравнительность и неравноправность владѣнія внутри общины[1]). Но такъ какъ община и общинные распорядки продолжали еще существовать, то міръ скоро додумался до благополучнаго выхода изъ этого ненормальнаго положенія, устанавливавшаго неуравнительность правъ владѣнія между членами общины. Сама жизнь указала общинѣ этотъ выходъ. Видя недостатокъ земли, доступный для разработокъ, мѣстныя общины, игнорируя законодательныя нормы, сами стали устанавливать свои нормы, единообразныя для всѣхъ членовъ каждой данной общины и обыкновенно далеко не достигающія размѣровъ нормъ, опредѣленныхъ закономъ.

Въ Геленджикѣ, напр., община постановила, что каждый дымъ, т. е. податной дворъ, будь онъ староселъ или новоселъ—все равно, имѣетъ *право* на 10 дес. разработанной земли въ юртѣ (кромѣ плановой, т. е. усадебной); кто имѣетъ фактически меньше—можетъ разрабатывать до этой нормы; кто имѣлъ больше, у того отобрали излишки въ пользу остальныхъ. Старались разверстать такъ, чтобы при имѣющемся у каждаго количествѣ разработанной земли каждому достать 2 десятины по возможности подъ самой станицей, и чтобы каждому досталася одинаковая съ

---

1) Эта неуравнительность внутри общинъ еще болѣе увеличилась благодаря тому, что, по закону 1870 г., штабъ-офицеры, оберъ-офицеры, нижніе чины изъ козаковъ, ихъ вдовы и дѣти получили изъ общинныхъ земель въ полную потомственную собственность всѣ тѣ усадьбы изъ общаго надѣла (и въ тѣхъ размѣрахъ) какими каждая семья пользовалась въ моментъ изданія закона (а офицерамъ сверхъ того отведено по 200—400 дес. на семью въ полную собственность «порядкомъ указаннымъ въ § 69 положенія 10 мая 1862 г. о заселеніи предгорій западной части кавказскаго хребта»). Этимъ въ сферу общинно-поземельныхъ порядковъ и отношеній введена была не только новая неуравнительность, но и нарушеніе самого принципа общиннаго владѣнія. Этого вопроса объ образованіи личной собственности въ краѣ придется еще коснуться въ послѣдующемъ изложеніи.

другими пропорція и худой и хорошей земли; нѣкоторыя исключенія сдѣлали для тѣхъ у кого были очень тяжелыя раскорчевки— въ вознагражденіе за потраченный на нихъ трудъ имъ оставили побольше земли хорошей.

Такимъ образомъ приходившіе сюда новоселы, вмѣсто полученія воображаемыхъ 30 дес. на семью, которыя при томъ многіе изъ нихъ предполагали найти уже болѣе или менѣе разработанною землею, на первыхъ же порахъ убѣждались въ фиктивности этихъ цыфръ и слишкомъ большой разницѣ ихъ дѣйствительностью. Рядомъ съ этимъ, они, конечно, встрѣчали тѣ же чуждыя имъ условія, которыя такъ неблагопріатно вліяли на бытъ первыхъ засельщиковъ. Правда, съ теченіемъ времени горцы были изгнаны и набѣги ихъ прекратились; благодаря уничтоженію лѣсовъ, распространенію культуры на все большее количество земель, а мѣстами и осушенію отдѣльныхъ участковъ, кое-гдѣ начала ослабѣвать и малярія. Но во всемъ почти остальномъ новоселъ попадалъ въ условія почти однородныя съ тѣми, въ какія попали и первые засельщики страны. Природа, климатъ, мѣстныя условія были ему чужды, а научиться, посовѣтоваться было не съ кѣмъ и не у кого, потому что оставленные на произволъ, безъ указаній людей знающихъ мѣстныя условія и руководимые только собственнымъ умомъ да горькимъ опытомъ большею частію непонятныхъ имъ неудачъ въ собственномъ хозяйствѣ, староселы и понынѣ сравнительно мало чему научились. Въ результатѣ, конечно, опять многочисленные уходы обратно въ Россію послѣ неудачной траты силъ и расходовъ на обзаведеніе хозяйствомъ.

Понятно, что благодаря всему этому экономическій ростъ Геленджика и окрестныхъ селеній двигался оченъ медленными стопами и что «благосостояніе» его мѣстнаго населенія (входящаго въ составъ общины) характеризуется въ настояще время далеко не блестящими статистическими цыфрами.

Всѣхъ домохозяевъ считалось за 1900 годъ 191. У нихъ подъ виноградниками было всего въ юртѣ только 2 дес., а подъ садами 5. Разработки подъ культуру произведены довольно не-

равномѣрно, что обусловливаетъ, конечно, неравномѣрность въ обезпеченности домохозяйствъ культурною землею, при чемъ большинство хозяйствъ далеко еще не успѣло расширить свои разработки до предѣльной нормы 10 дес. на семью. Послѣднихъ только около 3% общаго числа хозяйствъ, тогда какъ совсѣмъ не имѣющихъ своихъ разработокъ, т. е. безземельныхъ, 22%; имѣющихъ до 3 дес. на хозяйство 35%, отъ 3—6 дес.—32%. а отъ 6—9 дес. только 8%, между тѣмъ какъ главное занятіе населенія и составляетъ земледѣліе. Изъ общаго количества хозяйствъ 34% не имѣютъ никакого скота; въ среднемъ на каждые 2 хозяйства приходится менѣе 1 лошади, въ среднемъ на одно хозяйство приходится прочаго скота: 0,8 вола, 0,8 коровы, 0,6 свиньи и 0,8 козы.

Правда, среди Геленджикцевъ нѣтъ особенно бѣдствующихъ (какъ нѣтъ и особенно богатыхъ, кромѣ развѣ единичныхъ семей. отчасти разжившихся торговлей во время проведенія здѣсь «голоднаго» шоссе)[1]). Наилучше живутъ многорабочія семьи; малорабочія и не имѣющія рабочаго скота, вмѣсто воздѣлыванія земли наймомъ, что они считаютъ невыгоднымъ при дороговизнѣ рабочихъ рукъ, сдаютъ свою землю исполу (при своихъ сѣменахъ), занимаясь сами пилкой и рубкой дровъ, поденьщиною, рыболовствомъ, заработками при цементномъ заводѣ. Однолошадники занимаются ломовымъ извозомъ («дрягили»).

Размѣръ всего юрта (надѣла) опредѣляется для Геленджика въ 5400 дес.[2]). Но изъ нихъ ровныхъ, удобныхъ для хлѣбопашества мѣстъ считается только около 2000 дес. (отсюда при 191 хозяйствѣ помянутая 10—десятинная норма разработокъ на каждаго домохозяина), а 2100 дес. тоже подъ сравнительно ровными,

---

[1]) Большимъ подспорьемъ геленджикцамъ является возможность нерасходоваться на уплату податей, которыя покрываются доходами отъ оброчныхъ статей (на 1901 г., напр., по смѣтѣ ожидалось отъ цементнаго завода, сдачи усадебъ подъ дачи, каменоломень, пароходной пристани и пр. свыше 8000 р.).

[2]) По свѣдѣніямъ мѣстнаго сельскаго управленія, а по даннымъ помянутой «Справочной книги»—въ 6470 дес.

но негодными для хлѣбопашества пространствами, поросшими колючимъ «держи-деревомъ» на почвѣ изъ известково-глинистыхъ сланцевъ и песчанниковъ. Дровяной лѣсъ находится только въ горахъ и по оврагамъ на разстояніи 9 верстъ отъ Геленджика. Въ юртѣ замѣчается крайнѣ неудобный для скотоводства недостатокъ воды, горные ручьи послѣ дождливаго времени года быстро пересыхаютъ и водопоевъ для скота почти нѣтъ, такъ какъ р. Адерба протекаетъ преимущественно среди частновладѣльческихъ (бывшихъ потомственныхъ 10-десятинныхъ) участковъ. Сѣнокосныхъ участковъ мало, вслѣдствіе чего приходится косить траву около полей, на прогалинкахъ между кустами. Вслѣдствіе недостатка сѣна, скотъ круглый почти годъ пасется на подножномъ корму, а въ случаѣ нерѣдкаго недостатка его подкармливается преимущественно соломою. Вслѣдствіе этихъ причинъ мѣстное скотоводство не увеличивается, а повидимому сокращается.

Л. С. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Грыцько Грыгоренко.

Первые восемь разсказовъ Грыцька Грыгоренка появились въ 1898 г. въ трехъ отдѣльныхъ выпускахъ и одновременно въ одномъ томѣ подъ общимъ заглавіемъ «Наши люде на сели». Послѣ этого литературная дѣятельность г. Грыгоренка нѣсколько ослабѣваетъ количественно, такъ-что съ того времени вышло всего пять новыхъ его разсказовъ: «Не такъ, якъ люде» (Літер.-Наук. Вістн. 1899 г. ч. 8), «Переселыци» (Кіевск. Старина 1900 г. № 11), «Такъ краще» (Літ.-Наук. Віст. 1901 г. ч. 2), «Чомъ чомъ чорнобровъ, чомъ до мене не прыйшовъ» (Сборникъ на памьять Кониського 1902 г.) и «Вона пысьменна» (Альманахъ «Дубове лыстя» 1903 г.). Украинская публика встрѣтила первыя произведенія г. Грыгоренка не то недоброжелательно, не то съ недоумѣніемъ. Общее впечатлѣніе, быть можетъ не вполнѣ сознательное, было, а отчасти и до сихъ поръ остается, такимъ: появились вещи, которымъ нельзя отказать въ литературныхъ достоинствахъ, которыя вносятъ въ нашу литературу нѣчто новое, но какъ онѣ странны и какъ онѣ намъ не нравятся, и притомъ за то именно и не нравятся, что въ нихъ является новымъ.

Многіе въ то время склонны были упрекать г. Грыгоренка въ чрезмѣрно пессимистическомъ взглядѣ на народъ, даже въ недоброжелательствѣ, чуть ли не въ клеветѣ на него. Нельзя, однако, признать справедливымъ это обвиненіе. Несомнѣнно, г. Грыгоренко не принадлежитъ къ числу идеализаторовъ деревни. Взглядъ

его на нравственный уровень крестьянства довольно мраченъ, но во 1-хъ—въ немъ нѣтъ и тѣни безнадежности относительно будущаго, а во 2-хъ —въ произведеніяхъ Грыгоренка явственно видны его глубокое сочувствіе къ народнымъ массамъ и искренняя скорбь о ихъ судьбѣ и ихъ деморализаціи. Осужденіе Грыгоренка не похоже ни на безплодное хныканіе моралиста, ни на злобное шипѣніе народнаго врага,—это исполненный сочувствія къ больному діагнозъ врача-друга, который, не закрывая глазъ на болѣзнь, вмѣстѣ указываетъ и путь къ ея исцѣленію. И кто станетъ спорить, что такое отношеніе къ народу для него безконечно полезнѣе, чѣмъ замалчиваніе его недостатковъ.

На нашъ взглядъ, предубѣжденіе, которымъ на первыхъ порахъ встрѣтили у насъ произведенія Грыгоренка, объясняется тѣмъ, что во время ихъ появленія въ украинской литературѣ было еще сильно вліяніе того крайняго народничества, которое въ 70—80 годахъ было распространено и въ нашей, и въ русской литературѣ. Народничество этого оттѣнка не ограничивалось призывомъ къ работѣ на пользу обездоленной части населенія, но еще хотѣло увѣрить интеллигенцію, что народъ нравственно выше и умнѣе ея, что спасеніе не въ принципахъ, выработанныхъ образованною частью человѣчества, а въ народныхъ идеалахъ, что интеллигенціи слѣдуетъ не учить народъ, а учиться у него и т. д. и т. д. Параллельно съ этими взглядами и въ нѣкоторой духовной связи съ ними, у представителей этого направленія замѣчалась исключительная заинтересованность экономическими вопросами въ ущербъ вопросамъ, затрагивающимъ другія, ничуть не менѣе важныя стороны общественной жизни, выдвиганіе на первую очередь вопросовъ отдаленнаго будущаго и забвеніе тѣхъ, которые слѣдовало-бы ставить на дневномъ порядкѣ. Правда, въ украинской литературѣ направленіе это, быть можетъ, ни однимъ писателемъ не было выражено столь опредѣленно и рѣзко, какъ въ русской литературѣ, но за то романтическая идеализація народа господствовала у насъ безраздѣльнѣе. Украинскіе беллетристы 80-хъ годовъ почти не знаютъ другихъ обездоленныхъ, кромѣ кре-

стьянина-земледѣльца, и все разцѣниваютъ съ точки зрѣнія интересовъ этого класса. Они идеализируютъ крестьянъ, съ любовью ищутъ въ ихъ средѣ положительныхъ типовъ и часто ихъ прикрашиваютъ, надъ недостатками же народными останавливаются неохотно, стараясь смягчить вызываемое ими отрицательное впечатлѣніе. Всѣ надежды свои на общественное обновленіе украинскіе писатели возлагали на крестьянъ, а нѣкоторые до того проникались крестьянскимъ міровоззрѣніемъ, что съ симпатіей относились и къ крестьянскому ритуалу и даже къ нѣкоторымъ предразсудкамъ крестьянъ, или же почти цѣликомъ принимали взгляды народа на общественныя отношенія и не только народную оцѣнку наличныхъ отношеній съ точки зрѣнія справедливости, но и мысли народа о томъ, какимъ путемъ и какими средствами можно достичь и нужно достигать ихъ улучшенія. А между тѣмъ, едва ли нужно и говорить объ этомъ, если народъ, неся на себѣ тяготы общественнаго строя, можетъ вѣрно указать на нѣкоторыя противорѣчія даннаго порядка съ справедливостью, то онъ, конечно, не въ силахъ безъ указанія интеллигенціи найти вѣрный путь къ раціональному рѣшенію сложныхъ общественныхъ задачъ. Такое настроеніе началось въ украинской литературѣ еще раньше, чѣмъ въ русской, и продержалось дольше. У насъ оно было еще очень сильно и въ 90-хъ годахъ. Правда, среди украинскихъ писателей, выступившихъ въ концѣ 80-хъ, въ 90-хъ годахъ, у многихъ замѣтно болѣе трезвое отношеніе, и все-же никто изъ нихъ не высказался опредѣленно и твердо противъ прежнихъ увлеченій, на которыхъ продолжали настаивать писатели старшей генераціи. Молодые писатели, кто сразу, кто постепенно, сами освобождались отъ чрезмѣрной идеализаціи народа и упомянутыхъ крайностей народничества, но одни изъ нихъ занялись изображеніемъ другой—не крестьянской среды, другихъ старыя традиціи еще настолько подавляли своимъ авторитетомъ, что они лишь изрѣдка и несмѣло рѣшались рисовать отдѣльные эскизы и штрихи, противорѣчащіе установившейся догмѣ.

Украинская литература—литература народа, состоящаго почти исключительно изъ крестьянства; она и писала преимущественно

о немъ, для него и въ защиту его интересовъ, и это вполнѣ объясняетъ, почему въ ней такъ долго продержались именно отмѣченныя выше увлеченія.

Но вслѣдствіе тѣхъ-же условій въ ней не нашло себѣ почвы то крайнее разочарованіе въ крестьянинѣ-земледѣльцѣ, какое охватило значительную часть русской литературы въ 90-хъ годахъ, отчасти какъ реакція противъ крайностей народничества. Въ то время широкіе круги русской интеллигенціи какъ бы вовсе отвернулись отъ деревни и махнули на нее рукой, не ожидая ничего положительнаго въ общественномъ смыслѣ отъ этой косной и фатально-инертной, по взглядамъ того времени, массы. Но исключительное преобладаніе крестьянства среди украинскаго народа не позволило украинскимъ писателямъ зайти въ разочарованіи крестьянствомъ такъ далеко. Извѣриться въ немъ значило-бы для украинцевъ извѣриться въ самихъ себѣ, и, конечно, живой народъ и живые люди не могли пойти на такое самоотрицаніе.

Очень характернымъ признакомъ этой разницы, обозначившейся въ данный періодъ развитія двухъ смежныхъ литературъ, можетъ служить, между прочимъ, самое появленіе въ украинской литературѣ въ концѣ 90-хъ годовъ г. Грыгоренка. Въ то время, когда въ великорусской литературѣ, какъ справедливо указываетъ г. Подарскій, «послѣ Успенскаго изученіе крестьянства совершенно остановилось» и она «остановилась на беллетристикѣ» изъ народнаго быта «80-хъ годовъ», въ нашей сравнительно бѣдной литературѣ появляется новый столь вдумчивый и талантливый изобразитель народной жизни, какъ г. Грыгоренко.

Однако и украинская литература не могла остановиться на прежней точкѣ зрѣнія. Критическое отношеніе къ прежнимъ увлеченіямъ и отказъ отъ нихъ неизбѣжно должны были появиться и у насъ, и дѣйствительно появились. Изъ украинскихъ беллетристовъ раньше всѣхъ Грыцько Грыгоренко выступилъ вполнѣ опредѣленно и ясно въ означенномъ направленіи. Этимъ опредѣляется его мѣсто въ исторіи украинской литературы, а вмѣстѣ и объясняется первоначальное предубѣжденіе противъ него; а то обстоятельство, что, вслѣдствіе особенности украинскихъ

условій, онъ не могъ дойти до крайностей своихъ русскихъ товарищей, дѣлаетъ его изображеніе крестьянской жизни особенно реальнымъ и вѣрнымъ. Къ этой основной причинѣ того, почему нашъ талантливый авторъ былъ встрѣченъ несоотвѣтственно своимъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, нужно присоединить и другую—склонность къ рутинѣ, къ традиціи, въ сильной степени свойственной нашей, какъ и всѣмъ еще слабо развитымъ, литературамъ. У насъ не сложился пока тотъ широкій кругъ образованныхъ читателей, который, внося въ оцѣнку наличной литературы все разнообразіе вкусовъ и взглядовъ очень большого числа людей, подготовляетъ почву для возникновенія новыхъ литературныхъ школъ и теченій. Цѣпкость, съ какою украинская литература придерживается уже отжившихъ пріемовъ, сказывается между прочимъ во вкусѣ къ этнографіи въ беллетристикѣ, которая со временъ Квитки, а въ особенности Кулиша, вкоренилась въ украинской беллетристикѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не давая ничего ни для развитія общей идеи произведенія, ни для обрисовки типовъ или окружающихъ ихъ условій и среды. Я указалъ здѣсь на частный примѣръ, относящійся къ художественной техникѣ, примѣромъ-же рутинности въ направленіи можетъ служить отмѣченное выше отношеніе къ Грыгоренку.

Основными чертами творчества Грыгоренка нужно признать удивительную трезвость и чувство мѣры, придающіе его разсказамъ столь жизненный характеръ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ г. Грыгоренко для изображенія не ищетъ красивыхъ, исключительныхъ положеній. Напротивъ, онъ именно любитъ рисовать положенія самыя повседневныя и обыденныя, и оттого-то разсказы его такъ точно воспроизводятъ украинскую деревню. Но и въ повседневной обстановкѣ авторъ умѣетъ отмѣтить такое разнообразіе типовъ, освѣтить такія стороны жизни украинскаго крестьянина, которыя ускользали отъ далеко не заурядныхъ наблюдателей. Въ своемъ небольшомъ сборникѣ онъ съумѣлъ обрисовать много новыхъ, до него не отмѣченныхъ деревенскихъ типовъ,

---

1) Рус. Бог. 1903 г. № 3.

такъ что весьма немногіе изъ его предшественниковъ дали намъ такое разнообразіе ихъ, и, кажется, никто не сдѣлалъ этого въ столь небольшой книгѣ. Правда, вслѣдствіе краткости, свойственной г. Грыгоренку, страдаютъ иногда техника разсказовъ и отдѣлка типовъ, иногда можно было-бы желать болѣе подробной ихъ обрисовки, но это несомнѣнно портреты, если и не тщательно отдѣланные, то съ поразительно вѣрно схваченнымъ сходствомъ.

Избѣгая эффектовъ, Грыгоренко не ищетъ драматическихъ положеній, не беретъ матеріаловъ для своихъ разсказовъ изъ уголовной хроники и не выискиваетъ столь рѣдкихъ въ дѣйствительной жизни деревни случаевъ борьбы за общественный или мірской интересъ. Его герои не преступные типы и не борцы за правду—это рядовые крестьяне; но вѣдь они то, благодаря своей подавляющей численности, и создаютъ характеръ деревенской жизни, а потому наблюденія Грыгоренка и имѣютъ особенное значеніе для читателя, который хочетъ изучить нашу деревню и основать свои на нее надежды на трезвой оцѣнкѣ фактовъ.

Въ изображеніи экономическаго положенія деревни нашъ авторъ также чуждъ стремленію искать случаевъ исключительной бѣдности, чтобы сценами голода и нищеты вызвать въ читателѣ сочувствіе къ положенію изображаемой среды. Чутье подсказываетъ автору, что всѣ такіе ужасы, какъ бы ни было сильно первое впечатлѣніе, созданное ими, будутъ потомъ оцѣнены читателемъ, какъ случаи исключительные, какъ бѣдствіе отдѣльныхъ немногихъ лицъ, а задача г. Грыгоренка поставить вопросъ принципіально и дать картину жизни широкихъ круговъ населенія.

Крестьяне г. Грыгоренка не нищіе, не голодаютъ, но онъ рисуетъ ихъ экономическое положеніе какъ разъ такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ. Ихъ относительная сытость достигается повседневной работой и неусыпнымъ разсчетомъ и бережливостью надъ каждой самой незначительной тратой; она какъ бы вѣчно находится подъ угрозой. Благосостояніе ихъ таково, что ежеминутно можетъ разрушиться вслѣдствіе самой незначительной хозяйственной неудачи или кратковременнаго только отвлеченія

работника отъ труда и бережливости. Для того лишь, чтобы не погибнуть, а кое-какъ поддерживать существованіе, имъ ни на минуту нельзя забыть объ опасности истратить лишнюю копѣйку, нельзя даже въ горѣ или при увлеченіи оторваться отъ дѣла, и въ добавокъ къ этому бремени бѣдности на ихъ долю выпадаетъ приниженное положеніе и неравенство правъ. Казалось бы, такое положеніе достаточно тягостно, чтобы нужно было искать эффектовъ для возбужденія къ нему сочувствія. Но оно такъ обычно, къ нему всѣ присмотрѣлись настолько, что большинство не видитъ его ненормальности, смотря равнодушными глазами на окружающую насъ юдоль скорби. Тѣмъ большій талантъ и тѣмъ высшую заслугу нужно признать за г. Грыгоренко въ томъ, что онъ умѣетъ простыми изображеніями обыденной жизни средняго крестьянина всколыхнуть задремавшую впечатлительность читателя и вызвать въ немъ раздуміе надъ фактами, къ которымъ онъ привыкъ и съ которыми сжился.

Тяжелыя экономическія условія разлагающимъ образомъ вліяютъ на нравственный обликъ деревенскаго населенія. Невесело смотритъ Грыгоренко на умственный и нравственный его уровень. Страшно становится отъ той бездны эгоизма, несправедливости, корыстолюбія, жестокости, какую раскрываетъ предъ нами нашъ авторъ. Семейныя отношенія таковы, что жена, вспоминая о смерти мужа, говоритъ: Ну то ще ничого, якъ-бы бувъ мене пидъ той шанець изъ малымы дитьмы не покынувъ» (Стр. 4. Сватання). Она-же «просыла» Бога, «щобъ прыбравъ хочъ двохъ зъ моихъ сыритъ»... «Не давъ Богъ—уси жыви (стр. 4. Ibid). Постоянное обычное пожеланіе дѣтямъ: «А щобъ-же зъ тебе душа выйшла, якъ ты мени вже остыгло» (стр. 21. Ось яка сторія). Старикъ Мыкыта хотя и чувствуетъ, что поступаетъ несправедливо, все-же обдѣляетъ своего неудачника сына въ пользу другого, не будучи въ состояніи противостоять клеветѣ, угощеніямъ, и тутъ же выговаривая, чтобы сынъ, получающій все имущество, ему за это «добру домовыну зробывъ» (Ibid, стр. 24). Чтобы завладѣть частью огорода, которая должна была достаться брату, Мыкола (Ibid) не останавливается ни передъ клеветой, ни

передъ спаиваніемъ отца, а когда достигаетъ своей цѣли, въ немъ не замѣтно и тѣни угрызеній совѣсти. Истомленная чрезмѣрнымъ трудомъ, чтобы избавиться отъ него, Хрыстя (Божевильна) прикидывается сумасшедшей, и для лучшаго выполненія принятой на себя роли, не останавливается предъ тѣмъ, что отказывается кормить своего грудного ребенка.

Если таковы отношенія къ своимъ близкимъ, то чего можно ожидать въ отношеніи къ постороннимъ? Права ихъ въ сущности не пользуются никакимъ уваженіемъ. Огромное большинство героевъ Грыгоренка относится къ этимъ правамъ съ нескрываемымъ вожделѣніемъ и всегда готово нарушить ихъ, если можно сдѣлать это безнаказанно. Ни чужія права, ни чужіе интересы въ глазахъ ихъ не имѣютъ никакой цѣны. Крестьянинъ, ушедшій на переселеніе и тамъ разорившійся, въ письмахъ на родину къ односельцамъ и родственникамъ, рисуетъ въ соблазнительныхъ краскахъ жизнь на новыхъ мѣстахъ, чтобы и другихъ завлечь въ ту же бѣду: «Самому трудно бидуваты, то нехай и другый спробуе» (Пересельци К. С. 1900 г., № 11, стр. 318). Чужая собственность, особенно если она плохо ограждена, не въ твердыхъ рукахъ, является объектомъ постоянныхъ покушеній. И, что всего хуже въ нравственномъ отношеніи, дѣлается это далеко не потому, чтобы у нарушителя чужой собственности было какое нибудь сомнѣніе въ справедливости этого института; такого сомнѣнія нѣтъ, въ принципѣ ему отдается полное уваженіе, а своя собственность цѣнится дороже и охраняется ожесточеннѣе жизни,—просто—нѣтъ стимула, способнаго противостоять соблазну увеличить свое благосостояніе какими бы то ни было средствами. «Боитесь може, що скрыня іи буде?... Ни, дежъ таки... Ваша дочка попереносыть усе, покы вона пиднимется» (Сватання стр. 17)—говоритъ дѣдъ о скрынѣ, доставшейся его внучкѣ послѣ смерти ея матери, его первой невѣстки, чтобы склонить бабу Секлиту выдать замужъ свою дочь за его сына. «Не вкрасты—не маты»—заявляетъ авторитетно баба Секлита (стр. 5).

Не лучше и отношеніе къ правдѣ. Ложь не только не осуждается, часто напротивъ осуждается правда. «Максымъ... за

чарку горилкы зробыть чоловика и святымъ и багатымъ, а якъ схоче, то чорнишымъ видъ сажы» (стр. 12). «А ну тебе къ чортовій матери зъ твоею правдою! ось втерявъ черезъ тебе два рубля» — сердится на Хиврю отецъ (Хивря языката стр. 93). Общественное мнѣніе деревни, при общемъ низкомъ нравственномъ уровнѣ, вырождается въ травлю слабыхъ и въ лицемѣрное сплетничаніе. «Нышкомъ люде такы судылы Мыколу за брата, въ голосъ-же нихто не обсмилывся ничого сказаты, бо Мыкола бувъ чоловикъ строгый и багатый; якъ бы хто й роззявывъ рота, винъ бы знавъ, що ему зробыты (Ось яка сторія» стр. 45). Много подобныхъ фактовъ можно было бы найти еще въ разсказахъ Грыгоренка, но довольно и этихъ; обратимся теперь къ его положительнымъ типамъ. Къ сожалѣнію исторія ихъ жизни способна только усилить мрачное впечатлѣніе, создаваемое деревенской жизнью въ описаніи нашего автора. Это или исторія постепеннаго нравственнаго паденія, или исторія гибели въ борьбѣ за существованіе, при чемъ причиной этой гибели послужила какъ бы сама ихъ нравственная порядочность. Трогательно-грустныя, горькія чувства будитъ въ читателяхъ описаніе жизни бѣдной «языкатой Хиври», правдивой и чистой по природѣ натуры, которая не умѣетъ лгать и за это именно нелюбима всѣми окружающими. Благодаря своей правдивости, она не могла помочь тѣмъ, кому хотѣла; ея правдивостью пользуются, чтобы оклеветать человѣка и устроить свои грязныя дѣлишки; за правдивость ее обвиняютъ въ искательствѣ у пановъ и въ доносахъ на товарищей, за правдивость ей мстятъ поджогомъ, разоряютъ и доводятъ ее до слѣдующаго ужаснаго состоянія: «Хивря одъ тихъ поръ якъ замовкла тай замовкла... Вона все тилькы зъ дитьмы порается: то прыгортае, то цилуе ихъ,—одного тилькы вона для ихъ боялася, щобъ не булы дуже говирки и все було Натальцю зупыняе: «не кажы», «помовчъ», «скажы: а хто ёго знае»!... «Цытьте, диточкы, сыдить соби тыхо въ своій порци. Вы никого не чыпайте—васъ нихто не чыпатыме»! (Стр. 111—112 Хивря языката). А вотъ еще замѣчательны характерныя сомнѣнія Степана Зануды. Степанъ по натурѣ исключительно

справедливый человѣкъ. Во всѣхъ житейскихъ столкновеніяхъ онъ прежде всего становится на точку зрѣнія правъ не своихъ, а того, съ кѣмъ сталкиваются его интересы. Но вотъ Степану угрожаетъ въ самомъ дѣлѣ большая бѣда. Отецъ его, овдовѣвъ, собирается жениться, во второй разъ. Степанъ знаетъ, что въ деревнѣ это почти всегда влечетъ за собой изгнаніе отцомъ сына и его семьи изъ своей хаты. Такимъ образомъ ему угрожаетъ полный хозяйственный крахъ, опасность остаться съ семьей на рукахъ безъ крова и безъ всякихъ средствъ существованія. Замѣчательно справедливый по природѣ, онъ и здѣсь не можетъ не войти въ положеніе отца, не стать на его точку зрѣнія, но въ виду бѣдъ, предстоящихъ ему самому, не въ силахъ и остаться безпристрастнымъ. Дума Степана по этому поводу настолько характерный примѣръ того, какъ тяжелое экономическое положеніе является бѣсомъ искусителемъ и надламываетъ чувство справедливости даже въ такихъ хорошихъ людяхъ, что я позволю себѣ занять вниманіе читателя довольно длинной выпиской.

«А Степанъ ставъ и почавъ розбираты: «Жинкы треба. Мени жинкы треба, значыть—и батькови треба. Чого-жь мы зъ Наталкою не позволялы ёму оженытысь? Значыть, не мигъ я упретыты. Бо винъ старый? Дакъ що? А якъ бы маты жыва, то у ёго була-бъ жинкы, значыть, ёму треба жинки, значыть, добре, що оженывся... Тилькы для насъ не дорбе, бо хочъ поки що ничого, а, може, скоро воны изъ своею жинкою и іи дитьмы (може, ще й свои будуть) насъ зъ Наталкою вытурять. Якъ же це? Колы батькови, якъ и всякому чоловикови, треба жинкы, а старои вже не стало, то винъ повыненъ бувъ взяты соби нову, а якъ взявъ жинку, то выходыть дило такъ, що насъ выжене... Хиба жъ непреминно мене выгнаты, бо тисно скоро стане вкупи жыты... А я, якъ бы бувъ на ёго мисци, чы выгнавъ бы сына? Не знаю. Може, якъ бы сынъ бувъ на мене похожый, то ни. Чому? Тому, що кождый чоловикъ дума про себе, що винъ одъ усихъ кращый. Хиба що такъ? А якъ бы мени було тисно въ хати, то и я повыненъ бы бувъ кого небудь выганяты... Охъ, хо, и чого-то маты вмерла? Треба жъ имъ було вмираты, що

наробылы! Молодша була, а вмерла ранійше одъ батька, чого такъ? Краще-бъ....»

«Степанъ передумавсь: «що це я батькови смерти выклыкаю? Ни! Я тилькы такъ, я тилькы кажу: на що молодши поперёдъ старійшыхъ умыраютъ? А якъ бы воны жылы, а батько... тоди бъ все инакше було... Щобъ тоди було?»... Степанъ пишовъ до дому разомъ зъ своимы думкамы». (Стр. 74, Старый молодый).

На примѣрахъ языкатой Хиври и Степана Запуды авторъ какъ бы хочетъ показать причинную зависимость нравственнаго разложенія деревни отъ тяжелаго экономическаго ея положенія,— объяснить первую послѣднимъ. Такая зависимость несомнѣнно можетъ существовать. У людей, находящихся подъ гнетомъ постоянныхъ бѣдности и труда, часто не достаетъ времени для развитія собственнаго я, а строгое согласованіе своихъ дѣйствій съ нравственными требованіями, обходится въ такихъ условіяхъ иногда слишкомъ дорого. Въ жизни бѣдняковъ бываютъ такія положенія, и въ этомъ самая ужасная сторона бѣдности, при которыхъ сохраненіе своего нравственнаго достоинства равносильно рѣшимости на чрезвычайно суровыя испытанія.

При всемъ томъ, еслибы авторъ такъ безусловно высказывалъ мысль о деморализующемъ вліяніи бѣдности, съ нимъ едва-ли можно было бы согласиться. Въ дѣйствительности жизнь даетъ не мало примѣровъ, когда самая вопіющая нищета не только не подавляетъ въ людяхъ нравственнаго чувства, а какъ бы еще придаетъ нравственнымъ запросамъ бѣдныхъ классовъ особенную яркость и остроту. Не будь этого, будущее общество представлялось бы въ гораздо болѣе мрачныхъ краскахъ, такъ какъ бывали эпохи, когда только самые бѣдные классы и возрождали его изъ состоянія полнаго нравственнаго упадка. Очевидно, есть еще какое то другое условіе, которому принадлежитъ рѣшающее значеніе и которое опредѣляетъ, положительно или отрицательно подѣйствуетъ бѣдность на нравственный уровень бѣдныхъ классовъ. Этого фактора г. Грыгоренко не указываетъ прямо. Повидимому, онъ считаетъ, что въ жизни нашей деревни этотъ факторъ еще не проявился. Есть, однакоже, въ произведеніяхъ нашего автора

косвенныя указанія, выясняющія его взглядъ на этотъ вопросъ. Почти у всѣхъ героевъ своихъ г. Грыгоренко наблюдаетъ одну черту, общую какъ лучшимъ, такъ и худшимъ деревенскимъ людямъ, постоянно окрашивающую всѣ ихъ побужденія, какъ дурныя такъ и хорошія.—Это какая то стихійность, непосредственность чувствъ и стремленій. Постоянно отмѣчая ее, г. Грыгоренко какъ бы подчеркиваетъ, что именно эта стихійность и дѣлаетъ нашихъ крестьянъ столь неустойчивыми нравственно и создаетъ то, что тяжелыя экономическія условія воздѣйствуютъ отрицательно на нравственный уровень деревни. Крестьяне въ изображеніи Грыгоренка—это дѣти; они идутъ туда, куда толкаетъ ихъ первое побужденіе, вызванное окружающей обстановкой; ничто не сдерживаетъ ихъ, у нихъ нѣтъ ни твердо выработанныхъ нравственныхъ правилъ, ни сознательнаго пониманія общественныхъ отношеній; захватитъ ихъ какое-нибудь чувство, хорошее ли, дурное ли,—они подчинились ему; встанетъ предъ ними какая-нибудь бѣда, даже просто непріятность,—они всецѣло поглощены желаніемъ избавиться отъ нея и ничѣмъ не контролируютъ своихъ дѣйствій, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Вотъ, напр., Христинина кума Мелашка, у которой своего дѣла по горло и четверо дѣтей, когда заболѣла Христя, взяла на себя вести ея хозяйство и кормить ея ребенка. Она самоотверженно отдаетъ свой трудъ несчастной семьѣ, но когда сосѣди убѣждаютъ ее, что ей не стоитъ такъ заботиться о чужихъ дѣлахъ, она терялась и «не вмила добре розсказаты, що іи пхало помогаты Христи. Сказать бы, що вона кума ій, дакъ и другымъ вона було пособля, якъ треба. Чы то й було жалько, чы то й свого дила ще мало було? Такъ и бигала, якъ галушка въ окропи, то сюды, то туды». (Божевильна, стр. 207). А вотъ, напр., старикъ Миронъ (Батько), и хорошій старикъ, когда зять его хочетъ обмануть громаду и ищетъ его содѣйствія, начинаетъ съ того, что съ негодованіемъ бранитъ и зятя, и свою любимицу дочь; онъ хочетъ даже изобличить зятя, но тутъ же, боясь, чтобы зять не побилъ его дочери, безъ всякой почти борьбы идетъ въ зборню и выручаетъ зятя, помогая ему своимъ вліяніемъ об-

мануть громаду. Правда, послѣ «Мыронъ строго наказувавъ Андрію вернуты громадськи гроши, тилькы Андрій забувся якось. Мыронъ не забувся та думавъ: «Добре, що с... с... для Оксаны (дочери) хочъ корову купывъ: буде молоко для дытыны, а то вона все бидкается» (Батько, стр. 259).

А вотъ сцена у качели (Вона пысьменна). Одна изъ дивчатъ, Катря, сообщаетъ подругамъ о другой, что та чытаетъ книги. Но прислушайтесь, съ какой насмѣшкой говоритъ объ этомъ Катря: «Ось ій Богу, ха—ха—ха, що вона у кныжкахъ чыта, ха--ха—ха! Ось ій Богу, що чыта, хрестъ мене побый». Дивчата бѣгутъ къ огороду обвиняемой Оксаны, чтобы удостовѣриться, вѣрно ли сообщеніе Катри, и, когда застаютъ подругу за чтеніемъ, относятся къ ней съ насмѣшкой, даже враждебно.

«Га, хоче розумнійшою одъ насъ буты!—якъ ножемъ ризонула Мокрына».

— «И яка нудна ця Оксана, наче въ неи крови нема... Тутъ весна на двори, тутъ писни, тутъ парубкы ха—ха—ха!, а вона кныжкы, тьху на тебе!»

Чѣмъ же объясняется эта веселая жестокость, съ какою дивчата издѣваются надъ читающей подругой. Въ поступкѣ ихъ нѣтъ ни заранѣе обдуманнаго намѣренія, ни сознательной злости. Имъ просто, какъ и всякому неразвитому человѣку, стихійно подчиняющемуся своему первому побужденію, кажется смѣшнымъ, страннымъ и непріятнымъ все непохожее на нихъ.

Прислушайтесь теперь къ общественнымъ взглядамъ героевъ Грыгоренка. Вотъ Мыкыта (Ось яка сторія, стр. 21), и Мыронъ (Батько, стр. 224) разсуждаютъ о преимуществахъ крѣпостного состоянія надъ свободнымъ. Грыцько (Старый—молодый) также жалѣетъ о крѣпостномъ правѣ потому, что «панъ бы заразъ звеливъ самій найкращій дивци за мене йты» (Стр. 71). Вотъ разсужденія Васыля (Хивря языката, стр. 102) о томъ, что «якъ бы чоловикови ще й жинкы не вильно було побыты, то бувъ бы винъ вже зовсимъ нещаслывый, бо въ зборни ёму одвичай, гроши въ казну платы, або зборщыкомъ, або чимъ поставлять—служы, въ москали йды, якъ время прыйде,—треба хочъ вдома душу од-

весты»; или прислушайтесь къ сбивчивымъ разсужденіямъ Мирона о деньгахъ. (Батько, стр. 227).

Среди героевъ г. Грыгоренко, человѣкъ съ найбольшимъ общественнымъ настроеніемъ, найболѣе критически относящійся къ неустройствамъ общественной жизни, Карипонъ (Такъ краще, (Л. Н. В. 1901 г. ч. 2.) въ сущности—злобный психопатъ, не способный ни связать своихъ мыслей, ни тѣмъ менѣе выставить какую-нибудь программу. Чувство личной обиды, правда, создало въ немъ нѣкоторое смутное пониманіе неправды, царящей въ обществѣ, но его не волнуетъ желаніе найти путь къ исправленію этого общаго зла, да онъ и не въ силахъ разобраться въ сложныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Онъ только весь преисполненъ сознаніемъ своей обиды, раздраженіемъ и ненавистью ко всѣмъ и на все. Руководимый ими, онъ держитъ въ страхѣ и пана, и своихъ односельцевъ-крестьянъ и оканчиваетъ ничѣмъ въ сущности немотивированнымъ преступленіемъ—поджогомъ. Послѣ ссылки его, и его собственная семья, и односельцы облегченно вздыхаютъ. «Безъ него кращенько, ій Богу, що кращенько»—говоритъ его жена сосѣдкамъ (Лит.-Науков. В. 91 г. ч. 2, стр. 185). «Ради булы и люде, що позбулыся того каменя зъ шыи, якъ той Карипонъ, що й самъ не знавъ, чого ёму треба и инчихъ баламутывъ»... «Ну, теперъ уже скоро не побачымось,—казалы. Винъ свою дорогу пробывъ, отсе пожежа, а писля душогубство буде (Л.-Н. В., 1901, № 2, стр. 185).

А между тѣмъ, проявленіе критики и общественнаго настроенія такъ рѣдки въ деревнѣ, что у автора невольно пробуждается сожалѣніе о гибели Карипона, хотя онъ ясно видитъ и отрицательныя стороны Карипона, и его безполезность для деревни.

Такимъ образомъ Грыгоренко указываетъ на темноту народную какъ на второе добавочное къ бѣдности и вмѣстѣ рѣшающее условіе нравственнаго разложенія нашей деревни. Выясненіемъ этой причины въ значительной степени ослабляется мрачное впечатлѣніе, созданное картинами Грыгоренка, такъ какъ тѣмъ самымъ намѣчается выходъ изъ даннаго тяжелаго положенія, и надежды на обновленіе деревни получаютъ вполнѣ опредѣленное

обоснованіе. Несомнѣнно, здравыя понятія объ обществѣ и его жизни, широко распространенныя въ народныхъ массахъ, и умственный подъемъ этихъ массъ способны поднять нравственный уровень ихъ, а вмѣстѣ сдѣлаютъ невозможными и эту гнетущую бѣдность, и много другихъ скорбныхъ сторонъ деревенской жизни. Не преодолѣвъ же этого основного зла, едва ли можно разсчитывать на какія-либо прочныя улучшенія въ ней.

Въ ряду другихъ особенностей Грыгоренка, какъ писателя, нужно отмѣтить особенную, свойственную ему, манеру писать, особенную архитектуру его разсказовъ, отъ которой онъ начинаетъ отступать только въ двухъ послѣднихъ своихъ вещахъ («Чомъ, чомъ не прыйшовъ» и «Вона пысьменна»), и то, часто возвращаясь къ своей прежней обычной манерѣ. Во всѣхъ разсказахъ, составляющихъ его сборникъ, и въ невошедшихъ въ него «Переселъцяхъ» и «Такъ краще» авторъ пользовался все тѣмъ же пріемомъ. Всѣ они ведутся отъ автора, и даже разговоры дѣйствующихъ лицъ какъ бы цитируются имъ. Часто онъ даже приводитъ ихъ для того, чтобы подкрѣпить сдѣланную имъ характеристику дѣйствующихъ лицъ или какъ примѣръ другихъ однохарактерныхъ разговоровъ. Этотъ пріемъ не вызывается у Грыгоренка, какъ то случается иногда у другихъ писателей, неумѣніемъ воспроизводить живые разговоры. Напротивъ, онъ обладаетъ удивительно богатымъ запасомъ наблюденій надъ жизнью и удивительнымъ умѣніемъ схватывать характерныя особенности разговоровъ своихъ героевъ. А между тѣмъ нельзя признать удачной эту манеру автора; она въ большинствѣ случаевъ уменьшаетъ живость разсказа и приближаетъ его къ публицистикѣ или литературной характеристикѣ. Къ тому же, послѣдовательно проведенная въ цѣломъ рядѣ разсказовъ, она придаетъ имъ нѣкоторое однообразіе. Повидимому, то, что г. Грыгоренко такъ часто пользовался этимъ пріемомъ, является послѣдствіемъ нѣкоторой спѣшности работы, а можетъ быть и желанія автора скорѣе ознакомить читателя съ своими наблюденіями. Такое объясненіе тѣмъ правдоподобнѣе, что у нашего талантливаго автора можно отмѣтить и другіе

признаки спѣшности въ работѣ. Къ числу ихъ нужно отнести обиліе у Грыгоренка вводныхъ предложеній, иногда удивительно длинныхъ и слишкомъ часто прерывающихъ нить разсказа. Авторъ пользуется ими, чтобы сказать вскользь то, что было-бы лучше развить подробнѣе и самостоятельно, или для того, чтобы добавить какую-нибудь опущенную подробность въ сдѣланной раньше характеристикѣ лица или положенія. Онъ не хочетъ, повидимому, исправить разъ написанное и довольствуется вставкой при случаѣ добавочнаго поясненія въ видѣ вводнаго предложенія. Нечего и говорить, что пріемъ этотъ нельзя признать художественнымъ, и, только благодаря жизненности темъ и живости таланта г. Грыгоренка, онъ не производитъ того непріятнаго впечатлѣнія, какое, несомнѣнно, долженъ былъ бы производить у другого менѣе талантливаго автора. Какъ на примѣръ вводныхъ предложеній г. Грыгоренка, укажу наугадъ на одно изъ многихъ на стр. 96—97, занимающее собой десять строчекъ—ни больше, ни меньше!

Есть еще одинъ признакъ спѣшной работы нашего автора—это обиліе руссизмовъ, отъ времени до времени какъ бы эпидемически поражающее языкъ Грыгоренка. Приписать это недостаточному знакомству Грыгоренка съ украинскимъ языкомъ нельзя. Онъ безспорно прекрасно владѣетъ украинской рѣчью, языкъ его богатъ, чисто-народный, удивительно образный. Я не знаю другого современнаго малорусскаго писателя, обладающаго въ такой мѣрѣ, какъ Грыгоренко, способностью пользоваться выхваченными прямо изъ народной среды образами и такимъ ихъ богатствовомъ. И не смотря на это, Грыгоренко, къ крайней досадѣ читателя, иногда переполняетъ свою рѣчь руссизмами. И это случается именно какъ будто эпидемически. Иногда на десяткахъ страницъ лишь изрѣдка встрѣтишь у Грыгоренка немалорусское слово или оборотъ, и вдругъ на одной страницѣ онъ засыплетъ ими читателя.—Очевидно, это страница, которая, не обсохнувъ, изъ-подъ пера автора попала прямо на типографскій станокъ. Вотъ, напр. (стр. 147). «А все жъ такы Захарко *стоявъ на своёму* и зави́рявъ, що ёго набыто,

и, щобъ забыты бакы Опанасу, *предложывъ* ёму йты огиркы на баштанъ красты. Опанасъ, що перше мало не побывъ зъ досады Захарка, теперъ вже *соглашався* (бо Захарко такъ умивъ чоловика умисыты, якъ тисто) и, сказавши «отъ ловко *прыдумавъ*», йшовъ за Захаромъ и зновъ *попадавъ у биду* и самъ *одвичавъ* за все, бо Захара николы тоди не було, якъ ёго було треба. Такъ довго *попадався* Опанасъ, якъ птыця въ ситку, *въ рукы Захара*, покы не *переставъ* ёму зовсимъ *вирыты*, покы не порозумнийшавъ, хочъ и тоди *случалось* Захару ёго пидманыты, якъ почне було выхваляты Опанаса, що той розумный».

Объяснить эти руссизмы желаніемъ Грыгоренка передать точно рѣчь тѣхъ крестьянъ, которые стараются руссить, нельзя, какъ потому, что они попадаются и въ словахъ самого автора, такъ и потому, что между ними встрѣчаются слова, навѣрно неизвѣстныя малорусскимъ крестьянамъ, напр. «сквалыка» (на стр. 161).

Рѣже, но все же иногда, спѣшность работы сказывается у Грыгоренка не только на формѣ, но и на содержаніи, создавая въ такихъ случаяхъ нѣкоторую непослѣдовательность въ обрисовкѣ типовъ и противорѣчія между характеромъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ отдѣльными поступками. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ слабѣйшему, на мой взглядъ, по выполненію разсказу Грыгоренка «Хто кого», гдѣ намѣчены два очень интересные типа двухъ братьевъ, но гдѣ, къ сожалѣнію, такъ много путаницы и противорѣчій, что и типы эти, и разсказъ нужно признать неудавшимися. Здѣсь на стр. 145, напр., Опанасъ—Захару «ни копійкы не давъ одъ того времья, якъ батько померъ», а на стр. 147«—Слухаючы таки слова, Опанасъ якъ вискъ на вогни топывся и помагавъ братови то роботою, то грипьмы». Опанасъ выставляется то корыстолюбцемъ, женящимся изъ-за денегъ, раздающимъ деньги на ростовщическіе проценты, то добрякомъ, который, прійдя требовать проценты и увидя нужду своего должника, подбрасываетъ ему деньги. Одно и то же дѣйствіе Захара— лжесвидѣтельство—объясняется авторомъ разъ ложными по-

нятіями Захара о долгѣ и грѣхѣ, а черезъ нѣсколько строкъ разсчетомъ. Вслѣдствіе той-же спѣшности работы въ разсказѣ «Хто кого» кое-гдѣ замѣчается сбивчивость изложенія, такъ напр.: дѣтство и зрѣлый возрастъ Захара описаны какъ-то въ перемежку, и авторъ много разъ переходитъ отъ одного къ другому.

Отмѣтимъ еще одну маленькую особенность Грыгоренка. Тонъ его разсказовъ вообще удивительно объективенъ. Авторъ описываетъ людей и факты, какъ они есть, нигдѣ не обнаруживая своего сочувствія или несочувствія къ нимъ, нигдѣ онъ не отрывается отъ описанія, чтобы высказать свои огорченія, негодованіе, жалость и т. д. Но есть одинъ вопросъ, составляющій исключеніе—это вопросъ женскій; онъ очевидно особенно дорогъ нашему автору. И каждый разъ, когда ему приходится коснуться этого вопроса (а Грыгоренко любитъ его затрогивать), онъ не можетъ уже сохранить свою всегдашнюю объективность и у него вырываются горячія лирическія отступленія (напр. въ разсказѣ «Языката Хивря» 95—99 стр.); проникнутыя искреннимъ чувствомъ, они вполнѣ удаются автору и производятъ сильное впечатлѣніе.

Въ самое послѣднее время у Грыгоренка замѣчается нѣкоторый поворотъ въ характерѣ работы и въ выборѣ темъ. Грыгоренко теперь какъ будто больше заботится объ отдѣлкѣ и красотѣ формы своихъ разсказовъ. (И этого, конечно, нельзя не привѣтствовать!). А на ряду съ тѣмъ ищетъ и болѣе красивыхъ темъ. Онъ оставляетъ прежде занимавшія его картины будничной, дѣловой жизни и начинаетъ изображать поэтическія, праздничныя настроенія, въ ряду которыхъ прежде всего заинтересовывается чувствомъ любви.

Погоня за красотой, за красивыми положеніями можетъ однакоже представлять нѣкоторую опасность для писателя. Увлекаясь созданіемъ красивыхъ картинъ, писатель можетъ незамѣтно для самого себя погрѣшить противъ правды. Было-бы глубоко жаль, если бы нѣчто подобное захватило г. Грыгоренка и ослабило то, что составляетъ его найбольшее достоинство, реализмъ, трезвость и чувство мѣры. А между тѣмъ въ послѣднемъ, въ об-

щемъ прекрасномъ разсказѣ Грыгоренка «Вона пысьменна» есть одна небольшая подробность, свидѣтельствующая о томъ, что и этотъ замѣчательно реальный писатель, не устоялъ противъ соблазна отступить отъ правды ради созданія эффектной сцены. Оксана ходитъ и читаетъ среди цвѣтущихъ вишенъ. «На тымъ боци, де сонце ховалось, все держалося червоне сяево и въ тому сяеви помалу-помалу ходыла по садочку вся середъ квитокъ одъ вышенпя, наче обведена имы якъ каблучкою, дивчина зъ сухенькымъ, довгообразымъ облыччемъ, нахыленымъ до кныжкы... Облыччe нахылылось такъ нызько, що яснилы тилькы іи товсти косы, завьязани кругомъ чола. Били вышневи лысточкы сыпалыся ій разъ у разъ на голову, вона того не помичала. Вона въ голосъ чытала зъ кныжкы «земля наша не ривна якъ стилъ, а ссарообразна»... Вона все збывалася на цёму слови «ссарообразна як»... (Дубове лыстя стр. 46).

Красиво! что и говорить. Но читать прогуливаясь могла-бы барышня, много-много читавшая, а не дивчына еще не вполнѣ разбирающая прочитанное. Хожденіе мѣшало бы ей и читать и понимать, да на сколько я знаю крестьянскую жизнь, я положительно не въ силахъ представить себѣ крестьянку, читающую прогуливаясь. Это, конечно, только мелочь, незначительная подробность, и я указалъ на нее только какъ на примѣръ, иллюстрирующій общее положеніе, что погоня за красотой можетъ заставить писателя согрѣшить противъ правды. Такимъ образомъ, если можно вполнѣ привѣтствовать замѣтное въ послѣднее время у г. Грыгоренка стремленіе къ красотѣ формы и къ болѣе тщательной отдѣлкѣ своихъ вещей, то было-бы въ высшей степени желательно, чтобы эти новыя достоинства развивались у него не въ ущербъ прежнему, еще большему, его достоинству—реализму.

Въ заключеніе нашей характеристики г. Грыгоренка, какъ писателя, мы должны сказать, что онъ не принадлежитъ къ числу «счастливыхъ» писателей, которые «мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближаются къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство

человѣка» и «изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ» избираютъ «одни немногія исключенія». Скорбное чувство сопровождаетъ все изображаемое имъ. Отъ него не скроются отрицательныя стороны жизни. вездѣ на каждомъ шагу онѣ преслѣдуютъ его, и сознаніе ихъ придаетъ грустный отпечатокъ его картинамъ. Но онъ замѣчательно вдумчивый, правдивый и умный писатель.

В. Леонтовичъ.

Малороссы въ Петербургѣ.

Статистическое отдѣленіе с.-петербургской городской управы недавно выпустило въ свѣтъ, въ качествѣ своего рода юбилейнаго подарка сѣверной столицѣ, весьма любопытное изданіе «С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1900 г.», представляющее первый выпускъ подробной разработки матеріала по послѣдней однодневной переписи петербургскаго населенія. Сведенный въ многочисленныя статистическія таблицы, матеріалъ этотъ даетъ возможность составить довольно полное представленіе о составѣ столичнаго населенія и его распредѣленія по званіямъ, возрастамъ родному языку, религіи, образованію. Та крупная роль, которую Петербургъ играетъ въ судьбахъ нашего отечества, естественно, вызываетъ особый интересъ ко всему, что можетъ сколько-нибудь освѣтить нынѣшнюю физіономію прорубленнаго двѣсти лѣтъ назадъ «окна въ Европу». Мы не предполагаемъ останавливаться на всѣхъ тѣхъ вопросахъ, на которые даютъ отвѣтъ результаты переписи 1900 г., имѣя въ виду, въ соотвѣтствіе съ задачами «Кіевской Старины», выдѣлить, главнымъ образомъ, тотъ статистическій матеріалъ, который касается малорусскаго элемента въ населеніи Петербурга,—но попутно будемъ приводить и другія въ томъ или другомъ отношеніи характерныя данныя.

Общій итогъ населенія С.-Петербурга и его пригородовъ въ день переписи составлялъ 1.439.613 человѣкъ, такъ что въ настоящее время, при быстромъ ростѣ петербургскаго населенія въ

послѣдніе годы, общее число жителей Петербурга, навѣрное, уже значительно превышаетъ $1^{1}/_{2}$ милліона. За Петербургомъ, какъ извѣстно, установилась репутація «чиновничьяго города», которая твердо держится до сихъ поръ, несмотря на то, что она уже разрушена предыдущими переписями. На самомъ дѣлѣ, Петербургъ—городъ крестьянскій: 63,1 % общаго числа жителей (908.786 человѣкъ)—крестьяне; затѣмъ 19,1% (275.122 человѣкъ)—мѣщане и только 8,2% (275.122 чел.) относится къ категоріи дворянъ личныхъ и потомственныхъ.

Другая общеизвѣстная особенность Петербурга,—что онъ преимущественно городъ пріѣзжихъ,—вполнѣ подтверждается статистикою. Изъ общаго числа жителей отъ 16 лѣтъ и выше, значительно большая половина—884.720—родилось внѣ С.-Петербурга, тогда какъ въ С.-Петербургѣ—родилось всего 523.394 челов.

По религіи—петербужецъ преимущественно православный: 86,2% всего населенія (1.230.265 чел.) исповѣдуютъ православную вѣру. Изъ иновѣрцевъ больше всего насчитывается протестантовъ (101.278), затѣмъ—католиковъ (69.329) и евреевъ (20.385). Родной языкъ у подавляющаго большинства—88,3% (1.260.541 чел.)—русскій. Такимъ образомъ, послѣдняя перепись констатируетъ намъ несомнѣнное преобладаніе въ населеніи Петербурга основныхъ элементовъ государства: русскихъ и православныхъ людей, преимущественно крестьянскаго происхожденія, прибывшихъ въ Петербургъ изъ провинціи.

Перейдемъ къ интересующимъ насъ даннымъ о малорусскомъ элементѣ въ общей массѣ петербургскаго населенія. Къ сожалѣнію, примѣняемая въ нашихъ переписяхъ форма вопросныхъ листковъ, составленная, правда, примѣнительно къ постановленіямъ международныхъ статистическихъ конгрессовъ, не заключаетъ особаго вопроса о національности и, такимъ образомъ, вообще говоря, заранѣе исключаетъ возможность яснаго представленія о національномъ составѣ данной территоріальной единицы. Приходится, слѣдовательно, довольствоваться косвенными признаками, опредѣляющими принадлежность къ той или другой

національности. Такимъ признакомъ, весьма существеннымъ, но, какъ извѣстно, далеко не безусловно точнымъ, является родной (материнскій) языкъ. Въ данномъ случаѣ этотъ признакъ оказывается особенно шаткимъ, въ виду того, что въ пояснительныхъ примѣчаніяхъ къ вопроснымъ пунктамъ, при перечисленіи подлежащихъ отмѣткѣ языковъ, не былъ строго проведенъ этнографическій принципъ, и малороссійскій языкъ, вмѣстѣ съ бѣлорусскимъ, были противопоставлены не *велико*-русскому, а просто-*русскому* языку. Такимъ образомъ, уже тогда можно было предвидѣть, что значительное число малороссовъ и бѣлоруссовъ войдетъ въ графу «русскаго языка», и притомъ не только тѣ, кто дѣйствительно своимъ материнскимъ языкомъ считаетъ русскую литературную рѣчь, но и тѣ, кто вообще игнорируетъ различіе трехъ этнографическихъ группъ, связанныхъ понятіемъ «Руси».

Дѣйствительно, мы видѣли уже, что число жителей Петербурга обозначившихъ въ графѣ о родномъ языкѣ—«русскій»,—опредѣлилось огромною цифрою 1.260.541. Малороссійскій языкъ отмѣтило, въ качествѣ материнскаго, только 1.513 человѣкъ, т. е. $^1/_{10}$% всего населенія Петербурга, а бѣлорусскій и того меньше,—857 челов. Приводимъ тѣ языки и нарѣчія, статистика которыхъ дала болѣе высокія цифры, чѣмъ для малороссійскаго языка: нѣмецкій—48.465, польскій—45.033, финскій—18.315, эстонскій—15.444, еврейскій—12.535, латышскій—8.221, литовскій—6.951 татарскій—5.825, шведскій—4.203, французскій—3.677, англійскій—2.282. Болѣе низкія цифры, чѣмъ малорусскій языкъ, дали слѣдующіе языки и нарѣчія: армянскій, бѣлорусскій, итальянскій, корельскій, чешскій, грузинскій, греческій, болгарскій, датскій и т. д.

Приведенная цифра малорусскаго населенія въ С.-Петербурѣ поражала бы своею незначительностью тѣхъ, кто привыкъ думать, что Петербургъ привлекаетъ къ себѣ множество южанъ изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ; но мы увидимъ далѣе, что высказанныя нами выше соображенія подтверждаются отчасти и опубликованными статистическими данными. Предварительно, однако, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на сооб-

щаемыхъ статистикою свѣдѣніяхъ о тѣхъ 1513 жителяхъ Петербурга, которые считаютъ своимъ роднымъ языкомъ—малороссійскій.

Распредѣленіе населенія по возрасту указываетъ, что преобладающее большинство этихъ малороссовъ, а именно 903 человѣка относится къ возрасту 21—30 лѣтъ, принадлежа, вѣроятно, въ значительной степени, къ учащемуся юношеству. Не мало, однако, должно быть отнесено изъ общаго числа и къ низшимъ классамъ населенія, судя по тому, что начиная съ 6-тилѣтняго возраста—грамотныхъ въ этой группѣ насчитывается всего 1.205, а 266—неграмотны. Распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ указываетъ на весьма любопытные факты: при огромномъ большинствѣ православныхъ, въ числѣ малороссовъ находимъ, однако, 108 римско-католиковъ, 2 раскольниковъ, 1 протестанта и 1 еврейку. Кстати о евреяхъ: заслуживаетъ вниманія сопоставленіе общаго числа лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія (20.385) съ числомъ лицъ, считающихъ еврейскій языкъ материнскимъ (12.535). Какъ видно изъ этого сопоставленія, 38,5 проц. петербургскихъ евреевъ уже отрѣшилось отъ своего національнаго нарѣчія, преимущественно въ пользу русскаго языка (7379).

Насколько приведенныя нами цифры въ дѣйствительности мало выражаютъ численность малорусскаго населенія Петербурга, легко видѣть изъ таблицъ, посвященныхъ статистикѣ крестьянскаго элемента. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, обозначеніе мѣста приписки крестьянъ по губерніямъ, которое даетъ намъ возможность опредѣлить съ достаточною достовѣрностью, число лицъ несомнѣннаго коренного малороссійскаго происхожденія и несомнѣнно, въ качествѣ материнскаго языка, пользовавшихся малорусскою рѣчью. Крестьянъ, приписанныхъ къ губерніямъ съ чистымъ малорусскимъ населеніемъ, насчитывается:

Губерніи:	Число душъ:
Полтавская.	2.216
Кіевская	1.852
Подольская.	1.736
Харьковская	1.725

Черниговская	1.221
Екатеринославская	1.059
Волынская	774
Херсонская	650
Итого	11.333

Такимъ образомъ, малорусская колонія въ Петербургѣ имѣетъ въ своей средѣ однихъ крестьянъ свыше 11 тысячъ; очевидно, приведенная выше цифра—1513 ч.—вовсе не выражаетъ дѣйствительнаго числа лицъ, для которыхъ малороссійскій языкъ былъ материнскимъ. Намъ могутъ возразить, что въ перечисленныхъ губерніяхъ не все крестьянское населеніе можно относить къ малорусской народности, такъ какъ на сѣверѣ черниговской губерніи есть достаточно крестьянъ-великороссовъ, на западѣ подольской губ. встрѣчаются молдаване и т. п. Но за то нами не приняты въ разсчетъ такія губерніи, какъ воронежская, курская, донская обл., гдѣ малороссы составляютъ значительную часть населенія, такъ что во всякомъ случаѣ выведенная нами цифра скорѣе меньше дѣйствительнаго числа находящихся въ Петербургѣ крестьянъ-малороссовъ. Правда, не всѣ живущіе въ Петербургѣ крестьяне малорусскаго происхожденія представляютъ пришлый элементъ; часть изъ нихъ—и даже довольно значительная—родились въ самомъ Петербургѣ и, слѣдовательно, лишь номинально числятся крестьянами южныхъ губерній, на самомъ дѣлѣ являясь уже коренными петербуржцами. Для этой части, быть можетъ, дѣйствительно, малороссійскій языкъ пересталъ быть роднымъ, но если мы и исключимъ петербургскихъ уроженцевъ изъ общаго числа крестьянъ, приписанныхъ къ малорусскимъ губерніямъ, то все же этимъ не приведемъ въ соотвѣтствіе статистики родного языка съ статистикою происхожденія. Всего, по восьми указаннымъ выше губерніямъ, крестьянъ, родившихся въ Петербургѣ, насчитывается 2.172, а слѣдовательно—прибыло въ Петербургъ изъ малорусскихъ губерній—9.161. Но едва ли будетъ ошибочно предположеніе, что родившіеся въ Петербургѣ крестьяне представляютъ собою членовъ семействъ крестьянъ,

прибывшихъ сюда изъ другихъ губерній, и, слѣдовательно, далеко не безспорно утвержденіе, что для этой части крестьянъ-малороссовъ роднымъ языкомъ сдѣлался русскій.

Менѣе несомнѣнный этнографическій элементъ представляютъ малорусскіе мѣщане, которые даже на своей родинѣ являются уже довольно смѣшаннымъ населеніемъ, включая въ себя представителей разнообразныхъ національностей и, главнымъ образомъ, евреевъ. Не причисляя, поэтому, всѣхъ, отмѣченныхъ переписью, мѣщанъ изъ малороссійскихъ губерній къ малорусской колоніи Петербурга, мы думаемъ, однако, что и изъ этой группы не малая часть могла бы отмѣтить въ графѣ о родномъ языкѣ— «малороссійскій». Всего въ С.-Петербургѣ и пригородахъ, какъ мы упоминали, мѣщанъ числится 275.122. Изъ этого числа приписано къ малороссійскимъ губерніямъ: Кіевской 724, Херсонской 653, Харьковской 604, Черниговской 521, Полтавской 402, Волынской 266, Екатеринославской 216, Подольской 208, а всего— 3.594. Изъ этого числа 673 родилось въ С.-Петербургѣ, а остальные 2921 представляютъ пришлый элементъ.

Какой же характеръ носитъ пребываніе уроженцевъ малорусскихъ губерній въ Петербургѣ? Являются-ли они элементомъ непрочнымъ, временнымъ, каковы, напр., чернорабочіе, ежегодно массами приливающіе въ столицу въ строительный періодъ, съ тѣмъ, чтобы опять отхлынуть по окончаніи работъ,—или они осѣдаютъ въ Петербургѣ болѣе прочно, превращаясь мало по малу въ петербургскихъ старожиловъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ распредѣленіе родившихся внѣ Петербурга крестьянъ и мѣщанъ по возрастнымъ группамъ. Оказывается, что изъ общаго числа—9.161 крестьянъ-малороссовъ 2.643 лица или около 29% прибыло въ С.-Петербургъ въ 1900 г., остальные же 71% поселились въ немъ ранѣе года переписи, при чемъ 4.383 человѣка или около 48% общаго числа прибыли въ Петербургъ въ теченіе промежутка времени съ 1891 г. Если къ нимъ присоединить и прибывшихъ въ 1900 году, то число прибывшихъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія превысить 76% общаго числа переселившихся въ Петербургъ крестьянъ малороссовъ. Такимъ образомъ,

приливъ крестьянскаго элемента изъ малорусскихъ губерній носитъ особенно интенсивный характеръ за послѣднее десятилѣтіе, при чемъ въ большинствѣ случаевъ переселяющіеся въ Петербургъ крестьяне-малороссы остаются на болѣе или менѣе продолжительное пребываніе. Если мы сопоставимъ приведенныя цифры съ общими итогами, относящимися ко всему крестьянскому населенію Петербурга, то усиленіе прилива малорусскаго крестьянства въ сѣверную столицу за послѣдніе годы выступитъ еще ярче. Изъ общаго числа—718.410 крестьянъ, родившихся внѣ Петербурга, на десятилѣтіе 1890—1900 г. приходится 435.156 человѣкъ или всего около 62%, слѣдовательно—передвиженіе крестьянъ изъ немалорусскихъ губерній въ Петербургъ происходило гораздо равномѣрнѣе. Явленіе это станетъ совершенно понятно, если принять во вниманіе, что главную массу прибывающихъ въ Петербургъ крестьянъ составляютъ уроженцы губерній сѣверной полосы Россіи и что со второй половины разсматриваемаго десятилѣтняго періода началъ дѣйствовать нынѣшній желѣзнодорожный тарифъ, значительно удешевившій передвиженіе пассажировъ на далекихъ разстояніяхъ и, слѣдовательно, облегчившій переселеніе въ Петербургъ именно уроженцамъ дальнихъ губерній. Не остались, вѣроятно, безъ вліянія и постепенное усиленіе тѣсноты въ малорусской деревнѣ и тѣ экономическіе факторы, которые изъ года въ годъ увеличиваютъ передвиженіе крестьянъ-малороссовъ и въ болѣе отдаленныя окраины, чѣмъ Петербургъ.

Что касается мѣщанъ, то ихъ передвиженіе въ Петербургъ изъ южныхъ губерній также значительно усилилось въ послѣднее десятилѣтіе передъ переписью, но происходило оно съ гораздо большею постепенностью, чѣмъ передвиженіе крестьянъ. Изъ общаго числа 2.921 мѣщанъ, приписанныхъ къ малороссійскимъ губерніямъ и родившихся внѣ Петербурга, въ теченіе 1890—1900 г. прибыло въ Петербургъ 2.039 или около 70%, при чемъ на 1900-й годъ приходится всего 729 или около 25% общаго числа. Въ этомъ, болѣе раннемъ по сравненію съ крестьянами, тяготѣніи къ столицѣ сказывается бо́льшая подвижность мѣщанскаго сословія, не связаннаго съ землей, какъ крестьяне. Сопоставленіе

же съ общимъ числомъ проживающихъ въ Петербургѣ мѣщанъ приводитъ къ тому же заключенію, которое изложено выше по отношенію къ крестьянамъ,—что мѣщане изъ немалороссійскихъ губерній переселялись въ Петербургъ на жительство гораздо болѣе равномѣрно, нежели мѣщане-малороссы. Число прибывшихъ въ Петербургъ въ теченіе 1890—1900 г. мѣщанъ составляетъ 58.403 или всего около 45% общаго числа проживающихъ въ Петербургѣ, но родившихся внѣ его, мѣщанъ (131082).

Въ заключеніе остановимся еще на одномъ любопытномъ вопросѣ, по которому въ разсматриваемомъ изданіи имѣются статистическія данныя; это—вопросъ о степени распространенія грамотности въ тѣхъ слояхъ пришлаго крестьянства, изъ которыхъ преимущественно приходитъ отливъ къ Петербургу. Въ примѣненіи къ крестьянамъ малороссамъ, вопросъ этотъ, какъ увидимъ ниже, пріобрѣтаетъ спеціальный интересъ. Для ясности, сопоставимъ свѣдѣнія о грамотности крестьянъ малорусскихъ губерній въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи:	Число грамотныхъ:	% къ общему числу:
Полтавская	1.501	67,7
Кіевская	1.181	63,7
Харьковская	1.114	64,5
Подольская	1.110	63,9
Черниговская	780	63,9
Екатеринославская	676	63,9
Волынская	505	65,2
Херсонская	430	66,1
Итого	7.297	64,1
Всего по всѣмъ губерніямъ	491.263	54,0

Изъ этого сопоставленія вытекаютъ слѣдующіе любопытные выводы. Грамотность въ средѣ прибывающихъ въ Петербургъ крестьянъ-малороссовъ распространена гораздо шире, нежели среди крестьянъ немалороссійскихъ губерній, что и понятно,

такъ какъ самый фактъ переселенія въ Петербургъ предполагаетъ гораздо болѣе высокій уровень общаго развитія и болѣе широкій кругозоръ у крестьянъ, прибывающихъ изъ южной окраины, нежели у крестьянъ сосѣднихъ губерній, для которыхъ Петербургъ является обычнымъ центромъ притяженія и источникомъ заработка. Далѣе, изъ всѣхъ малороссійскихъ губерній, выселяющихъ своихъ крестьянъ въ Петербургъ, наиболѣе высокій процентъ грамотныхъ поставляютъ губерніи Полтавская и Херсонская, что нельзя не поставить въ связь съ энергичною просвѣтительною дѣятельностью мѣстныхъ земствъ; наименѣе грамотны крестьяне изъ Кіевской губерніи, что можно объяснить какъ общимъ низкимъ уровнемъ грамотности въ этой губерніи, какъ и тѣмъ, что кіевскіе крестьяне представляютъ болѣе подвижной элементъ, независимо отъ вліянія школы, а просто въ силу сравнительно бойкаго темпа промышленной жизни въ ихъ раіонѣ и благодаря относительно большему удобству сообщенія.

Абсолютныя числа прибывающихъ въ Петербургъ крестьянъ-малороссовъ, какъ мы видѣли выше, располагаются приблизительно въ такомъ же порядкѣ, какъ и число грамотныхъ. Первое мѣсто занимаютъ губерніи, больше всего выселяющія рабочихъ на отхожіе промыслы: Полтавская, Кіевская, Подольская, Харьковская. На послѣднемъ мѣстѣ стоятъ губерніи южной степной полосы, экономическіе интересы которыхъ тяготѣютъ болѣе къ югу.

Не останавливаясь подробно на распредѣленіи грамотныхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ малороссійскимъ губерніямъ, приведемъ лишь общіе итоги. Всего въ Петербургѣ числится такихъ мѣщанъ, какъ мы уже упоминали, 3.594; изъ этого числа грамотныхъ насчитывается 2.746, т. е. 76,4%, тогда какъ число всѣхъ грамотныхъ мѣщанъ въ Петербургѣ составляетъ 188.080 человѣкъ или всего 68% общаго числа мѣщанъ (275.122). Такимъ образомъ, и по отношенію къ мѣщанамъ малороссійскихъ губерній наблюдается тотъ же фактъ, который мы отмѣтили выше по отношенію къ крестьянамъ: переселяющіеся въ Петербургъ изъ малороссійскихъ губерній мѣщане находятся на болѣе высокомъ

уровнѣ по образованію, чѣмъ представители сословія мѣщанъ изъ другихъ, не малороссійскихъ губерній.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ краткій очеркъ главнѣйшихъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ результатовъ переписи 1900 г. по отношенію къ малорусскому элементу въ населеніи Петербурга. Послѣдующіе выпуски разсматриваемаго изданія, которыхъ ожидается еще три, по всей вѣроятности, будутъ заключать въ себѣ не менѣе интересный матеріалъ для характеристики населенія сѣверной столицы. Разсматривая это изданіе лишь съ опредѣленной точки зрѣнія, мы не коснулись множества любопытныхъ вопросовъ и выводовъ, для которыхъ статистика петербургскаго населенія даетъ матеріалъ,—но не можемъ не выразить удовольствія по поводу успѣшнаго хода разработки этого матеріала статистическимъ отдѣленіемъ петербургской городской управы. Остается пожелать, чтобы и данныя всероссійской однодневной переписи 1878 г., если только имъ суждено когда нибудь появиться на свѣтъ во всей полнотѣ. были разработаны съ подобною же тщательностью. Но даже и при этомъ условіи, какъ мы показали въ настоящей статьѣ, изслѣдованіе вопросовъ, спеціально относящихся къ малорусской народности, представляетъ рядъ немаловажныхъ трудностей, въ которыхъ приходится винить недостаточную ясность и опредѣленность положенныхъ въ основу переписи вопросныхъ листковъ.

А. Ирпенскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Штунда въ Волынской губерніи. Вопросъ о современномъ положеніи штундизма въ нашемъ краѣ представляетъ, конечно, громадный интересъ. Къ сожалѣнію, изученіемъ этого важнаго народно-общественнаго явленія изъ людей, оффиціально въ немъ не заинтересованныхъ, никто почти не занимается, и если въ печать проникаютъ о немъ какія либо свѣдѣнія, то единственно благодаря печатнымъ отчетамъ епархіальныхъ миссіонеровъ. Пользуясь такимъ отчетомъ за 1902 г., помѣщеннымъ въ одномъ изъ №№ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей» текущ. года (№ 10), извлекаемъ изъ него краткія свѣдѣнія о современномъ состояніи штунды въ Волынской губ.

Штунда появилась въ Волынской губ. въ 1870-хъ—80-хъ гг. подъ вліяніемъ нѣмецкихъ колонистовъ, а позднѣе, въ 90-хъ гг., руководство ею приняли главы кіевскихъ штундистовъ. Распространяется штунда здѣсь медленно и не прививается вовсе въ тѣхъ приходахъ, гдѣ прихожане находятся въ добрыхъ и мирныхъ отношеніяхъ со своими священниками.

Пунктами распространенія штунды считаются 11 приходовъ: Въ Житомирскомъ у.—м. Горошки, с. Малые Горошки, с. Дашенка, с. Миньковцы, д. Пекарщина, с. Райки, м. Черняховъ и приписная дер. Плехова, въ Заславскомъ у.—с. Конотопы, въ Луцкомъ—колонія Копче Романовскаго прихода, и въ Новоградъ-Волынскомъ—села Смолдыревъ и Суемцы. Всѣхъ штундистовъ въ Волынской епархіи 171 (86 мужч. и 85 женщ.). Опредѣленныхъ мѣстъ для молитвенныхъ собраній у штундистовъ нѣтъ, но тамъ, гдѣ ихъ больше, напр. въ с. Суемцахъ и д. Пекарщинѣ, они собираются въ своихъ домахъ по очереди, осо-

бенно у своихъ вожаковъ, при чемъ собранія посѣщаютъ и православные.

По мнѣнію г. миссіонера, штунда, какъ по происхожденію, такъ и по существу вѣроученія—секта иновѣрная, протестантская, развившаяся подъ вліяніемъ баптизма и сектантскихъ идей нѣмецкихъ братствъ—«штунде». Въ основѣ вѣроученія штунды лежитъ догматъ объ оправданіи одною личною вѣрою въ искупительныя заслуги Христа, ибо смертью Христа искуплены грѣхи всѣхъ людей, и кто вѣруетъ въ это, тотъ не имѣетъ грѣха въ себѣ, Спаситель держитъ его въ своей рукѣ, въ немъ дѣйствуетъ непосредственно Св. Духъ, а потому церковь со своими таинствами излишня. Отсюда вытекаетъ отрицаніе крещенія младенцевъ, таинствъ, какъ благодатныхъ средствъ, почитанія и призыванія Божіей Матери, угодниковъ, иконъ, храма, креста, молитвъ за умершихъ и всѣхъ церковныхъ обрядовъ. Штундизмъ, по мнѣнію о. миссіонера, дѣйствуетъ на крестьянъ тѣмъ, что предлагаетъ легкій путь къ спасенію, освобождая отъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ церковью: не нужны ни аскетическіе подвиги, ни обязательства по отношенію къ священнослужителямъ. Крестьяне увлекаются какъ простотою штундистскихъ молитвъ и пѣснопѣній, такъ и толкованіемъ по собственному разумѣнію Слова Божія. Изъ св. Писанія штундисты стараются извлечь то, въ чемъ надѣются найти опору своему ученію, отвергаютъ св. Преданіе и церковные обряды; молитвы и пѣснопѣнія для своихъ собраній составляютъ сами, заимствуя часто у лютеранъ и нѣмцевъ-баптистовъ. Держась ученія о спасеніи вѣрой, штундисты отрицаютъ значеніе добрыхъ дѣлъ, хотя миссіонеръ и признаетъ, что трезвостью и братскою взаимопомощью они превосходятъ православныхъ, чѣмъ и привлекаютъ сочувствіе къ себѣ православныхъ. О. миссіонеръ отмѣчаетъ также и отрицательныя качества штундистовъ, напр. гордость, своеволіе, непочтительность къ властямъ и т. п.

Руководителями и требоисправителями штундисты избираютъ изъ своей среды болѣе способныхъ и грамотныхъ и именуютъ ихъ пресвитерами. Пресвитеры управляютъ общинами и особенно заботятся объ устройствѣ собраній, въ которыхъ отражается религіозная жизнь штундистовъ. Собранія у нихъ - время молитвы, «преломленія хлѣба», пѣнія, толкованія Слова Божія. Собираются они наканунѣ праздниковъ и воскресеній и въ самые праздничные и воскресные дни, хотя собранія бываютъ и въ другіе дни, даже по нѣсколько разъ. Руководитъ

собраніями «пресвитеръ», замѣняющій для штундистовъ всю іерархію православной церкви. Онъ привлекаетъ новыхъ членовъ изъ православныхъ, открываетъ собранія, преимущественно толкуетъ слово Божіе, совершаетъ «преломленіе хлѣба», избираетъ пѣсни для пѣнія во время собраній, наблюдаетъ за порядкомъ, креститъ обращающихся въ штунду, вѣнчаетъ, погребаетъ и т. п. Главнымъ руководителемъ волынскихъ штундистовъ является одинъ изъ кіевскихъ штундистовъ, который не только посѣщаетъ ихъ на Волыни, но и является въ судѣ ихъ защитникомъ. Нѣкоторые изъ волынскихъ «пресвитеровъ» также пользуются особымъ вліяніемъ на своихъ единовѣрцевъ. Одинъ изъ нихъ съ дѣтства былъ въ услуженіи у нѣмцевъ, говоритъ по нѣмецки и женился на баптисткѣ; удаленный за распространеніе штунды изъ своего села, онъ поселился въ 5 верстахъ отъ другого села въ глухой лѣсистой и болотистой мѣстности. Другой, состоящій въ штундѣ болѣе 20 лѣтъ, пріобрѣлъ много послѣдователей.

Штундисты, развиваясь подъ вліяніемъ баптизма и идей нѣмецкихъ братствъ «штунде», составляютъ дружныя общины, въ которыхъ члены называютъ другъ друга «братомъ» и «сестрой». Каждая штундистская община представляетъ изъ себѣ нѣчто цѣлое, сплоченное; всѣ члены ея находятся въ постоянномъ взаимномъ общеніи другъ съ другомъ, взаимно поддерживаютъ другъ друга и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Эта сплоченность и взаимопомощь въ сектантскихъ общинахъ и составляетъ ту притягательную силу, которая привлекаетъ православныхъ въ штунду, а штундистовъ удерживаетъ отъ обращенія въ православіе. Православный идетъ въ штунду потому, что тамъ обѣщаютъ ему помощь въ нуждѣ, а штундистъ, хотя и убѣжденъ въ ложности штундизма, боится уйти въ православіе, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ лишиться матеріальной помощи своихъ единовѣрцевъ.—Для утвержденія въ сектѣ не вполнѣ утвердившихся въ ней, равно и для успѣшнаго совращенія православныхъ, появляются иногда среди мѣстныхъ штундистовъ пропагандисты сектанства изъ другихъ мѣстъ, какъ, напр., вышеупомянутый житель гор. Кіева.

Составляя общины и находясь въ самыхъ близкихъ и почтительныхъ отношеніяхъ къ своимъ вожакамъ, а также считая себя однихъ святыми и спасенными, штундисты къ православію и къ православнымъ относятся съ пренебреженіемъ и враждою, а особенно питаютъ они непримиримую ненависть къ духовенству. Въ большинствѣ слу-

чаевъ пропаганда между православными начинается съ униженія пастырей, которыхъ штундисты стараются какъ можно болѣе опорочить и обезславить въ глазахъ слушателей. Осуждая и понося пастырей церкви, штундисты, при бесѣдѣ съ православными, стараются посѣять въ нихъ сомнѣнія относительно чистоты провославной вѣры и церкви.

Впрочемъ штундисты, въ виду необходимаго и частаго столкновенія съ епархіальнымъ миссіонеромъ и другими лицами, высылаемыми въ зараженные сектантствомъ приходы по распоряженію духовной власти, по необходимости свыкаются съ ними и являются для слушанія бесѣдъ. Бывали случаи, что миссіонеръ, совершая литургію въ приходскихъ храмахъ, приглашалъ и штундистовъ для присутствованія при богослуженіяхъ и для слушанія наставленій и бесѣдъ, и сектанты приходили въ храмы, хотя иногда и не въ полномъ составѣ, слушали православное богослуженіе съ пастырскими бесѣдами и не тяготились 3-хъ или 4-хъ часовымъ стояніемъ въ церкви, при чемъ нѣкоторые изъ штундистовъ выражали даже чувства благодарности за вразумленіе и наставленіе, а тѣ, которые своими возраженіями испытывали терпѣніе проповѣдниковъ евангельской истины, часто извинялись въ концѣ бесѣдъ и просили прощенія, разставаясь по большей части въ мирѣ.

Кромѣ бесѣдъ нарочитаго миссіонера, въ отчетномъ году вели бесѣды съ штундистами и частныя лица, ревнующія о православіи, именно: въ дер. Пекарщинѣ житель гор. Житомира Викторъ Семеновъ Михайловъ и въ селѣ Суемцахъ воспитанникъ VI класса Волынской духовной семинаріи Николай Варжанскій. По наблюденіямъ миссіи, штундисты избѣгаютъ общераспространеннаго и давно усвоеннаго этой сектѣ правительствомъ названія штунды и, гдѣ слѣдуетъ—въ судахъ, на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ, при столкновеніи съ властями и въ житейскомъ быту—называютъ себя «евангельскими христіанами», «евангеликами», а чаще всего «баптистами». Это стремленіе сектантовъ начало особенно проявляться послѣ изданія въ 1894 г. закона, по которому штунда признается сектою особо вредною по своему направленію не только въ церковномъ, но и въ государственномъ отношеніи, при чемъ ограничены ея права въ отправленіи общественныхъ молитвенныхъ собраній; баптизмъ же, подъ которымъ разумѣется сектантство среди нѣмецкихъ колонистовъ,—секта дозволенная по закону 1879 года и даже уравненная въ правахъ, относительно

устройства своего церковнаго быта, съ инославными исповѣданіями, въ виду чего штундисты, наученные совѣтами и указаніями своихъ вожаковъ, теперъ всегда вездѣ, и особенно въ судахъ, отрицаютъ всякую связь со штундой, называя себя баптистами.

Въ другомъ номерѣ тѣхъ же Вѣдомостей (9) помѣщена небольшая замѣтка одного изъ свѣтскихъ миссіонеровъ-добровольцевъ, В. С. Михайлова, о его собесѣдованіяхъ съ штундистами въ д. Пекарщинѣ, житом. у., гдѣ онъ прожилъ около мѣсяца. Вначалѣ сектанты относились къ нему немного подозрительно, но скоро вполнѣ освоились съ нимъ, и едва онъ заходилъ въ какую-либо избу, какъ вокругъ него собирался довольно значительный кружокъ, и бесѣда иногда затягивалась до поздней ночи, а при прощаньи сектанты проводили миссіонера совершено дружески, иные даже со слезами. Вотъ какъ мало чуждаются штундисты общенія съ православными миссіонерами, если только послѣдніе приходятъ къ нимъ безъ атрибутовъ власти, съ любовью и искреннимъ желаніемъ просвѣтить ихъ словомъ истины! Очень интересны мысли и чувства самого В. С. Михайлова, съ какими онъ разставался съ сектантами. «Уѣзжая изъ Пекарщины,—пишетъ онъ,—я уѣзжалъ съ болью, потому что этотъ бѣдный народъ оставленъ почти на произволъ судьбы, и не объ однихъ жителяхъ Пекарщины я скорбѣлъ, но вообще о всѣхъ нашихъ малороссахъ. Нѣтъ у него ни друзей, ни руководителей; видитъ онъ вокругъ себя однихъ лишь чиновниковъ и повелѣвателей, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ всякаго хитраго проходимца принимаетъ за друга. Не находитъ онъ даже настоящаго утѣшенія и въ церкви; идетъ онъ туда въ большинствѣ случаевъ только по привычкѣ, но не получаетъ тамъ того настроенія, какое бы долженъ получить. Не слышитъ онъ нивнятнаго чтенія, ни хорошаго пѣнія, не слышитъ онъ живого, прочувствованнаго слова; не знаетъ онъ ни значенія священнодѣйствій, ни того, что онъ слышитъ въ церкви. И вотъ подвернется какой-нибудь сектантъ, начнетъ свою бесѣду о всѣхъ этихъ недостаткахъ, укажетъ на священника, какъ на наемника, служащаго для своей корысти,— и соблазнъ произведенъ. Или прійдетъ къ человѣку, чувствующему за собою какой-нибудь тяжелый грѣхъ, укажетъ ему на покаяніе, какъ на единственное средство для облегченія души, разъяснитъ ему значеніе покаянія—и тотъ на его сторонѣ. У священника онъ этого не слыхалъ; онъ прежде смотрѣлъ на покаяніе, какъ на извѣстную форму, необходимую для того, чтобы причаститься, но что такое при-

частіе, какой смыслъ имѣетъ исповѣдь—объ этомъ онъ имѣлъ самое смутное понятіе. И вотъ, не имѣя никакого понятія о православіи, не находя и въ церкви ничего такого, что бы его привязывало къ ней, онъ идетъ въ штундизмъ и идетъ исключительно для того, чтобы избавиться отъ священника, отъ матушки, отъ псаломщика и отъ всѣхъ тѣхъ требъ, исполненіе которыхъ для него сопряжено со всякаго рода неудобствами и непріятностями. Что же дѣлать, чтобы предупредить надвигающуюся грозу и чтобы возвратить церкви, если не всѣхъ, то хотя нѣкоторыхъ отпадшихъ? Прежде всего нужно, чтобы священники были друзьями народа, чтобы церковныя службы совершались истово; чтобы и въ псаломщики назначались лица благонадежные, хорошей жизни; еще лучше было бъ, еслибы они выбирались изъ крестьянъ же. Миссіонеру больше всего нужно имѣть искреннюю любовь къ народу, такъ какъ ни ученость, ни краснорѣчіе безъ любви не расположатъ къ нему сердце сектанта. Надо такъ дѣйствовать, кромѣ того, чтобы ни малѣйшаго повода не дать сектанту заподозрить миссіонера въ желаніи отличиться передъ начальствомъ».

Къ этимъ справедливымъ словамъ можно бы прибавить только одно: чтобы пастырское слово было живымъ и дѣйственнымъ, чтобы оно проникало къ сердцу пасомыхъ—оно должно произноситься на языкѣ народномъ, ибо только родная рѣчь можетъ найти дорогу къ сердцу человѣка. Когда пастырь поучаетъ прихожанъ на государственномъ языкѣ, онъ этимъ самымъ выдѣляетъ себя изъ народной среды и ставитъ себя въ разрядъ какъ бы чиновныхъ лицъ, обычно говорящихъ съ народомъ тѣмъ же оффиціальнымъ языкомъ. Послѣднимъ, какъ представителямъ государственной власти, можетъ быть, это и къ лицу—придаетъ имъ больше внушительности; но духовному отцу презирать родную рѣчь своихъ чадъ совсѣмъ уже не приходится.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края 1) *Къ исторіи Немировской гимназіи.* Въ августѣ 1838 года въ принадлежащемъ графу Болеславу Потоцкому мѣстечкѣ *Немировкѣ* должно было воспослѣдовать открытіе гимназіи. Директоромъ ея молва называла смотрителя Немировскаго уѣзднаго училища, поляка Миладовскаго.

Подольскій губернаторъ, въ донесеніи главному начальнику края, замѣчаетъ: нѣтъ сомнѣнія, что сіе послѣднее обстоятельство, съ одной

стороны, а съ другой—ласковое вниманіе, графомъ Потоцкимъ оказываемое дѣтямъ, привлечетъ туда большое количество учащихся, которыхъ и теперь уже въ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ до 430.

Губернаторъ предвидитъ, что населеніе мѣстечка, превышающее нынѣ 4000 душъ, сильно умножится; явятся въ немъ ученическія квартиры, мастерскія, «наконецъ, будутъ являться и такія, коихъ цѣль можетъ состоять въ развращеніи нравовъ и самыхъ умовъ обучающихся, и кои, при всемъ наблюденіи училищнаго надзора, могутъ имѣть въ томъ успѣхъ». Становому приставу справиться съ многосложными обязанностями не подъ силу, а потому испрашивается разрѣшеніе представить соображенія объ изъятіи мѣстечка изъ вѣдѣнія земской полиціи, съ учрежденіемъ особаго для него полицейскаго управленія въ такомъ порядкѣ: городничій, два квартальныхъ надзирателя; письмоводитель, писецъ, унтеръ-офицеровъ двое (изъ нихъ одинъ—исп. об. брантмейстера) и двадцать будочниковъ.

Генералъ губернаторъ, одобривъ предположенія подольскаго губернатора, представилъ о томъ въ Министерство, затребовавъ въ то же время свѣдѣнія отъ начальника волынской губерніи о положеніи дѣлъ въ м. *Клевани*, гдѣ гимназія уже существовала.

Въ донесеніи находимъ объ этомъ мѣстечкѣ слѣдующія свѣдѣнія: принадлежитъ оно князю Чарторыйскому; домовъ въ немъ 133, на половину еврейскихъ (75.); жителей обоего пола 2584 души. Гимназія помѣщается въ княжескомъ замкѣ. Состоитъ изъ директора, тринадцати учителей, четырехъ чиновниковъ и 333 учащихся въ семи классахъ. На квартирахъ у учителей размѣщены дѣти помѣщиковъ и болѣе достаточныхъ людей, прочіе учащіеся, по 8 и 10 человѣкъ вмѣстѣ, расквартированы у обывателей. Въ распоряженіи становаго пристава состоятъ: особый для мѣстечка смотритель, на жалованьи вотчинника, 1 тысяцкій, двое сотскихъ и четверо полицейскихъ служителей. Въ виду принятаго на себя княземъ Фридрихомъ Любомирскимъ обязательства построить къ 29 іюня 1840 г. зданіе для гимназіи въ г. Ровно, куда и будетъ переведено клеванское заведеніе, губернаторъ находитъ преобразованіе клеванской полиціи излишнимъ.

Между тѣмъ министерство, по поводу представленія подольскаго губернатора, отвѣтило, что, буде съ возникновеніемъ въ Немировѣ гимназіи явится дѣйствительная необходимость въ реорганизаціи полиціи, то пусть владѣлецъ на ея содержаніе изыщетъ средства, въ

ожиданіи чего становому приставу, по отношенію къ мѣстечку, предоставить права городничаго.

—

2) Христіанинъ въ роли Гамана на еврейскихъ „святкахъ", пуримъ именуемыхъ. Въ августѣ 1830 года изъ могилевской римско-католической духовной консисторіи пришло къ кіевскому генералъ-губернатору сообщеніе о томъ, что, проживающій въ с. Рейментарщизнѣ (Антоновка тожъ) дворянинъ Ѳома Я—скій уже нѣсколько лѣтъ какъ состоитъ корчемнымъ музыкантомъ и, невзирая на неоднократные уговоры приходского пастыря не играть въ *постные* дни, а въ святые дни воздерживаться отъ игры по крайней мѣрѣ во время богомоленій, не только продолжаетъ музицировать, но въ послѣднее празднованіе евреями ихъ святокъ, пуримъ именуемыхъ, въ память погубленія Гамана (24—25 февраля), договорился изображать самаго Гамана. Въ шинкѣ онъ принялъ въ задатокъ серебряный рубль, а затѣмъ, явясь на собраніе, по выпитіи водки, дозволилъ приправить себѣ пейсы и бороду, надѣть на себя покрывало, употребляемое евреями при богомоленіяхъ, затѣмъ всталъ среди хаты. Первоначально женатые и замужнія, затѣмъ холостые, дѣвицы и подростки, поочередно, стегали его приготовленными на сей случай плетенками (у простолюдиновъ именуемыми фитилями), толкали, «толкли головой объ стѣну» и, затѣмъ, сорвавъ уборъ, вытолкали «въ потылицу за двери».

Разслѣдованіемъ обнаружено явное несоблюденіе Я—скимъ приличій и публичное играніе на инструментѣ въ неуказанное время, но фактъ исполненія имъ роли Гамана какъ въ семъ, такъ и въ два предыдущіе года,—остался неустановленнымъ, а потому дѣло производствомъ прекращено и музыкантъ оставленъ въ Антоновкѣ на свободѣ.

—

3) Благородное похищеніе денегъ. Проскуровскій уѣздный судъ 30 октября 1847 года доносилъ генералъ-губернатору Бибикову о неприличномъ званію поведеніи кандидата при подольскомъ губернскомъ правленіи Т-аго, который, пользуясь болѣзнью и слѣпотою довѣрившагося ему дворянина Воленцкаго, владѣльца с. Кагуринецъ, присвоилъ себѣ банковые его билеты, на сумму до 19000 р. сер., заботясь «всѣми силами сдѣлать какъ бы *благородное похищеніе денегъ*».

—

4) Уважительная причина къ опредѣленію въ одну изъ придворныхъ конторъ. Въ бытность Императора Николая Павловича въ г. Кіевѣ въ 1847 г. нѣкій Михалевичъ, бывшій учитель кіево-печерскаго уѣзднаго дворянскаго училища, подалъ Его Величеству прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, изъяснялъ: «Пріѣздъ въ г. Кіевъ Вашего Императорскаго Величества очень облегчилъ снѣдающую меня чрезвычайную грусть и скуку, но отъѣздъ усугубилъ оныя, подобно, или еще гораздо болѣе, какъ отъѣздъ изъ Кіева Вашего Императорскаго Величества въ 1840, 1843 и 1845 годахъ»... На семъ основаніи. М. проситъ помочь ему добраться до С.-Петербурга, для помѣщенія «въ одной изъ придворныхъ конторъ»...

Высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

—

5) Тревога среди Дунаевскихъ колонистовъ. Въ 1831 году генералъ-адъютантъ графъ Красинскій вызвалъ изъ Царства Польскаго въ принадлежавшее ему мѣстечко Дунаевцы[1]) до 100 семей нѣмцевъ ремесленниковъ, которые не замедлили завести нѣсколько суконныхъ, чулочныхъ, экипажныхъ и другихъ фабрикъ.

Дѣла переселенцевъ на первыхъ же шагахъ пошли превосходно, но, побывавъ въ 1839 году на Нижегородской ярмаркѣ для сдачи законтрактованныхъ у нихъ суконъ, нѣмцы вернулись смущенные толками злонамѣренныхъ людей, увѣрявшихъ ихъ, будто по истеченіи десяти лѣтъ они будутъ обращены въ состояніе казенныхъ (государственныхъ) или помѣщичьихъ крестьянъ, подчинены рекрутской повинности натурою, обложены поголовно податьми и лишены права выѣзда за предѣлы уѣзда, въ коемъ водворены.

Крайне встревоженные этими слухами, нѣмцы стали подумывать и поговаривать объ уходѣ изъ Имперіи.

Объ этомъ узнали въ столицѣ, и въ 1840 г. министръ финансовъ просилъ генералъ-губернатора принять съ своей стороны мѣры къ предупрежденію выселенія и къ успокоенію умовъ, къ чему де,—существующіе законы, по надлежащемъ ихъ разъясненіи, совершенно достаточны.

Бросивъ помышленіе объ уходѣ, колонисты усердно принялись за работу, не соображаясь съ россійскимъ календаремъ. Бдительная полиція потребовала прекращенія занятій въ мастерскихъ въ табельные дни и церковные праздники, каковыхъ оказалось, по счету нѣм-

---

[1]) Мѣст. подольской губ. ушицкаго у.

цевъ, 37 дней, независимо отъ недѣль страстной и пасхальной; это побудило суконныхъ мастеровъ Андріяна, Захерта, Маге, Миттельштандта, Шебеля и каретника Маевскаго въ 1841 году жаловаться въ министерство финансовъ на притѣсненія.

По сему поводу графъ Канкринъ писалъ главному начальнику края, что, казалось бы, самимъ хозяевамъ, внутри домовъ, не слѣдуетъ воспрещать работать и въ праздники, если въ работу не употребляются посторонніе люди и *«работа не производится съ огласкою»*.

—

6) Дворяне татарскаго происхожденія въ юго-западномъ краѣ въ 1840-хъ годахъ. Въ 1844 году, по приказанію главнаго начальника края, изъ губерній доставлены въ Кіевъ слѣдующія свѣдѣнія о мѣстныхъ дворянахъ изъ татаръ. Въ губерніи кіевской татаръ, претендующихъ на дворянство, не оказалось вовсе. Въ Подоліи—въ с. Ковалевкѣ, брацлавскаго уѣзда, указано на 42 души, изъ коихъ потомственныхъ дворянъ двадцать два и двадцать однодворцевъ. Фамиліи первыхъ: *Богдановичъ* Мустафа, *Кѣнскій* Иванъ, *Ловчицкій* Самуилъ, *Смульскій* Салій, *Томкевичъ* Али и *Юзефовичъ* Стефанъ. На Волыни двадцать три семьи, изъ коихъ десять владѣютъ населенными имѣніями. Распредѣлены по уѣздамъ: въ новоградволынскомъ одна: *Лебедзь* Яковъ, въ острожскомъ, въ с. Тудоровѣ двадцать одна семья: *Ассановичъ* Мезимъ, *Асановичъ* Самуилъ Белялла, *Асановичъ* Самуилъ Мустафовъ, *Богдановичъ* Александръ, *Богдановичъ* Мустафа, *Дашкевичъ* Іосифъ, *Ждановичъ* Авелій, *Казимовичъ* Ив., *Козакевичъ* Ал-ндръ, *Лебедзь* Абрамъ, *Лебедзь* Самуилъ, *Лебедзь* Солиманъ, *Ломинскій* Ал-ндръ, *Мулла Имамъ Ахмуловичъ* Есманъ, *Муравскій* Самуилъ, *Солтыкъ* Ал-ндръ, *Солтыкъ* Іомеръ, *Солтыкъ* Яковъ, *Шахманцеръ* Самуилъ, *Янкевичъ* Леонтій, *Янкевичъ* Мустафа Стефанъ, и въ староконстантиновскомъ уѣздѣ одно—*Хуромовичъ* Юлій.

—

7) Жестокая расправа съ заподозрѣннымъ въ конокрадствѣ. Въ заславскій земскій судъ 10 мая 1848 года приставомъ представлены были при рапортѣ: однодворецъ Закржевскій и казенный крестьянинъ Пасынчукъ.

З. на допросѣ показалъ, что тому другой годъ, какъ у братьевъ его, неизвѣстно кѣмъ уведены съ подножнаго корма 6 лошадей, да у самого—одна лошадь. Крайне симъ огорченный, З. рѣшился вора

подкараулить. Истекшимъ великимъ постомъ его вниманіе привлекъ и подозрѣнія возбудилъ нищій, часто появлявшійся близъ двора, въ лѣсу. Съ 17 на 18 мая, ночуя съ мальчиками у костра, въ полѣ, онъ поутру увидѣлъ этого нищаго выходящаго изъ лѣса и, задержавъ его, сталъ спрашивать:—отчего безъ дѣла шатается? Увѣреніямъ, что единственная цѣль—сборъ подаяній, З. не повѣрилъ и рѣшилъ плѣннику залить глаза кипящимъ саломъ. Задержанному связаны были руки, а одинъ изъ мальчиковъ посланъ къ «бабѣ», за саломъ, но баба таковаго не отпустила. Тогда плѣнникъ былъ положенъ къ костру, а однодворецъ разгорѣвшимся бревномъ принялся жечь глаза своей жертвѣ... Провидѣніе, однако же, хранило Пасынчука: принятый на излѣченіе въ городскую больницу, онъ не лишился зрѣнія.

8) *Дѣйствительная мѣра къ ускоренію производства дѣлъ въ дореформенныхъ судахъ.* Въ 1830-хъ годахъ въ кіевской уголовной палатѣ образовалось значительное скопленіе неоконченныхъ дѣлъ. Комитетъ министровъ, обративъ на сіе обстоятельство вниманіе, 6 февраля 1834 года назначилъ двѣнадцатимѣсячный срокъ для рѣшенія тѣхъ дѣлъ. Къ 6 февраля 1835 г. число нерѣшенныхъ дѣлъ все еще было значительно. Тогда комитетъ продолжилъ срокъ еще на $4^1/_2$ мѣсяца, но съ оставленіемъ всѣхъ членовъ палаты и служащихъ безъ отпуска имъ положеннаго отъ казны денежнаго довольствія. Мѣра оказалась дѣйствительною и цѣль была достигнута.

Сообщ. **Алексѣй Мёрдеръ**.

Реестръ вѣновной 1774 г. Прилагаемый ниже «реестръ вѣновной» (подлинникъ) представляетъ собою документъ, сохранившій въ себѣ любопытныя подробности относительно того, какое и въ чемъ состояло приданное, которымъ въ XVIII в. надѣляли своихъ дочерей, при выходѣ ихъ въ замужество, наши предки. Упоминаемая въ прилагаемомъ документѣ, Марія Яковлева Зарудновна, судя по «реестру», невѣста была состоятельная и принесла своему мужу, войсковому товарищу Андрею Александровичу [1]), приданаго на двѣ тысячи рублей, что представляетъ собою сумму немалую, принимая въ расчетъ цѣн-

---

[1]) Предокъ Александровичей, имѣющихъ осѣдлость и до сихъ поръ въ мѣстечкѣ Воронежѣ, глуховского уѣзда, черниговской губерніи.

ность рубля въ XVIII в. сравнительно съ настоящимъ. Любопытенъ этотъ «реестръ» еще и въ томъ отношеніи, что въ немъ, помимо подробностей при описаніи костюмовъ и домашняго обихода, противъ всѣхъ предметовъ, составлявшихъ приданое, проставлены цѣны, дающія возможность судить о стоимости различныхъ предметовъ въ XVIII в.

Реестръ вѣновной, данній от мене ниже подписавшагося господину тестю моему, подсудку земскому повѣта остаповскаго, [1]), Якову Мойсѣевичу Зарудному, сколко мною принято, чего и на коликую сумму в приданное за дочерю его господина Зарудного, а моею женою, Маріею Яковлевною дочерю Зарудновною разнимы часы до сего 1774 года іюня по десятое число:

Коляску критую новую вибитую зеленимъ сукномъ съ новою оковкою съ окошко, цена	70 р.
Четверню лошадей съ новыми хамутамы, уздамы, недоуздкамы, лѣнцямы и другимъ конскимъ уборомъ, цена	100 р.
Четверо воловъ, с коихъ я всякой продалъ по десяти рублей, итого	40 р.
Готовихъ денегъ получилъ я	200 р.
Приехавши первой разъ в гостѣ получилъ сто овецъ зъ ягнятамы и десять барановъ, которіе и проданы мною в Хоролѣ за	130 р.
Принялъ тогда жъ десять коровъ и двохъ бугаевъ, которіе мною и проданы	60 р.
Принялъ тогдажъ десять кобылицъ съ четирмя стригунами и едного жеребця, которіе мною и проданы за	120 р.
Вдобавокъ того прислано в Воронѣжъ четверо лошадей въ	50 р
Да тогожъ года прислано четиры корови	20 р.
Какъ била жена моя сама в гостяхъ, приняла готовихъ денегъ пятдесятъ рублей да пару лошадей в цену двадцать рублей	70 р.
В прошломъ 1772 годе въ февралѣ мѣсяцѣ чрезь швадра моего Федора Яковлевича господина Зарудного прислано трое лошадей	30 р.

[1]) Нынѣ м. Остапье, хорольскаго у.

Да сего 1774 года июня 10 принялъ семеро лошадей, двѣ кобылицъ да пять лошаковъ молодихъ	110 р.
Да тогожъ года на покупку грунтовъ получилъ .	90 р.

Съ фантей принялъ:

Кунтушъ штофу французкого новой, подбитой блакитною тафтою съ золотою круговою сѣткою и усамы	70 р.
Кунтушъ красной грезетной новой, обложенной круговою золотою сѣткою и усамы	40 р.
Ребронъ перепелной съ юпкою жъ перепелною и съ окладкою серебраною круговою	60 р.
Юпка люстровая чорная, новая съ гасомъ . . .	20 р.
Запаска штофовая голубая новая	7 р.
Юпка голевая (sic!) красная новая	8 р.
Юпка ситцевая чорная	6 р.
Карсетъ перепеловой новой з гасомъ золотимъ .	10 р.
Карсетъ люстровой красной съ сребною сѣткою .	6 р.
Шнуровка раптовая по жолтому канавачу . . .	3 р.
Шапочка маленкая парчевая новая	5 р.
Кофта gрезетная зеленая	12 р.
Кофта тафтяная	7 р.
Кофта полситцева алая	5 р.
Постѣль тахтяная зеленая новая, какъ-то: шесть наволочокъ, простира круговая, павилёнъ и ковдра на бавелнѣ	50 р.
Мантилія оберова по белому цветами	6 р.
Другая мантилія грезетная белая подъ . . . [1]) хуторцемъ (х. вм. ф.?)	6 р.
Платковъ четиры	10 р.
Кунтушъ суконной тонкой с позументомъ	15 р.
Юпка, зшита по полотнѣ разною синѣлью . . .	4 р.
Шапка парчевая новая футерная	6 р.
Шуба футерная новая блакитной гразеты под самимы запонкамы	60 р.

[1]) Слово не разобрано.

Другая шуба новая красного полутабенку под шлямамы	30 р.	
Третья шуба новая алого камлоту водянистого под чорными смушамы	12 р.	
Килимовъ три большихъ: еденъ жолтой въ десять аршинъ, другой блакитной, а третой чорной	35 р.	
Другая шапка зимняя чорного бархату с куницею	3 р.	50 к.
Коверецъ еденъ	5 р.	
Рубашекъ женскихъ сорокъ	50 р.	
Мужескихъ рубашекъ царъ десять	8 р.	
Скатертей семь	7 р.	
Скатерть одна шленская болшая	3 р.	
Салфетъ сорокъ	8 р.	
Утиралниковъ семъ	4 р.	
Простиръ двѣ	2 р.	50 к.
Да двѣ простиры шленскіе	6 р.	
Павиліонъ паспетой (sic!) полотняной	2 р.	
Перелъ низокъ десять	160 р.	
Ланцюжокъ золотой въ пятнадцять червонихъ . .	40 р.	
Перстней золотихъ два: еденъ с камушкомъ, а другой гладкой	15 р.	
Серебрянихъ чарокъ двенадцать	14 р.	
Подносъ сребной	18 р.	
Цѣнѣ разной посуды пудовъ два	25 р.	
Чайникъ жолтой мѣди	1 р.	50 к.
Чайникъ красной мѣди	1 р.	
Чашекъ паръ четиры фалфурнихъ	3 р.	
Шесть наволочокъ швабскихъ	8 р.	
Восемъ подушокъ с кужѣлнимы наволочками . .	6 р.	
Пуховикъ болшой	2 р.	
Ковдра виболваная новая	5 р.	
Сундуковъ деревянихъ большихъ малеванихъ съ оковкою	8 р.	
Погребецъ съ фляшкамы фрусталнимы	1 р.	50 к.

Итого всего мною принято по сему реестру на сумму двѣ тысячы рублей. Сей вѣновной реестръ своеручно писалъ и подписался при своей печаты войсковой товаришъ Андрей Александровичъ. Къ

сему вѣновному реестру по персоналному прошенію господина войскового товариша Александровича съ приложеніемъ печатей своеручно подписались: войсковой товаришъ.., войсковой товаришъ Лука... (фамиліи разобрать нельзя).

Въ концѣ «реестра» есть запись, что онъ былъ представляемъ въ земскій судъ повѣта миргородскаго, а оттуда перенесенъ былъ въ земскій судъ повѣта остаповскаго, въ коемъ и записанъ былъ въ урядовую книгу на листахъ 75, 76 и 77 въ 1784 г. октября 28-го.

А. Шр—ко.

Баку. 1903 г. 7-го марта.

Купальскіе обряды въ сквирскомъ уѣздѣ. Вечеромъ 24 іюня 1902 года, въ селѣ Пархомовкѣ, сквирскаго уѣзда, кіевской губерніи, я наблюдалъ такую картину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви, на бугоркѣ, собралась кучка дѣвочекъ и мальчиковъ. Они стали о чемъ-то хлопотать. Черезъ нѣкоторое время притащили вѣтку вербы. Эту вѣтку закопали въ землю. Дѣвочки стали украшать вѣточки вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ. Окончивъ уборку, дѣвочки затянули пѣсни и хотѣли было сѣсть подъ вербою, но днемъ былъ дождь,—требовалось подостлать. Бросились въ дворы, принесли соломы. Усаживаясь, дѣвочки выталкивали мальчиковъ, но тѣ упорно лѣзли въ кругъ; дѣвочки уступили, и челядь ребятъ размѣстилась подъ вѣткой. Начались пѣсни. Пропѣвъ нѣсколько пѣсенъ, дѣти вставали, брались за руки и цѣлымъ сомкнутымъ кружкомъ ходили вокругъ вѣтки съ пѣсней, кланяясь вербѣ. Обойдя раза три, дѣти опять садились. Гулянье подъ вербой продолжалось больше часа; дѣти, видимо, были очень довольны своимъ праздникомъ Купайломъ. Пѣсенъ пѣлось много. Мальчики сидѣли не долго чинно, толкали дѣвочекъ, передразнивали ихъ, бѣгали одинъ за другимъ вокругъ «купайлыци» (такъ называли они вѣтку): гуляющіе становились все рѣзвѣй, рѣзвѣй... Когда рѣзвость дошла до высшаго напряженія, то мальчики съ пронзительнымъ крикомъ бросились къ вѣткѣ, чтобъ сломать. Дѣвочки хотѣли защитить дорогую для нихъ «купайлыцю», но куда!.. Среди визга, крика, смѣха, брани затрещала верба. Съ вербы всякъ хваталъ себѣ хоть что-нибудь, въ томъ числѣ и дѣвочки; еще минута, и площадка опустѣла.

Изъ своего дѣтства я помню, что этотъ вечеръ былъ самымъ отраднымъ. Мы гуляли, бывало, съ сверстниками у той «купайлыци»,

пока уже темно станетъ, тогда и вѣтки, по совѣту родныхъ, несли на огородъ въ огурцы, «щобъ рясни уродылы». Въ то время я еще видалъ, какъ взрослые парни шли чуть не съ цѣлою вербою изъ одного конца села на другой къ своимъ любимымъ «дивчатамъ на улыцю». А теперь большіе уже не носятъ вербъ своимъ «дивчатамъ», хотя поютъ «купальни» и взрослыя дѣвушки, обзывая въ нихъ своихъ «хлопцивъ» «недбайлыцямы».

Помѣщаю нѣсколько пѣсенъ Купайла.

1) Ой на Ивана,
На купайла,
Выйшла (имя дѣвушки),
Якъ та панна.
На неи хлопци
Заглядалыся,
Іи займаты
Стыдалыся.
Одынъ (имя парня)
Не стыдався,
Взявъ за рученьку—
Прывитався.

—

2) Ой плывала дощычка [1])
Пидъ млыномъ
Ой давала (имя дѣвушки)
Ручку двомъ,
Ой на тоби (имя парня)
Ручку мою,
А я тебе другою—
Обійму.
А я тебе другою
Обійму,
До свого серденька
Прыгорну.
До свого серденька
Прыгорну.
Щыру правдоньку
Розскажу.
Щыру правдоньку
Розскажу,
Черезъ кого на улыцю
Не хожу.
Не ходыла на улыцю,
Не пиду
Не любыла поганого –
Не буду.

—

3) Ой скакавъ коныкъ
Пидъ гречкою,
За нымъ (имя парня)
Зъ гнуздечкою.
Ой зажды коню
Загнуздаю,
Та поидымо
До Дунаю.
Ой до Дунаю
Воды пыты
А до (фамилія того, чья дочь)
Дивкы любыты.

—

[1]) Нѣкоторыя поютъ вмѣсто „дощычка“ „утонька“ пидъ млыномъ.

Ой на городи
Крокисъ порисъ...
Забравъ чортъ хлопцивъ,
Та й въ лисъ, понисъ.
Ой й на городи
Крокосытця,
Забравъ чортъ хлопцивъ,
Та й носытця.
Ходимъ дивчата
Дывытыся,
Якъ будуть хлопци
Казытыся.

—

Ой наши хлопци
Недбайлыци
Не вырубалы
Купайлыци.
Ой якъ бы воны
Про насъ дбалы,
Намъ купайлыцю
Вырубалы.
Намъ купайлыцю
Вырубалы,
Насъ на улыцю
Выклыкалы.

—

Ой молодая
Молодыце,
Выйды зъ вечора
На улыцю.
Выйды зъ вечора
На улыцю,
Поставъ дивчатамъ
Купайлыцю
Ой на городи
Катрапъ родыть,
А до (имя дѣвушки)
(Имя парня) ходыть.

—

Ой роды, роды
Катрапочку,
Ходы (имя парня),
Мій паночку.
Ой роды, роды
Жолудывый,
Ходы (имя парня),
Чорнобрывый.
Ой Петре, Павле,
Иване!
Уже жъ твоя петривонька
Мынае.

—

Уже жъ твоя петривонька
Мынае,
Половына вербонькы
Всыхае.
Половына вербонькы
Всыхае.
Половыны литечка
Немае.
Ой мала ничка
Петривочка,
Не выспалася
Невисточка.

—

До череды гнала,
То дримала,
На шпычкы очи
Повыймала.
На шпычкы очи
Повыймала,
На грудкы пальци
Позбывала.
Ой мала ничка
Петривонька,
Не выспалася
Невистонька.

—

Вставай, невистко,
Годи спаты,
Вже черыдонькы
Не выдаты.
Вже черыдонька
Въ чыстимъ поли,
А косарыкы
Въ зеленій диброви.
Сяяла зиронька,
Летила:
За кого ты (имя дѣвушки)
Хотила?

Ой за того, дивчата,
За того,
Ой за того (имя хлопця)
Молодого.
Сяяла зиронька,
Сяяла:
Съ кимъ ты (имя дѣвушки)
Стояла?
— А съ тобою (имя парня),
Съ тобою.
Якъ ясный мисяць
Зъ зорою.

—

— «Ой по чому ты мене
Пизнала;
Що ты мене мисяченькомъ
Назвала?
— А по тоби, (имя парня),
По тоби,
Сывая шапочка
На тоби.
Сывая шапочка
На тоби,
Чорніи чобиточкы
На нози.

—

Чорніи чобиточкы
На нози,
Золотый перстынь
На руци.
Золотый перстынь
На руци,
А самъ биленькый
На лыци.

—

(Варіантъ записанъ со словъ А. Лот., поющійся въ с. Лобочевѣ, таращанскаго уѣзда).

Сообщ. **Л. К.**

Потомокъ Семена Палія на службѣ въ полтавскомъ депутатскомъ собраніи. Съ 1833-го по 1859 г.г. столоначальникомъ въ Павловскомъ депутатскомъ собраніи служилъ нѣкто Иванъ Петровичъ Палѣй, называвшій себя потомкомъ извѣстнаго Семена Палія. Занималъ онъ штатную должность до 1848 года, а затѣмъ занимался частнымъ образомъ въ канцеляріи того же депутатскаго собранія. Лишился онъ штатнаго мѣста въ силу Высочайшаго повелѣнія о лишеніи его чиновъ коллежскаго регистратора и губернскаго секретаря, что случилось по настоянію управлявшаго государственными имуществами Арандаренка, которому сдѣлалось извѣстнымъ, что Палѣй, по ревизіи

1835 года, записанъ былъ въ число податныхъ, а потому и не имѣлъ права поступить на государственную службу и получать чины. Нуждаясь въ средствахъ къ жизни, онъ подалъ въ сентябрѣ 1859 г. слѣдующее прошеніе испр. должность губернскаго предводителя дворянства С. Н. Кованьку: «До двадцати шести лѣтъ продолжая службу въ полтавскомъ депутатскомъ собраніи, былъ я награжденъ чинами коллежскаго регистратора и губернскаго секретаря, но къ тяжкому несчастью, по неправильному вписанію меня въ ревизію 1835 года, а также по настоянію бывшаго управляющаго полтавскою палатою государственныхъ имуществъ Арандаренка, по Высочайшему повелѣнію, отъ 2 іюня 1848 года, сняты съ меня чины. Со времени совершенія надо мною этихъ несчастныхъ послѣдствій, я остаюсь безъ службы, занимаясь частно отпискою дѣлъ въ полтавскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи съ 1848 г. по настоящее время, получаю весьма ограниченное за труды мои вознагражденіе, изъ котораго имѣю скудное содержаніе семейства моего. Въ такомъ горестномъ положеніи, стѣсняясь жизнью, не имѣя средствъ содержать и пропитать семью, я вынуждаюсь предстательствовать у вашего превосходительства: обратите вниманіе на тяжкую участь состоящаго въ покровительствѣ вашемъ и не оставьте предложить на благоуваженіе общаго собранія г. г. предводителей дворянства и депутатовъ при выборахъ, имѣющихъ быть въ настоящемъ сентябрѣ мѣсяцѣ о вознагражденіи меня за труды мои, понесенныя въ полтавскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи. Къ сему прошенію подписался потомокъ полковника Семена Палія, Иванъ Петровъ Палѣй»... Собраніе предводителей вмѣстѣ съ депутатами опредѣлило выдать Палѣю двѣсти рублей „за усердную службу въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи». Впослѣдствіи Палѣю были возвращены чины и онъ былъ утвержденъ даже въ правахъ потомственнаго дворянства. Въ 1860 г. онъ вторично ходатайствовалъ о пособіи и о прибавкѣ жалованья въ видѣ вознагражденія за «безвинное страданіе въ теченіе 12-ти лѣтъ", но полтавское дворянство не вняло его просьбѣ. Впрочемъ, спустя нѣсколько лѣтъ ему была назначена пенсія 150 р. въ годъ. Въ 1866 г., въ виду появленія холеры въ Харьковѣ и Кременчугѣ, Полтава была раздѣлена на 9 участковъ; подчиненныхъ завѣдыванію избраннымъ губернскимъ предводителемъ дворянъ, и въ число завѣдующихъ однимъ изъ участковъ былъ и И. П. Палѣй. На какомъ основаніи онъ именовалъ себя потомкомъ Семена Палія, у котораго, какъ извѣстно, не было сыновей—этотъ во-

просъ не подвергался изслѣдованію. Очевидно, продолжительная канцелярская служба въ депутатскомъ собраніи привела Палѣя къ убѣжденію, какъ нетрудно было въ то время сочинить для себя какое угодно родословіе и безъ всякаго основанія выдавать себя за потомка любого гетмана или, если угодно, польскаго графа. (Двор. Архивъ, дѣло 1859 г., по описи № 53).

И. Ф. Павловскій.

Вирши о смерти въ синодикѣ XVIII ст. Въ архивѣ Николаевской церкви с. Куреня, конотопскаго у., черниг. губ., хранится Синодикъ, писанный съ 1734 по 1816 г. На первомъ листѣ его изображена смерть въ видѣ человѣческаго скелета, съ косою и заступомъ въ рукахъ, а внизу—люди разнаго пола и возраста. Всѣхъ фигуръ пять. На оборотѣ этого листа замѣтка: «Сія кніга, глаголемая Сінодікъ, создася въ селѣ Куренѣ, стараниемъ же и коштомъ освященого пресвитера Афанасія Кибальчича, отъ него же дарствіемъ и нагородою изволися мнѣ Иоану Максимовичу, на тотъ часъ боудучому подъячому курѣнскому. Пісана сія книга в Коуренѣ, при церквѣ святителя Христова Николая, 1734 году, м-ця апрѣля 10 дня.

Далѣе слѣдуютъ вирши·

О смеръте, смеръте! Ти еси страшна́я.
Вижду, же в тебе коса замашная.
Безъ желѣза и безъ всякого оружия
Творишъ людей немощнихъ и недолужния.
На кого очима своима позришъ,
То воскорѣ его и мертва сотворишъ,
Ни в малое не попускаешъ вщадѣние,
Но вскорѣ берешъ во свое владѣние.
Но ти и малихъ отрочатъ
Приводишъ до небесныхъ оградъ;
Не единыхъ молодиковъ и дѣвицъ,
Не срамляешся и всякихъ лицъ.
Святителей и патриарховъ
И всякихъ иераръховъ;
Священического и дияконского чина не минаешъ,
Такожде и иноческого велми не оставляешъ;

Яко же превысочайшихъ імператоровъ і императрицъ,
Такожде и зѣло славнихъ царей и царицъ;
Необходно великихъ князей
И всякихъ пресловутихъ государей.
Славнихъ и храбрихъ гетмановъ,
Якоже и прочиихъ登 становъ.
Славние рицаре зѣло бываютъ,
Но и тие на Марсовомъ пляцу полѣгаютъ;
Но и всякого воинъского чина
Смертная постизаетъ вскорѣ година;
Премудрихъ риторовъ и философовъ,
Такожде теологовъ и остроновъ,
Яко и купеческихъ зѣло богатырей,
Но и всякого стану господарей;
И старихъ, лѣтами, но и тихъ не оставляешъ,
Больныхъ, калѣкъ, сиротъ, вдовъ, странними не переберѣраешъ,
Всякий возрастъ и чинъ аки траву косишъ,
Найбарзе часто человѣческій родъ ко гробу носишъ.
Здѣ и мы, смерте, на тя взираемъ,
Того жде и себѣ ожидаемъ
В сіи временние лѣта
Скоро преселитися отъ сего свѣта
Имѣетъ тя, смерте, острогу,
Же мѣемъ отъсемъ прейти ко Богу,
Во землю вселитися
И во гробъ положитися,
И тамо вѣчне пребывати,
А лице Господа Бога нашего во вѣки вѣкомъ
Сподоби насъ всѣхъ оглядати.

Амынь.

Сообщ. І. **Егоровъ**.

Текущія извѣстія.

Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ юго-западныхъ губерніяхъ. Опубликовано о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣло земскаго хозяйства въ 9-ти западныхъ губерніяхъ.

Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ губерніяхъ Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской вѣдаетъ дѣла о мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ названныхъ губерній и ихъ уѣздовъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ каждой губерніи образуется изъ губернскаго и уѣзднаго комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства, изъ губернской и уѣздной управы по дѣламъ земскаго хозяйства. Губернскимъ комитетамъ по дѣламъ земскаго хозяйства присваивается распорядительная власть по дѣламъ управленія. Уѣздные комитеты созываются для подготовительнаго обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ земскаго хозяйства. Исполнительныя дѣйствія по земскому хозяйству возлагаются въ губерніяхъ на губернскую, а въ уѣздахъ—на уѣздную управы.

Преобразованіе повелѣно ввести въ дѣйствіе въ губерніяхъ Витебской, Минской, Могилевской въ теченіе 1903 г., предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ относительно времени введенія въ дѣйствіе этихъ преобразованій, въ губерніяхъ Виленской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской и Подольской испрашивать установленнымъ порядкомъ законодательное разрѣшеніе. Съ преобразованіемъ новыхъ учрежденій управленія земскимъ хозяйствомъ мѣстные приказы общественнаго призрѣнія, а также должности дѣлопроизводителя при губернскихъ распорядительныхъ комитетахъ упраздняются. Вновь образуемымъ учрежденіямъ передаются дѣла, подвѣдомственныя приказамъ общественнаго призрѣнія, дѣла по губернскимъ земскимъ повинностямъ, дѣла по управленію врачебно-ветеринарной частью въ уѣздахъ и дѣла по взаимному губернскому страхованію имуществъ («Южн. Кр.», 772).

Новыя губерніи на Волыни. Есть слухъ, что рѣшено Волынскую губернію, состоящую изъ 12-ти уѣздовъ, раздѣлить на 2 губерніи: одну—съ губернскимъ городомъ Житомиромъ, другую—съ Луцкомъ. При новой житомирской губерніи останется 8-мь юго-восточныхъ уѣздовъ нынѣшней губ. Волынской, именно: Житомиръ, Овручъ, Староконстантиновъ, Звягель, Острогъ, Заславъ, Кременецъ и Дубно. Новая Луцкая губернія будетъ состоять изъ уѣздовъ нын. Волынской губ.: Луцкъ, Ровно, Ковель и Владиміръ-Волынскій; сверхъ того, къ ней будутъ присоединены изъ Люблинской губ.—Грубешовъ, Томашовъ, Яновъ, Холмъ и Бѣлграй и изъ Сѣдлецкой губ.—Влодава.

Съѣздъ славистовъ. 10—15 апрѣля въ С.-Петербургѣ происходили засѣданія членовъ предварительнаго съѣзда русскихъ славистовъ для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся предстоящаго съѣзда представителей славяновѣдѣнія. Иниціатива будущаго съѣзда принадлежитъ второму отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Сообщаемъ важнѣйшія для насъ свѣдѣнія о состоявшемся предварительномъ съѣздѣ. Съѣздъ былъ раздѣленъ на шесть секцій по вопросамъ: 1) объ организаціи съѣзда представителей славяновѣдѣнія 2),—о славянской энциклопедіи, 3)—объ изданіи церковно-славянскаго словаря, 4)—о славянской библіографіи, 5)—объ изданіи церковно-славянскихъ памятниковъ, 6)—о книжномъ дѣлѣ.— Въ засѣданіи 1-ой секціи 10 апрѣля было рѣшено созвать съѣздъ представителей славяновѣдѣнія въ августѣ или сентябрѣ будущаго 1904 года, созвать не только русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, но пригласить и частныхъ лицъ, а также русскія и иностранныя ученыя и правительственныя учрежденія, имѣющія отношеніе и соприкасающіяся съ славяновѣдѣніемъ.

Будущій съѣздъ разобьется на слѣдующіе 7 отдѣловъ: языкъ, этнографія, литература (и искусство), исторія, археологія, право, общіе вопросы.—По вопросу о языкѣ, на которомъ будутъ дѣлаться доклады съѣзду, поставлено: *допустить къ чтенію на съѣздѣ доклады на всѣхъ славянскихъ языкахъ.* 2-ая секція высказалась за изданіе славянской энциклопедіи на русскомъ языкѣ; кромѣ того, рѣшено было, что желающіе, вмѣсто гонорара, могутъ получать оригинальные тексты своихъ трудовъ, въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, на ихъ родномъ языкѣ. Программа славянской энциклопедіи, по проекту второго отдѣленія академіи, очень обширна: въ нее войдутъ очерки исторіи славянъ, языка, въ его прошломъ и настоящемъ, литературы, искусства, исторіи культуры, этнографіи, діалектологіи, бытовой и художественной археологіи и юридическо-соціальныхъ отношеній. 4-ая секція рѣшила, что необходимо въ славянской библіографіи каждому народу дать отдѣльное мѣсто, придерживаться въ библіографіи принципа національнаго, какъ болѣе цѣлесообразнаго и практичнаго. Въ 6-ой секціи проф. Сумцовъ выразилъ желаніе, чтобы было возбуждено ходатайство объ устраненіи или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніи внѣшнихъ препятствій, которыя встрѣчаютъ иностранныя книги при выпискѣ ихъ въ Россію. Препятствіемъ является часто даже не содержаніе книги, а мѣсто ея изданія; напримѣръ, нельзя получить книгъ,

издаваемыхъ во Львовѣ. Было указано также и на то, что слѣдовало бы ходатайствовать объ облегченіи или снятіи цензуры книгъ по славяновѣдѣнію, такъ какъ часто даже профессора университетовъ не могутъ получать того, что хотятъ, а если и получаютъ заграничныя изданія, то въ совершенно испорченномъ видѣ. Находя, что послѣдній вопросъ внѣ компетенціи членовъ съѣзда, рѣшено было хлопотать объ облегченіи обмѣна изданіями, вообще. («С.-Петербургск. Вѣдом.», №№ 96—101).

Въ 425 № «Вѣстникѣ Юга» находимъ «Письмо въ редакцію» г. Ков.-Кол. по поводу постановленія предварительнаго съѣзда славистовъ: «допустить къ чтенію на съѣздѣ доклады на всѣхъ славянскихъ языкахъ». «Дѣйствительно ли на съѣздѣ будутъ пользоваться правомъ гражданства всѣ славянскіе языки и нарѣчія, на которыхъ существуетъ наука?.. Горькій опытъ послѣднихъ двухъ археологическихъ съѣздовъ Кіевскаго и Харьковскаго, когда на нихъ отсутствовали представители украинскаго «Наукового Товариства ім. Шевченка» (во Львовѣ), по причинѣ недопущенія на этихъ съѣздахъ украинской рѣчи, невольно заставляетъ остановиться на данномъ вопросѣ.

Хотѣлось бы надѣяться, что въ интересахъ чистой науки, далекой отъ всякаго политиканства, которымъ занимаются нѣкоторые ученые, этотъ «горькій опытъ» не повторится на предстоящемъ съѣздѣ славистовъ».

Запросъ о кобзаряхъ и лирникахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ начальникамъ губерній съ просьбой сдѣлать распоряженіе о приведеніи въ извѣстность проживающихъ въ губерніяхъ кобзарей и лирниковъ. Вотъ программа, по которой желательно собрать нужныя свѣдѣнія: 1) села, въ которыхъ кобзари и лирники имѣютъ осѣдлость, села, посѣщаемыя ими временно; 2) главнѣйшія біографическія черты тѣхъ и другихъ, какъ-то: когда кобзарь и лирникъ ослѣпъ, бывалъ ли въ городѣ, у кого учился кобзарскому искусству и на какихъ условіяхъ и пр.; 3) отношеніе крестьянъ къ кобзарямъ и лирникамъ, ихъ матеріальное житье-бытье, свойство и степень вліянія на окружающихъ; 4) адресы кобзарей и лирниковъ и ихъ портреты, если таковые имѣются, а также свѣдѣнія о томъ, существуютъ ли еще и гдѣ кобзарскія школы. («Кіевская Газета», № 123).

Забота Полтавской губернской земской управы о развитіи кустарныхъ промысловъ. Полтавская губернская земская управа въ настоящее время озабочена изысканіемъ средствъ и способовъ къ поднятію и развитію кустарныхъ промысловъ полтавской губерніи. Полагая, между прочимъ, что примѣненіе ко всякаго рода кустарнымъ издѣліямъ мѣстнаго малорусскаго стиля и орнамента, придавъ этимъ издѣліямъ опредѣленный своеобразный колоритъ, должно поднять мѣстный спросъ и содѣйствовать спросу за предѣлы губерніи, управа во всѣхъ подвѣдомственныхъ ей губернскихъ земскихъ мастерскихъ и школахъ съ начала нынѣшняго года, вводитъ, насколько и гдѣ это окажется возможнымъ, въ работы учениковъ мѣстный стиль, пользуясь старинными образцами.

Въ высшей степени желательнымъ представлялось бы вліяніе въ этомъ направленіи и на производства кустарей, хотя бы въ районахъ нахожденія уѣздныхъ земскихъ мастерскихъ при помощи послѣднихъ, что могло бы быть достигнуто какъ путемъ выполненія такихъ работъ самими мастерскими, такъ и путемъ заказовъ кустарямъ. Попытка такого рода, осуществленная 15-ю уѣздами губерніи, къ концу года могла бы дать, съ одной стороны, чрезвычайно любопытную картину порайонныхъ особенностей мѣстнаго творчества, а съ другой— богатый матеріалъ для дальнѣйшаго примѣненія стиля къ кустарному производству. Кромѣ того, концентрація подобнаго рода издѣлій на выставкѣ для продажи могла бы имѣть громадное значеніе какъ въ смыслѣ опредѣленія спроса, такъ и сбыта.

Съ этой цѣлью губернская управа предполагаетъ ко времени предстоящаго очередного губернскаго земскаго собранія въ концѣ 1903-го года устроить выставку-базаръ кустарныхъ произведеній полтавской губерніи со включеніемъ издѣлій всѣхъ земскихъ мастерскихъ какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ. По окончаніи этой выставки такую же выставку-базаръ кустарныхъ издѣлій Полтавской губернской управой предположено устроить въ Кіевѣ во время контрактовъ въ началѣ 1904-го года.

Въ виду изложеннаго губернская управа обратилась съ просьбою къ уѣзднымъ управамъ не отказать въ своемъ содѣйствіи и вліяніи на производство работъ въ указанномъ смыслѣ земскими уѣздными учебными мастерскими, а также путемъ заказовъ на производство издѣлій мѣстными кустарями, начавъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи немедленно съ полученія настоящаго отношенія, а затѣмъ,

къ концу ноября мѣсяца, по особому извѣщенію губернской управы, накопившіяся такимъ образомъ издѣлія прислать въ губернскую управу для устройства выставки.

Если бы исполненіе уѣздными мастерскими для выставки работъ по разнымъ отраслямъ кустарнаго производства встрѣтило затрудненіе въ недостаткѣ образцовъ, губернская управа, имѣя въ своемъ распоряженіи при естественно историческомъ музеѣ губернскаго земства нѣкоторые предметы стариннаго производства, главнымъ образомъ по ткачеству, могла бы, по заявленію уѣздной управы, представить, если окажутся на лицо, необходимые образцы.

При исполненіи работъ ткацкаго производства, уѣздныя ткацкія мастерскія могутъ пользоваться услугами ткацкаго инструктора, находящагося при губернской мастерской въ с. Дегтяряхъ, прилуцкаго уѣзда, слѣдуетъ адресовать ему приглашенія.

Походъ на украинофильство. Въ Петербургѣ, въ помѣщеніи «Русскаго Собранія» состоялось 16 апрѣля собраніе членовъ галицко-русскаго благотворительнаго общества, въ которомъ проф. варш. унив. Филевичъ сдѣлалъ сообщеніе о Галицкой Руси въ связи съ малорусскимъ вопросомъ. Проф. Филевичъ разобралъ исторію украинофильства, которое, зародившись въ Россіи, переселилось затѣмъ въ гор. Львовъ. Въ преніяхъ приняли участіе: проф. кіевск. унив. Флоринскій, профессора варш. унив. Смирновъ и Францевъ, а также профессора К. Я. Гротъ и пред. А. С. Будиловичъ. Всѣ участвующіе съ непонятнымъ ожесточеніемъ «уничтожали» украйнофильство. («Волынь», № 89 и «С.-Петербург. Вѣд.». № 103).

Въ собраніи того же общества 3-го мая редакторъ издатель «Славянскаго Вѣка» г. Вергунъ сдѣлалъ сообщеніе о галицко-русскомъ вопросѣ въ связи съ вопросомъ славянскимъ въ Австро-Венгріи. («С.-Петербургск. Вѣдом.»).

Литературно-музыкальные вечера въ память Т. Г. Шевченка. 17-го апрѣля въ Ставрополѣ Кавказскомъ состоялся концертъ подъ управленіемъ А. Кошица, съ большимъ художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ («Сѣверный Кавказъ», № 46).

3-го мая черниговцы, послѣ многолѣтнихъ тщетныхъ попытокъ, чествовали память великаго Тараса.

Нѣсколько лѣтъ подрядъ здѣсь добивались разрѣшенія устроить шевченковскій вечеръ, однако это, на видъ простое дѣло, представляло большія трудности. Тамъ далеко, въ столицахъ, концерты и вечера, посвященные памяти великаго поэта Украины—заурядное дѣло, а здѣсь, гдѣ неподалеку пѣлъ чудныя пѣсни старый Тарасъ, въ теченіе ряда лѣтъ не только не разрѣшались вечера, посвященные памяти Шевченка, но не слышно было ни малороссійской думки, ни малороссійской пѣсни.

Новый представитель высшей власти не раздѣлилъ мнѣніе прежняго, и Черниговъ получилъ возможность собраться на вечеръ въ память пѣвца Украины только въ настоящемъ году.

Иниціатива устройства вечера принадлежитъ черниговскому музыкально-драматическому кружку.

На сценѣ красовался портретъ Тараса Шевченка, обвитый и украшенный живыми цвѣтами съ кобзой, плахтами и рушниками у подножія портрета. Портреты, декорированные живыми цвѣтами, украшали также входъ и хоры. («Кіевская Газ».).

Къ открытію памятника И. П. Котляревскому. Намъ сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что талантливый украинскій композиторъ Н. В. Лысенко, въ виду предстоящаго открытія у насъ памятника И. П. Котляревскому, положилъ на музыку для хора и оркестра—кантату въ честь поэта и что эта кантата уже печатается и вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ. Конечно, было бы въ высшей степени желательно, чтобы это новое произведеніе композитора было бы публично исполнено впервые у насъ, подъ управленіемъ самого композитора. Но нужно, чтобы медлительная комиссія по устройству памятника оживила бы свою дѣятельность и безотлагательно вошла бы въ сношеніе какъ съ композиторомъ, такъ и съ туземными вокально-музыкальными представителями, въ томъ числѣ съ представителемъ лирниковъ и кобзарей, г. Хоткевичемъ. Въ противномъ случаѣ празднованіе открытія памятника народному поэту—при отсутствіи туземной народной музыки и пѣнія на родномъ языкѣ—можетъ представить нѣчто безпримѣрное, и едва ли комиссія и городское управленіе могутъ тогда разсчитывать на признательность современниковъ и потомства. («Полт. Вѣстн.», № 127).

Подготовительныя работы къ 13-му археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. 1) 28 апрѣля, въ г. Екатеринославѣ состоялось засѣданіе подготовительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда, подъ предсѣдательствомъ граф. П. С. Уваровой.

Главное вниманіе предположено обратить на районъ по рѣкамъ Донцу и Кальміусу до Азовскаго моря. Въ этомъ районѣ будутъ работать командированные археологическимъ обществомъ ученые Большаковъ и Городковъ и студентъ Харламовъ. «Городища» въ харьковской губерніи изслѣдуетъ г. Покровскій. Для раскопокъ въ Таврической губерніи, въ имѣніи графа Канкрина, гдѣ главное мѣстонахожденіе остатковъ готской культуры, командированъ проф. Эварницкій.

Изслѣдованіе же Самарскаго района уѣздовъ новомосковскаго и верхнеднѣпровскаго и береговъ Днѣпра въ его порожистой части принимаетъ на себя мѣстный Екатеринославскій комитетъ, и работы будутъ производиться подъ руководствомъ, наблюденіемъ и при личномъ участіи проф. Д. И. Эварницкаго. Комитетъ постановилъ: во исполненіе намѣченной программы, произвести съ помощью мѣстныхъ дѣятелей, въ особенности учителей народныхъ школъ изслѣдованіе мѣстонахожденій каменныхъ бабъ, кургановъ, пещеръ и древнихъ памятниковъ. составить имъ описаніе и снять фотографическіе снимки. Рѣшено также произвести этнографическое изслѣдованіе губерніи и устроить при съѣздѣ этнографическую выставку съ помощью спеціалистовъ, для чего просить губернское и уѣздныя земства ассигновать пособіе въ распоряженіе комитета. Гр. П. С. Уварова заявила, что къ открытію съѣздъ надѣется положить начало серьезному труду по изученію Херсонеса Таврическаго, гдѣ начало раскопокъ положено покойнымъ супругомъ графини. Всѣ добытые матеріалы будутъ представлены на разсмотрѣніе екатеринославскаго съѣзда.

Для соображеній при работахъ комитета и съѣзда представлено ходатайство въ центральный статистическій комитетъ о сообщеніи статистическихъ свѣдѣній по губерніи, добытыхъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ 1872 году. Дубликатъ этихъ свѣдѣній погибъ въ Екатеринославѣ, во время наводненія, вызваннаго ливнями. Въ число работъ съѣзда и комитета войдетъ изслѣдованіе о кобзаряхъ и лирникахъ, которыхъ, согласно ходатайству харьковскаго съѣзда. г. министръ внутреннихъ дѣлъ согласился принять подъ особую защиту и

покровительство администраціи. Изъ сообщенія гр. Ѳ. Э. Келлера выяснилось, что лирники существуютъ и въ екатеринославской губерніи, такъ какъ графу нѣсколько разъ приходилось выдавать имъ разрѣшенія на игру на ихъ инструментахъ на ярмаркахъ и въ другихъ мѣстахъ. Предварительные комитеты по устройству екатеринославскаго съѣзда открыты и въ нѣкоторыхъ др городахъ края, а гр. Ѳ. Э. Келлеръ предложилъ привлечь къ работамъ и дѣятелей екатеринодарскихъ,—области, близко связанной съ екатеринославскимъ козачествомъ, такъ какъ въ составъ тамошняго козачества несомнѣнно вошли потомки запорожцевъ. По предложенію Ѳ. А. Духовецкаго, въ виду изслѣдованія болгарскихъ древностей мѣстнаго района, черезъ который слѣдовали болгары при переселеніи съ Волги на Дунай, рѣшено привлечь къ работамъ съѣзда занимающагося изслѣдованіемъ болгарскихъ древностей директора археологическаго музея въ Константинополѣ, академика Ѳ. И. Успенскаго, а черезъ него—и болгарскихъ археологовъ. Что касается церковныхъ древностей, то до свѣдѣнія комитета гр. П. С. Уваровой доведено, что преосвященный епископъ Сvмеонъ рѣшилъ устроить епархіальное хранилище церковныхъ древностей. М. В. Родзянко заявилъ, что губернское земство приняло на свой счетъ печатаніе трудовъ мѣстнаго комитета по устройству съѣзда. („Придн. Край“, № 1801).

---

29 апр. происходило совѣщаніе Екатеринославскаго археологическаго комитета съ представителями дворянства. Засѣданіе открылъ рѣчью губернскій предводитель дворянства М. И. Миклашевскій, въ своей рѣчи М. И. отмѣтилъ важное значеніе избранія мѣстомъ будущаго съѣзда г. Екатеринослава, благодаря чему Екатеринославъ приравнивается къ университетскимъ городамъ; далѣе М. И. отмѣтилъ въ общихъ чертахъ задачи съѣзда, а также тѣ благіе результаты, которые можетъ имѣть съѣздъ для культурнаго подъема города и губерніи. Графиня Уварова въ обстоятельной запискѣ познакомила собраніе съ организаціей съѣздовъ и отмѣтила важное значеніе общественнаго сочувствія, впервые съ особой силой проявившагося на съѣздѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. Графиня познакомила детально собраніе съ тѣми вопросами, которые подлежатъ разрѣшенію съѣзда и указала въ чемъ могло выразиться содѣйствіе мѣстнаго общества и въ частности дворянства въ устройствѣ съѣзда. Д. И. Эварницкій отмѣтилъ весьма важное значеніе въ археологическомъ и историческомъ

отношеніяхъ нынѣшняго раіона съѣзда—Новороссійскаго края и въ частности екатеринославской губерніи. П. В. Каменскій обратился съ запросомъ, будутъ ли отпечатаны программы съѣзда, изъ которыхъ можно было бы болѣе подробно ознакомиться съ задачами, а равно выяснить въ чемъ могло бы выразиться участіе дворянства въ устройствѣ съѣзда. Послѣ обсужденія нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, возбужденныхъ членами комитета, засѣданіе было закрыто. («Вѣстн. Юга», 417).

2) 25-го апрѣля состоялось 1-е засѣданіе Харьковской подготовит. коммиссіи. Проф. М. Г. Халанскій отмѣтилъ, что одной изъ важнѣйшихъ задачъ современной науки о русскомъ языкѣ является изученіе мѣстныхъ говоровъ. Говоры харьковской губерніи изучены еще въ слабой степени, и онъ желалъ бы совершить нѣсколько поѣздокъ по харьковской губерніи къ предстоящему XIII археологическому съѣзду, чтобы собрать матеріалы о мѣстныхъ говорахъ.

Коммиссія вполнѣ присоединилась къ мнѣнію проф. М. Г. Халанскаго и постановила ходатайствовать передъ московскимъ предварительнымъ комитетомъ объ отпускѣ средствъ на эту экспедицію. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія постановила передавать проф. М. Г. Халанскому пѣсенные и другіе матеріалы по народной словесности харьковской губерніи, которые будутъ поступать на ея разсмотрѣніе, такъ какъ онъ выразилъ готовность заниматься изученіемъ и обработкой ихъ. Кромѣ того, М. Г. Халанскій изъявилъ желаніе составлять описаніе старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, если таковые будутъ поступать въ коммиссію.

Проф. Е К. Рѣдинъ сообщилъ, что въ бумагахъ бывшаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ осталось много весьма интересныхъ матеріаловъ, которые не могли быть использованы тогда надлежащимъ образомъ. Между этими матеріалами имѣется не мало такихъ, которые отличаются поэтическимъ характеромъ и собраны въ предѣлахъ харьковской губерніи. Краткій обзоръ матеріаловъ послѣдняго вида и былъ сдѣланъ докладчикомъ.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ, что изъ рукописныхъ замѣтокъ покойнаго проф. Ю. И. Морозова имъ извлечено много матеріаловъ по археологіи харьковской губерніи. Затѣмъ проф. Д. И. Багалѣй отмѣтилъ, что въ портфеляхъ харьковскаго историко-филологическаго

общества накопилось много интересныхъ въ научномъ отношеніи матеріаловъ по исторіи, археологіи и этнографіи, которые остаются ненапечатанными по недостатку средствъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ, что, кромѣ тѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, о которыхъ онъ доложилъ раньше, онъ имѣетъ еще много рукописныхъ замѣтокъ и сообщеній по археологіи и этнографіи екатеринославской, полтавской, курской и воронежской губерній и области Войска Донского.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ коммиссіи составленную имъ программу раскопокъ и другихъ археологическихъ изслѣдованій къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. Программа эта была доложена имъ въ январѣ текущаго года въ засѣданіяхъ московскаго предварительнаго комитета и имѣетъ цѣлью связать изысканія, произведенныя къ XII археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ, съ тѣми раскопками и изслѣдованіями, которыя будутъ производиться къ предстоящему въ г. Екатеринославѣ съѣзду. Какъ извѣстно, мысль созвать предстоящій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ возникла подъ вліяніемъ того соображенія, что необходимо продолжить изысканія, начатыя передъ бывшимъ въ Харьковѣ съѣздомъ, такъ какъ они намѣтили много интересныхъ вопросовъ, да и вообще юго-восточный уголъ Европейской Россіи слабо изученъ въ археологическомъ отношеніи. Поэтому проф. Д. И. Багалѣй предлагаетъ закончить нѣкоторыя раскопки въ предѣлахъ харьковской губерніи и продолжить ихъ затѣмъ въ предѣлы екатеринославской губерніи по рр. Бахмуткѣ и С. Донцу, а также по р. Калміусу до его устья. Если вѣрно предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что р. Калміусъ тождественна съ той р. Калкой, на которой произошла въ 1224 г. несчастная битва русскихъ съ татарами, то раскопки на ней представляютъ особенный интересъ для русско-славянской археологіи до-монгольскаго періода. Но раскопки на берегахъ этой рѣки важны и по той причинѣ, что она, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, служила съ самыхъ отдаленныхъ временъ важнымъ водным путемъ отъ Днѣпра къ Дону, и по ней совершалось обширное торговое движеніе Значитъ эти раскопки интересны не только съ точки зрѣнія русскихъ древностей до-монгольскаго періода, но онѣ могутъ еще доставить много цѣнныхъ данныхъ для топографіи Половецкой степи. Далѣе, по мнѣнію докладчика, эти раскопки интересны для изученія древностей болѣе поздняго времени, такъ какъ и знаменитый описатель Украины Гильомъ Бопланъ ука-

зываетъ на р. Калміусъ, какъ на составную часть пути изъ Поднѣпровья въ область р. Дона и Азовскаго моря. Конечно, раскопки по р. Калміусу не должны ограничиваться однимъ правымъ берегомъ его, ихъ слѣдуетъ перенести и на лѣвую сторону рѣки, въ предѣлы области Войска Донского. Въ харьковской губерніи было бы весьма желательно продолжить раскопки въ сѣверо-западномъ углу губерніи, въ ахтырскомъ, богодуховскомъ и сумскомъ уѣздахъ, гдѣ извѣстно много неизслѣдованныхъ кургановъ и городищъ; напримѣръ, обширная группа кургановъ находится около г. Сумъ, въ имѣніяхъ П. И. Харитоненка. Кромѣ того, необходимо продолжить изслѣдованія могильника и городища около В. Салтова, волчанскаго уѣзда. Верхне-Салтовское городище интересно, между прочимъ, и потому, что оно представляетъ остатки единственнаго каменнаго города въ предѣлахъ харьковской губ. Довольно значительные остатки укрѣпленій существовали тамъ еще въ XVII столѣтіи, и камень ихъ служилъ не только для мѣстныхъ построекъ, но возился даже въ Харьковъ, гдѣ изъ него сдѣлали первыя мостовыя. Поэтому, необходимо произвести правильное изслѣдованіе Салтовскаго городища и изучить при помощи пробныхъ раскопокъ топографію салтовскаго могильника, такъ какъ онъ далъ послѣ съѣзда въ Харьковѣ нѣкоторыя совершенно новыя открытія. Затѣмъ надлежитъ окончить изслѣдованіе Донецкаго городища и произвести изысканія на Хорошевскомъ городищѣ и въ его окрестностяхъ, гдѣ извѣстенъ могильникъ. Кромѣ того, необходимо изслѣдовать еще одно городище въ лебединскомъ уѣздѣ, такъ какъ оно представляетъ ту рѣдкую особенность, что могильникъ расположенъ на самомъ городищѣ. Наконецъ, желательно произвести раскопку кургановъ около с. Деркачей, въ имѣніи г. Любарскаго, и закончить изслѣдованіе могильника въ имѣніи г. Духовского, около с. Мерчина.

Заслушавъ сообщеніе проф. Д. И. Багалѣя коммиссія постановила просить московскій предварительный комитетъ объ отпускѣ средствъ, необходимыхъ для производства археологическихъ изысканій къ предстоящему съѣзду, при чемъ таковыя должны производиться по программѣ, составленной проф. Д. И. Багалѣемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія рѣшила обратиться къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ съ просьбой разрѣшить производство раскопокъ и другихъ изысканій на принадлежащихъ имъ земляхъ и оказать работамъ коммиссіи матеріальную поддержку.

Прив.-доц. Е. П. Трифильевъ заявилъ, что слѣдовало-бы продолжить раскопки въ купянскомъ уѣздѣ, гдѣ имѣется еще нѣсколько кургановъ съ каменными бабами.

Проф. Д. И. Багалѣй отмѣтилъ, что къ предстоящему съѣзду надлежитъ закончить изученіе архивовъ харьковской и сосѣднихъ съ нею губерній. Кромѣ того предложилъ посвятить XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ тѣ изданія историко-филологическаго общества, которыя это общество будетъ печатать къ съѣзду, такъ какъ археологическая коммиссія состоитъ при обществѣ и тѣсно связана съ нимъ. («Южный Край», № 7715).

Засѣданіе Екатеринославской архивной коммиссіи состоялось 23-го апрѣля. А. С. Синявскій доложилъ собранію, что въ теченіе перваго мѣсяца своей дѣятельности коммиссія предприняла слѣдующее: она обратилась во всѣ архивныя коммиссіи другихъ городовъ имперіи съ просьбой прислать свои ученые труды, на что весьма многія коммиссіи уже и откликнулись. Между прочимъ весьма цѣнное сочиненіе въ видѣ прекрасно исполненной фототипіи получено отъ Черниговской архивной коммиссіи.

На приглашеніе къ разнымъ оффиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ въ губерніи оказать содѣйствіе увѣдомленіемъ объ архивномъ матеріалѣ тоже откликнулись очень многіе. Полученъ отвѣтъ, напр. отъ Маріупольскаго исправника о томъ, что за многіе годы дѣла въ его учрежденіи проданы, а за нѣкоторые—хранятся въ полицейскомъ управленіи. Аналогичные отвѣты получены изъ Бахмута, Павлограда, гдѣ хранятся дѣла за 1795 годъ, изъ Славяносербска и др.

Между прочимъ Павлоградскій исправникъ прислалъ очень старый деревянный небольшой крестъ, съ желѣзнымъ на немъ распятіемъ. По поводу этого креста Я. П. Новицкій сообщилъ, что, по его личнымъ справкамъ, къ этому кресту приводили колодниковъ въ старыя времена при отобраніи показаній при полиціи.

Затѣмъ получено отъ г. Токмакова описаніе жизнедѣятельности 24 историческихъ лицъ нашей губерніи для помѣщенія въ трудахъ коммиссіи.

Постановлено просить губернскія и уѣздныя учрежденія прислать описи всѣхъ старыхъ дѣлъ, чтобы коммиссія могла рѣшить, какія изъ нихъ можно рѣшить подвергнуть уничтоженію и какія оставить.

Постановлено также для усиленія средствъ коммиссіи просить профессора Новороссійскаго университета г. Маркевича прочесть публичную лекцію по исторіи въ Екатеринославѣ осенью, на что предварительно уже и получено согласіе этого лица.

Профессоръ Д. И. Эварницкій заявилъ, что онъ предполагаетъ прочесть нѣсколько лекцій въ уѣздныхъ городахъ, чтобы, возбудить интересъ къ археологіи въ краѣ.

Поручено С. А. Бродницкому навести справки о томъ, чтобы получить разрѣшеніе на изданіе сочиненій Елагина, писавшаго романы и очерки, относящіеся къ бытовой сторонѣ Екатеринослава средины прошлаго столѣтія. («Вѣстникъ Юга», 411).

Археологическія раскопки кургановъ. Текущимъ лѣтомъ завѣдующимъ спб. артиллерійскимъ музеемъ археологомъ ген.-лейт. Н. Е. Бранденбургомъ, съ разрѣшенія Императорской археологической коммиссіи, будутъ совершены раскопки кургановъ въ кіевской и полтавской губ. Всѣ вещи, найденныя при раскопкахъ, поступятъ въ спб. артиллерійскій археологическій музей и въ хранилища историческихъ вещей Эрмитажа. («Биржев. Вѣд.», 189).

Музей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. Согласно докладу Правленія Екатеринославскаго Научнаго Общества (въ общемъ собраніи 6/V 1903), въ организаціи музея приняли участіе: 1) Екатеринославское губернское земство, ассигновавшее на постройку зданія музея 20000 руб.; 2) городъ Екатеринославъ, ассигновавшій 10000 руб. и отведшій мѣсто для постройки зданія; 3) губернское дворянство, ассигновавшее 5000 руб. 4) А. П. Струковъ 2000 руб. Постройка зданія ведется губернской земской управой.

Уставъ музея выработанъ и отосланъ на утвержденіе высшей власти. Общія основанія устава слѣдующія: а) музей есть самостоятельное учрежденіе, б) управляется представителями учрежденій—дворянства, земства, города и научнаго общества. Представители избираются этими учрежденіями. Основанія частныя: Въ музеѣ имѣется залъ засѣданій научнаго общества, в) отчетъ о дѣятельности музея отсылается на разсмотрѣніе вышеуказанныхъ учрежденій, а слѣдовательно и научнаго общества. («Вѣстникъ Юга», 425).

2-го мая въ засѣданіи комитета музея обсуждалась смѣта музея на 1903 годъ. Въ распоряженіи Екатеринославскаго научнаго общества для цѣлей музея имѣется 1298 руб. и ожидается еще къ полученію отъ уѣздныхъ земскихъ управъ 600 рублей. Вообще, какъ выяснилось въ засѣданіи, средства музея для пріобрѣтенія вещей и изученія мѣстнаго края крайне незначительны. Остается надѣяться на сочувственное отношеніе и посильную помощь интеллигентнаго населенія, на то, что музей будетъ пополняться добровольными пожертвованіями предметовъ, имѣющихъ значеніе историческое, археологическое, этнографическое и пр. («В. Ю.», 421).

Научная командировка. Хранитель Екатеринославск. музея им. А. Н. Поля г. Строменко командированъ совѣтомъ музея въ Никополь для осмотра находящихся тамъ, по свѣдѣніямъ профессора Эварницкаго, въ частныхъ рукахъ запорожскихъ древностей. («Приднѣпровск. Кр.», 1812).

Открытіе древнихъ каменныхъ сооруженій въ г. Чигиринѣ. Въ Императорской археологической коммиссіи было получено изъ Чигирина сообщеніе о томъ, что тамъ на горѣ открыты остатки какого-то древняго каменнаго сооруженія. Коммиссія командировала для осмотра хранителя кіевскаго музея древностей и искусствъ В. В. Хвойко, который и совершилъ экскурсію въ Чигиринъ.

Чигиринская гора возвышается надъ городомъ саженей на 20. Ближе къ ея крайнему выступу со стороны, обращенной къ городу, В. В. Хвойко замѣтилъ каменную кладку, по расчисткѣ которой обозначились двѣ параллельныя каменныя стѣны, отстоящія одна отъ другой на 8 арш. Сооруженіе имѣло сводъ, провалившійся, какъ полагаютъ, во время бомбардированія въ 1675 или 1678 году. Г. Хвойко относитъ зданіе къ XV—XVI вѣкамъ. Въ нижней части той же горы, у подошвы ея, на берегу р. Тясмина, г. Хвойко нашелъ остатки другого каменнаго сооруженія, еще болѣе обширнаго. Кладка его, какъ и перваго, относится, судя по кирпичамъ, къ литовской эпохѣ. Въ народѣ есть преданіе, что тутъ «ще до турокъ» былъ монастырь съ большими подземными ходами, въ которые Дорошенко спряталъ свою казну, множество книгъ, бумагъ и проч. Въ верхней части горы, на плато, по сосѣдству съ остатками земляныхъ укрѣпленій, замѣчены

слѣды какихъ то деревянныхъ сооруженій, отъ которыхъ въ землѣ сохранились даже бревна. Мѣстами, внутри такихъ сооруженій, найдены большія полосы культурнаго слоя, а также полосы выжженной глины (повидимому, остатки очаговъ и развалившихся печей). Быть можетъ, это были казармы гарнизона чигиринской крѣпости. Систематическія раскопки чигиринской горы весьма желательны, такъ какъ онѣ могли бы обогатить науку цѣнными находками. Нужно помнить, что Чигиринъ—столица Б. Хмельницкаго и П. Дорошенка, много разъ подвергавшаяся осадамъ. Во время этихъ осадъ многое могло быть въ этомъ многострадальномъ городѣ спрятано въ землю и тамъ оставаться до сихъ поръ. На сѣверъ отъ города, по направленію къ Днѣпру, г. Хвойко нашелъ слѣды доисторической культуры: желѣзные и бронзовые наконечники стрѣлъ, кремневыя орудія и даже слѣды «трипольской» культуры. Еще ближе къ Днѣпру идутъ правильными рядами древніе курганы, въ томъ числѣ и такъ-называемые скиѳскіе. («С.-Петербургскія Вѣдом.», № 120.

Раскопки въ имѣніи Петрены. Директоръ одес. музея общества исторіи и древностей проф. Э. Р. фонъ-Штернъ возвратился, изъ поѣздки съ научной цѣлью въ имѣнье Петрены, бѣлецкаго у., гдѣ подъ его руководствомъ были произведены раскопки съ цѣлью отысканія древностей. На глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ отъ поверхности земли обнаружена масса предметовъ древности, относящихся къ самому отдаленному періоду исторіи человѣчества, именно—къ каменному вѣку. Въ Одессу прибудетъ цѣлый транспортъ добытыхъ при раскопкахъ археологическихъ древностей. Раскопки производились на землѣ, принадлежащей владѣльцамъ имѣнія Петрены гг. Бузни. Въ виду успѣха раскопокъ, онѣ будутъ продолжены. («С.-Петербургск. Вѣд.», 119).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 2083 руб. (см. № 5-й, стр. 116) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь прислано: 1) Изъ *Екатеринослава* отъ почитателей таланта—*150 р.;* 2) симья Лисака—15 р.; 3) *изъ Черкассъ—11 р.;* 4) *Л. Д.—10 р.;* 5) изъ *Херсона:* И. Коз.—5 р.,

А. Кон.—5 р., И. Зуб.—5 р., Г. Ков.-Кол.—3 р., Н. Черн.—2 р., Ф. Вас.—2 р., Манж.—2 р., А. Охр.—1 р., В. Сен.—1 р., Лон.—1 р., Е. Петр.—1 р., А. М. Ш.—1 р., Мар. Ков.—1 р, Никол.—50 к., А. Ш.—50 к., Х. Ив.—50 к., Бач.—20 к., Егор.—20 к. Макс.—15 к., всего—*32 р. 5 к.;* 6) черезъ г. *Н-скаго:* Лисовскій—5 р., Михалевичъ—5 р., Немоловскій—5 р., Нейманъ—5 р., Соболевскій—5 р., Амбражевичъ—5 р., Рошко—1 р., Здановичъ—1 р., Струменскій—1 р., Дибольдъ—1 р., Пшеборовскій—1 р., Киріякъ—1 р., Алексинскій—1 р., NN—1 р., Яблоновскій—2 р., всего—*40 р.;* 7) изъ *Мачухи* (полт. губ.): Ив. Фисунъ—1 р., Ст. Кузьменко—1 р., Хар. Гарькавенко—1 р., Ал. Замковый—1 р., Андр. Геращенко—3 р., Свящ. Ѳ. Булдовскій—1 р. 50 к., Ол. Булдовская—1 р. 50 к., всего *10 р.;* 8) Г.—*5 р.* Всего съ прежде поступившими—*2356 р. 50 к.*

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Къ вопросу объ „Академічнім Домі" во Львовѣ. Въ то время какъ русины-студенты покинули Львовскій университетъ, изъ общенародныхъ пожертвованій составился так. назыв. «академічний фондъ» для помощи сецессіонистамъ. По возвращеніи сецессіонистовъ комитетъ, распоряжавшійся «академічним фондом» обратился къ галицкому обществу съ запросомъ, что дѣлать съ остатками фонда (около 18.000 кор.). Молодежь на митингѣ въ 1902 г.—отвѣтила на этотъ вопросъ такъ: она обратилась къ комитету съ своимъ заявленіемъ—употребить остатки фонда на поддержку крестьянъ-стачечниковъ и передать ихъ спеціальному, междупартійному комитету. Это благородное, самоотверженное постановленіе было встрѣчено, конечно, восторженнымъ одобреніемъ. Но часть общества, отнесшись къ дѣлу болѣе вдумчиво и спокойно, высказалась за то, чтобы «академічний фондъ» расходовался на нужды самихъ же студентовъ. Въ X книгѣ 1902 г. «Літер.-Науков. Вістника» проф. Грушевскій въ замѣткѣ «Що зробити з академічним фондом»? подалъ проектъ—употребить остатки фонда на постройку общежитія—«Академічного Дому» для студентовъ-русиновъ. Мотивировано это было предложеніе слѣдующимъ образомъ. Начатая народомъ экономическая борьба потребуетъ *своихъ* фондовъ, и они будутъ созданы самими участниками стачекъ и русинскимъ обществомъ. Но «академічний фондъ» былъ собранъ на

нужды высшаго національнаго образованія; къ этому дѣлу общество не скоро вернется съ прежнимъ вѣчно памятнымъ одушевленіемъ; посему собранныя деньги нужно употребить соотвѣтственно ихъ первоначальному предназначенію.

Деньги вносились подъ лозунгомъ борьбы за «украінсько-руський» университетъ. Борьба эта продолжится до тѣхъ поръ, пока не осуществится мысль объ основаніи украинскаго университета. Деньгами, собранными для этой цѣли, нужно укрѣпить студенческую молодежь, облегчить ея численный ростъ и научныя занятія. Остатки фонда и поступающія обратно ссуды и должны быть употреблены на самую основную нужду студенческой молодежи—на улучшеніе матеріальной обстановки ея жизни. Въ Галичинѣ мало заботились о студентахъ. Укоренился взглядъ, что юноша, получившій аттестатъ зрѣлости, сумѣетъ и сможетъ самъ пробиться, безъ посторонней помощи. Межъ тѣмъ борьба за существованіе, забота о кускѣ хлѣба во время университетскихъ занятій и экзаменовъ не разъ истощала послѣднія силы студентовъ, такъ что они вступали въ жизнь изнуренными инвалидами, жаждущими покоя и доходнаго мѣста, а не дѣятельности, не говоря уже о томъ, что поиски средствъ существованія отрывали молодежь отъ научныхъ занятій. Беззаботность, небрежность или бережливость общества въ этомъ дѣлѣ приносили тяжелый ущербъ ему самому: вмѣсто свѣжихъ, энергичныхъ дѣятелей—больныхъ, утомленныхъ, измученныхъ «недобитків» съ смутными остатками вытверженныхъ къ экзамену дисциплинъ въ головѣ вмѣсто научнаго образованія. Такъ было до сихъ поръ. Въ будущемъ положеніе дѣлъ представляется еще печальнѣе, если не позаботиться о немъ заблаговременно. Въ послѣдніе годы, благодаря стараніямъ провинціальныхъ дѣятелей, въ гимназіи двинулись значительныя массы крестьянскихъ и мѣщанскихъ сыновей. Черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ первые, очень численные выпуски изъ новыхъ украинскихъ гимназій. Что будетъ дѣлать бѣдная студенческая молодежь во Львовѣ, когда число ея увеличится въ полтора, въ два раза, если и теперь такъ трудно найти заработокъ, который бы оставлялъ возможность научной работы?

Остатки «академічного» фонду наилучше употребить на устраненіе этого вопіющаго зла, необходимо немедленно приступить къ постройкѣ «Академічного дому» во Львовѣ. Съ восемнадцатью тысячами коронъ, оставшихся въ рукахъ комитета (17806 кор. наличными и

500 к. ссуды народному комитету) можно начать постройку. Къ нимъ будутъ прибавляться возвращенныя сецессіонистами ссуды; за 5 лѣтъ такихъ возвратовъ поступитъ тысячъ на 30. Не будетъ недостатка, конечно, и въ новыхъ пожертвованіяхъ на это въ высшей степени симпатичное и важное дѣло, когда оно войдетъ въ жизнь. Наконецъ, очень большихъ фондовъ оно и не требуетъ для начала.—Проф. Грушевскій предлагаетъ и нѣкоторыя детальныя соображенія по принципіальному вопросу о постройкѣ «Академічного дому». Нуженъ особый комитетъ, составленный наполовину изъ представителей отъ товариществъ студенческой молодежи, и наполовину изъ делегатовъ отъ болѣе близкихъ къ этому дѣлу «українсько-руських» обществъ (каковы Наукове Товариство імени Шевченка, Просьвіта, тов Педагогічне). Этотъ комитетъ долженъ приступить къ основанію академичного дома, а потомъ занять относительно него положеніе надзирающаго совѣта.— Землю для постройки дома долженъ бы дать магистратъ гор. Львова. Если же онъ, ослѣпленный шовинизмомъ, откажетъ, можно купить подходящее мѣсто въ какой-нибудь болѣе отдаленной части Львова, но въ близкомъ сосѣдствѣ съ университетомъ. Лучше построить новый домъ, по специальному плану, чѣмъ нанимать какое-нибудь давнее, мало пригодное зданіе.—За 60 тыс. кор. можно построить двухъэтажное зданіе, правда, безъ большихъ прихотей, но солидное, спеціально приспособленное, гдѣ бъ могли имѣть помѣщеніе 80 студентовъ. На первый разъ достаточно этого числа; съ дальнѣйшимъ ростомъ средствъ и усиленіемъ общественнаго интереса къ академичному дому можно будетъ основать другой и третій такой домъ.—Организація академическаго дома должна быть основана на принципѣ: *все какъ можно дешевле, ничего даромъ*. На *minimum* своего содержанія студентъ долженъ заработать, долженъ оплатить его сейчасъ, или—въ крайности—позже. Minimum долженъ быть очень невеликъ. Помѣщеніе (квартированіе въ комнатѣ, предназначенной для 4-хъ студентовъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ) обойдется не дороже 7 кор. въ мѣсяцъ, *столъ*—не дороже 15 кор. Жизнь, конечно, не роскошная; но здѣсь рѣчь идетъ о недостаточныхъ, которыхъ желательно охранить отъ голода и чрезмѣрной нужды.

Кромѣ матеріальной выгоды, получалась бы и нравственная польза. Общая жизнь въ Академичномъ домѣ способствовала бы солидарности, отучала бы отъ хожденія по ресторанамъ и кофейнямъ; (правда, львовскую молодежь и теперь нельзя сильно упрекать въ

этомъ); мѣсто послѣднихъ заняли бы студенческая столовая и читальня. Уменьшилось бы отсутствіе изъ города, сидѣнье по селамъ, и поднялся бы уровень научной работы.

Что касается содержанія Академ. дома, то хозяева его—изъ той же студенческой молодежи—будутъ знать матеріальныя и всѣ другія обстоятельства своихъ квартирантовъ-товарищей и охранятъ фонды отъ злоупотребленій. Каждый долженъ оплачивать свое содержаніе. Лишь въ исключительномъ случаѣ,—когда студентъ дѣйствительно не можетъ заработать и не имѣетъ откуда заплатить, ему кредитуютъ и записываютъ въ его счетъ. Этотъ счетъ, долженъ быть выплаченъ въ самомъ скоромъ времени; только преждевременная смерть, увѣчье или политическія преслѣдованія могутъ освободить отъ него. Извѣстно изъ горькаго опыта, что по окончаніи университета, добившись приличнаго содержанія, люди не выплачиваютъ своихъ студенческихъ долговъ, но это уже дѣло общественнаго контроля, общественной совѣсти. Студенческое общество, обнаружившее въ послѣднее время такую удивительную способность къ организаціи, можетъ привить своимъ членамъ добросовѣстное и честное отношеніе къ академичному фонду, къ этому «грошу бѣдныхъ».

Наконецъ, окажутъ поддержку и отдѣльные благотворители, и бывшіе воспитанники «Академічного Дому» и жертволюбивое украинское общество, - нужно только не оттягивать дѣла, а сразу поставить его на ноги, хоть и въ очень скромныхъ размѣрахъ для начала.— Двадцать тысячъ коронъ фонда—это самое благопріятное для начала условіе; стоитъ упустить его, и оно не скоро повторится. Имѣя 20 т. въ рукахъ, и обезпечивъ себѣ въ украинскихъ финансовыхъ учрежденіяхъ столько же ссуды, можно немедленно приступать къ постройкѣ, и черезъ годъ праздновать открытіе «Академічного Дому». Съ нимъ прибавилась бы новая твердыня народной силы, соціальнаго и культурнаго прогресса. Таковъ былъ проектъ и призывъ проф. Грушевскаго.

Дальнѣйшая судьба остатковъ «Академічного фонда» сложилась слѣдующ. образомъ. Такъ назыв. «Львівська громада» рѣшила употребить эти остатки на нужды студенческой молодежи и для распоряженія ими учредить особое товарищество. Проектъ устава такого Товарищества былъ предложенъ представителямъ львовскихъ Обществъ. Молодежь запротестовала противъ этого рѣшенія и проекта, (обиженная главн. образомъ тѣмъ, что проектъ почти исключалъ её изъ пред-

полагаемаго товарищества), постановила даже извѣстнаго рода бойкотъ противъ субсидій проектированнаго товарищества изъ суммъ академичнаго фонда. Послѣ этого «Львівська Громада» постановила—передать рѣшеніе вопроса объ академ. фондѣ собранію національно-демократической партіи. Въ декабрѣ состоялось собраніе представителей этой партіи—такъ назыв. «Народний з'їзд»; на немъ окончательно постановлено употребить «академічний фонд» на пособія стачечникамъ и лишь остатки—на нужды самой молодежи.

Что же сталось съ проектомъ «Академічного Дома»? Комитетъ академ. фонда сдѣлалъ противъ него нѣкоторыя возраженія и высказался за раздачу стипендій, какъ за лучшую форму употребленія фондовъ. Въ проектѣ устава Общества «Академічна Поміч», предложенномъ тѣмъ же комитетомъ, между разными формами помощи молодежи основаніе Академічного Дома было поставлено въ концѣ съ примѣткой—«коли буде можна»; въ такой комбинаціи проектъ терялъ всякое реальное значеніе. Студенческая молодежь, рѣшивъ передать остатки фонда стачечникамъ, также не дала ближайшей оцѣнки плана «Академічного Дома».

Общество украинское межъ тѣмъ оцѣнило проектъ и стало выражать ему свое сочувствіе: изъ Львова и изъ провинціи шли заявленія, что постройка Академічного Дома—очень важное и необходимое при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дѣло. Украинцы изъ Россіи также изъявляли желаніе жертвовать извѣстныя суммы на Акад. домъ, выговаривая, конечно, право пользоваться такимъ домомъ студентамъ изъ россійской Украины.

Съ другой стороны, нужда въ академичномъ домѣ среди студенческой молодежи сдѣлалась еще болѣе неотложной. Число студентовъ на свѣтскихъ факультетахъ, вынужденныхъ добывать себѣ средства на прожитье, возросло. Тѣмъ временемъ обостреніе національной борьбы стало отражаться на заработкахъ: при поискахъ уроковъ у студента спрашиваютъ, какой онъ національности, и узнавши, что онъ русинъ, отсылаютъ ни съ чѣмъ. Такой же успѣхъ имѣютъ и поиски другихъ заработковъ. Фонды «запомоги академічноі громади» исчерпались въ часы сецессіи. Когда студенческимъ крейцерамъ, привезеннымъ съ каникулъ или сбереженнымъ тяжкимъ трудомъ въ гимназіи, приходитъ конецъ,—начинается голодовка—«обѣдаютъ черезъ день или два, ужинаютъ еще рѣже». Въ такой нуждѣ молодежь те-

ряетъ здоровье, энергію и часто всякія идеальныя стремленія на вѣки.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ проф. Грушевскій снова выступилъ съ своимъ проектомъ въ замѣткѣ «В справі Академічного Дому» (Літерат.-Наук. Вістник, XII). Теперь онъ отстаиваетъ свой проектъ уже независимо отъ судьбы академичнаго фонда, употребленнаго на другую цѣль. Профессоръ обращается къ украинскому обществу съ призывомъ. Людей, сердцу которыхъ близко столь жизненное и необходимое дѣло, какъ академичный домъ, и которые могутъ оказать ему извѣстную матеріальную помощь, М. С. Грушевскій приглашаетъ заявлять о своемъ намѣреніи пожертвовать на академичный домъ извѣстную сумму—въ печати или другимъ способомъ.—Свое отношеніе къ изложенному проекту мы уже высказали въ І-ой кн. за 1903 («Къ положенію дѣлъ въ Галиціи», стр. 118).

Народная организація въ Галичинѣ. Въ виду новыхъ требованій жизни послѣдній народный з'їзд постановилъ—провести общенародную организацію всѣхъ русинскихъ силъ на всѣхъ поприщахъ общественной жизни во всемъ краѣ. Эта организація русиновъ должна охватить не только политическую (какъ было доселѣ), но и просвѣтительную дѣятельность народа.

Обязанность провести такую коренную реорганизацію возложена на народный Комітет.

Нынѣшняя народная организація. имѣетъ слѣдующій видъ:

1) Всѣ сторонники народнаго дома объединяются въ одну національно-демократическую партію.

2) Основами народной организаціи служатъ: а) краевое политическое общество «Народна Рада» во Львовѣ, б) съѣзды и комитеты партіи, в) повитовые организаторы и организаторы помощники.

3) «Народна Рада» во Львовѣ проводитъ въ жизнь народную организацію, обсуждаетъ на общихъ собраніяхъ и собраніяхъ членовъ народныя дѣла и является представительницей народной партіи тамъ, гдѣ нужно представительство общества, опирающагося на статуты.

4) «Народний з'їзд» является верховной рѣшающей властью, рѣшеніямъ которой всѣ члены партіи обязаны подчиняться. Исполнительную власть имѣетъ «Народний Комітет».

5) Въ «Народному з'їзди» участвуютъ: а) всѣ члены «народного комітета»; б) всѣ организаторы и ихъ помощники; в) выбранные на «повітових з'їздах» «повітові делегати» (не больше 10-ти изъ 1-го повіта).

6) «Народний Комітет» — двоякій: «тійснійший» і «ширший». Въ составъ «тіснійшого» Комитета входятъ: а) голова «Народноі Ради», какъ предсѣдатель; б) 6 членовъ «Народноі ради»; 6 членовъ выбранные въ него «народним з'їздом». — Въ составъ «Ширшого» входятъ: а) весь Комитетъ тіснійший; б) сеймовые и парламентные послы партіи; в) редакторы органовъ партіи; г) болѣе выдающіеся и дѣятельные члены, выбранные въ него «Народним з'їздом».

7) Въ каждомъ политическомъ повіті организація проводится на «повітових з'їздах».

8) Въ каждый повіт назначается одинъ организаторъ, ему даются помощники, по 1-му на каждый „судовий повіт". Каждый организаторъ или его помощникъ обязанъ провести въ отдѣльныхъ громадахъ своего повіта „громадські збори", на которыхъ должно выбрать „мужів довір'я" для проведенія организаціи въ громадахъ. „Мужі довір'я" вмѣстѣ съ повітовими организаторами и ихъ помощниками составляютъ „Повітовий з'їзд партиі. „Мужі довір'я ведутъ всѣ народныя дѣла въ громадахъ и подчиняются повітовому организатору.

9) Организаторовъ и ихъ помощниковъ выбираютъ „Повітові з'їзди" (для каждаго повіта отдѣльно) и утверждаетъ тіснійший народн. Комитетъ.

10) „Народний з'їзд" созывается minimum 1 разъ въ годъ Народним Комітетом. — Также и „повітові з'їзди" созываются minimum 1 разъ въ годъ организаторами для выбора делегатовъ на „Народн. з'їзд".

11) Постановленія Народн. з'їзду обязательны для Народн. Комитета; постановленія ширшого Комитета обязательны для тіснійшого.

12) Ширший Народный Комитетъ является Краевымъ избирательнымъ комитетомъ для проведенія выборовъ въ сеймъ и парламентъ во всей Галичинѣ.

Голосъ русскаго о галицкихъ дѣлахъ. Въ 102 № «С.-Петербургск. Вѣдомостей» корреспондентъ изъ Вѣны пишетъ о галицкихъ дѣлахъ слѣдующее. Къ серьезнымъ вопросамъ, которые, будучи разъ

затронуты, не сходятъ больше съ очереди, принадлежитъ также вопросъ о полной политической независимости Галиціи.

Польскіе вожди знаютъ, что съ того момента, какъ Галиція получитъ самостоятельность, она займетъ въ имперіи второе и даже третьестепенное мѣсто. Они знаютъ также, что Галиція въ экономическомъ отношеніи представляетъ пассивную страну и что, лишь будучи недѣлимой частью большого государства, она кое-какъ сводитъ концы съ концами... Слѣдуетъ считаться и съ тѣмъ, что русины требуютъ раздѣленія Галиціи на двѣ области: западную, до Пшемышля—польскую и русинскую—на востокъ отъ этого города съ особымъ русинскимъ сеймомъ, русинскимъ училищнымъ совѣтомъ и пр. Несомнѣнно, что пока національныя и политическія требованія русиновъ не будутъ удовлетворены, до тѣхъ поръ поляки не могутъ выставлять требованій относительно Галиціи, такъ какъ поляки не могутъ говорить отъ имени всего ея населенія. Въ этомъ году при уборкѣ хлѣба стачка русинскихъ сельскихъ рабочихъ грозитъ принять грандіозные размѣры. Польскіе помѣщики очень обезпокоены: они выписываютъ рабочихъ изъ Славоніи и опасаются, чтобы между ними и русинами не произошли серьезныя столкновенія. Нѣкоторые помѣщики предпочитаютъ поэтому продать теперь же все свое имущество, чѣмъ пережить лѣтомъ тревожные дни. Польскіе вожди могутъ, конечно, предотвратить это опасное столкновеніе посредствомъ исполненія наиважнѣйшихъ требованій русиновъ,—тѣмъ болѣе, что имъ лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, что русины до тѣхъ поръ не успокоятся, пока имъ не будутъ даны конституціонныя права, пока они не будутъ имѣть въ галицкомъ сеймѣ и въ парламентѣ депутатовъ соотвѣтственно своей численности. Это требованіе желательно исполнить, и конечно, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, потому что иначе ожесточеніе народныхъ массъ и расовая ненависть съ обѣихъ сторонъ можетъ принять уродливыя формы.

Русины—о назначеніи новаго намѣстника Галиціи. Назначеніе новаго намѣстника Галиціи должно состояться въ іюнѣ. Русинскій клубъ принялъ резолюцію, которая всѣ упоминавшіяся до настоящаго времени кандидатуры на постъ намѣстника признаетъ совершенно неподходящими и требуетъ назначенія на эту должность или эрцгерцога, или генерала съ гражданскимъ помощникомъ. Въ край-

немъ случаѣ, намѣстникомъ могъ бы стать гр. Станиславъ Бадени, назначеніе котораго, по сравненію съ другими кандидатами, представлялось бы «наименѣе провокаціоннымъ». («Волынь», № 91).

Польская газета о русинскомъ университетѣ. «Dziennik Polski» обмолвился слѣдующимъ знаменательнымъ замѣчаніемъ. Самый многочисленный элементъ въ населеніи Буковины—русины (42 проц.). Если вспомнить, что къ Буковинѣ прилегаютъ русинскіе уѣзды Галиціи, то слѣдуетъ признать, что въ Черновцахъ долженъ быть учрежденъ «русинскій» университетъ. Русины должны требовать преобразованія черновицкаго университета,—въ русинскій университетъ». («С.-Петербургск. Вѣдом.», 102).

Дѣятельность русинскихъ пословъ въ вѣнскомъ парламентѣ. Для характеристики угнетеній, какія терпятъ русины, со стороны поляковъ, весьма поучительны итоги дѣятельности русинскихъ пословъ за два послѣдніе періода парламентскихъ засѣданій—отъ $^{16}/_{X}$ по $^{13}/_{XII}$ 1902 г. (22 засѣд.) и отъ $^{15}/_{I}$ по $^{3}/_{IV}$ (21 засѣд.).—Работа въ полномъ собраніи палаты, за исключеніемъ работы въ комиссіяхъ складывается изъ 1) произнесенія рѣчей, 2) изъ «ставленя внесень», 3) изъ внесенія интерпелляцій. Рѣчей за указанное время русинскіе послы сказали 11 большихъ и 4 меньшихъ; «внесень» поставили 7; интерпелляцій внесли 73.

Отчетъ показываетъ, что русинскіе послы стараются добросовѣстно исполнять свою миссію. Если успѣхъ ихъ дѣятельности незначителенъ, въ этомъ не ихъ вина. Малый успѣхъ объясняется бездѣятельностью или противодѣйствіемъ оппозиціи тѣхъ пословъ, которые были выбраны помимо воли народа, «административнымъ порядкомъ» и зависимы въ своемъ парламентскомъ поведеніи отъ администраціи, ихъ избравшей. («Діло», 83).

Къ гоненіямъ на русинскій языкъ въ Галичинѣ. «Діло» пишетъ слѣдующее о порядкахъ, господствующихъ въ львовскомъ университетѣ: «когда послѣ окончанія сецессіи наша (русинская) молодежь возвратилась въ львовскій университетъ, университетскія власти, боясь новыхъ вспышекъ, сдѣлали въ началѣ осенняго семестра нѣко-

торыя отступленія отъ своей «польской системы», допустили, напримѣръ, для студентовъ русиновъ «рутенскіе кодексы». Теперь, къ началу лѣтняго семестра, начинается старая исторія: всѣ бумаги, подаваемыя студентами на русинскомъ языкѣ, возращаются имъ обратно, а въ бумагахъ, написанныхъ на двухъ языкахъ, русинскій текстъ перечеркивается».

Вотъ еще оч. характерный фактъ пренебреженія къ русинскому языку. 20-го янв. священникъ м-ка Копичинець о. Струминськйй получилъ отъ гусятинского староства повѣстку—явиться туда, написанную на польскомъ языкѣ. О. Струминськйй отослалъ повѣстку обратно, выразивъ желаніе, чтобы ему, какъ русину и русскому священнику, повѣстка была изготовлена по-русински. 18-го февр. была прислана вторичная повѣстка опять по-польски, и снова возвращена съ тѣмъ же пожеланіемъ. 16-го апр.—въ страстной четвергъ—прибыли жандармы, чтобы представить о. Стр—ого въ Гусятинъ; по обязанностямъ службы о. Стр—ій не могъ поѣхать. 19-го цѣлый день жандармы поджидали о. Стр—ого, но онъ цѣлый день былъ занятъ по приходу. 22-го послѣдовалъ третій визитъ жандармовъ; на этотъ разъ они не забрали священника только потому, что онъ былъ тяжко боленъ. 23-го о. Стр—ій послалъ телеграмму—жалобу президенту министровъ д-ру Керберу. 28-го пос. Романчукъ съ товарищами внесли въ интерпелляцію по дѣлу о самоволіи повитового комиссара Ягосинскаго изъ Гусятина. Констатировавъ, что поведеніе комиссара рѣзко противорѣчитъ министерскимъ распоряженіямъ, послы дѣлаютъ запросъ: захотите ли, Ваше Прев-о, привлечь ком. Ягосинскаго къ строгой отвѣтственности и показать разъ навсегда примѣръ, чтобы и другіе галицкіе административные чиновники обуздали свое самоволіе и противузаконное поведеніе? 2. Захотите ли, В. Прев-о, припомнить галицкимъ властямъ распоряженія и предписанія, обезпечивающія русинамъ ихъ языковыя права и предписать точное ихъ исполненіе подъ угрозою наказанія? 3. Готовы ли, В. Прев-о, издать строгій приказъ галицкимъ властямъ и правительственнымъ органамъ, чтобы разъ навсегда перестали угнетать русинское населеніе самоволіемъ и преслѣдованьями?

Вотъ еще болѣе крупное своеволіе польскихъ властей. Ц. к. староство въ Старимъ Самбори своимъ распоряженіемъ отъ 17/XI 1902 г. возвратило русинскимъ приходскимъ управленіямъ списки рекрутовъ, сдѣланные на русинскомъ языкѣ, и потребовало, подъ угрозой строгой отвѣтственности новыхъ списковъ на языкѣ... латинскомъ. Многіе священники,

страха ради, послали латинскіе списки. Священники же, вторично отославшіе русинскіе списки, получили предписаніе староства отъ 27/III представить свидѣтельства о рожденіи и крещеніи для каждаго рекрута въ отдѣльности—въ видѣ дословной метрической выписи. Оба эти распоряженія являются грубымъ нарушеніемъ правъ русинскаго языка. Статья XIX основн. законовъ опредѣленно говоритъ: «Государство признаетъ равноправность всѣхъ краевыхъ языковъ въ школѣ, администраціи и публичной жизни». Постановленіе цес. Франца Іосифа отъ 10/IV 1861 ясно приказываетъ: «ц. к. власти и управленія обязаны принимать «рускі письма» и исполнять по нимъ такъ, какъ законъ велитъ». Распоряженіе министерства отъ 20/XI 1869 г., ч. 12.466 гласитъ: «автономнымъ управленіямъ предоставляется выборъ языка, какой слѣдуетъ употреблять въ ихъ перепискѣ».

Приходскія управленія—автономны, слѣдовательно, имъ предоставлена свобода употреблять русинскій языкъ. Распоряженіе мин-ства внутр. дѣлъ отъ 5/VI 1869 г., ч. 2.354 —§ 5 опредѣленно говоритъ: «всѣ существующія предписанія относительно корреспонденціи властей, управленій и судовъ съ сторонами, съ властями негосударственными, съ корпораціями и громадами—обязательны и на далѣе и настоящимъ распоряженіемъ не нарушаются».—Полит. Товариство Народна Рада въ Старім Самборі обратилось съ просьбой къ посламъ, чтобы они побудили центральное правительство разслѣдовать дѣло и привлечь староство къ отвѣтственности («Діло», №№ 82 и 90).

О новомъ зданіи для львовскаго университета. Сенатъ львовскаго университета рѣшилъ ходатайствовать у министерства народн. просвѣщенія о постройкѣ новаго зданія университета, вмѣсто перестройки стараго. Къ прошенію приложены планъ и смѣта къ постройкѣ новаго зданія. («Кіевс. Газ.», № 117).

Эмиграція на заработки изъ Западной Галиціи. Выѣзжать на заработки въ Пруссію, Данію, Сѣв.-Америк. Соединенные Штаты является въ Западной Галиціи—въ коренной Мазурщинѣ—дѣломъ столь же обыкновеннымъ, какъ у насъ—выѣзжать на торгъ или ярмарокъ. Нѣтъ ни одного села, откуда бы не выходили люди за границу—группами или въ одиночку. Въ эмиграціонномъ дѣлѣ посредниками служатъ частныя бюро посредничества труда, или крестьяне

уговариваются непосредственно. Такое бюро въ Зап. Галичинѣ легко устроить, только въ Восточной—концессіи даются съ большими затрудненіями. Эмиграція на заработки самымъ своимъ появленіемъ подняла высоту заработной платы во всей Зап. Галичѣ. Безъ страйковъ, безъ штыковъ, безъ интерпелляцій и предложеній въ парламентѣ, безъ арестовъ и процессовъ страйковыхъ произошло почти незамѣтно повышеніе платы. Мѣстный работникъ отъ этого вдвойнѣ выигрываетъ: съ одной стороны, онъ имѣетъ недурной заработокъ у себя дома, съ другой стороны, еще больше денегъ привозитъ изъ-за границы. Выкупъ задолженныхъ земель, парцелляція на заработанныя деньги у зап. галицкихъ крестьянъ естественное, обычное явленіе. Въ Восточной Галиціи почти не бываетъ случая, чтобы крестьяне отдавали свои сбереженные капиталы въ банки или вкладывали въ какой-ниб. промыслъ. На Мазурщинѣ—много такихъ кассъ, въ которыхъ большую половину членовъ составляютъ крестьяне, и они не одолжаютъ, какъ на Востокѣ, а вкладываютъ въ кассы деньги. Справедливо говорятъ здѣсь въ Галиціи, что гаката больше боится заработной эмиграціи, чѣмъ страйковъ. Нужно только хорошо съорганизовать эту эмиграцію и крестьяне-русины выиграютъ половину битвы съ поляками эксплоататорами. Кромѣ отсутствія работы или низкой платы на мѣстѣ и спроса на рабочихъ за границей, третьимъ условіемъ эмиграціи—является способность къ конкурренціи у ищущаго работы. И этой способностью зап. галицкій крестьянинъ владѣетъ вполнѣ. Прирейнскіе рабочіе вытѣсняютъ американскихъ, познанскіе—прирейнскіе, западно-галицкіе—познанскихъ; все это потому, что рабочій съ меньшими требованіями безусловно вытѣсняетъ того, кто привыкъ къ лучшей жизни. А восточно-галицкій рабочій питается несравненно хуже, чѣмъ западный; слѣдовательно, русины имѣютъ всѣ данныя, чтобы выдержать конкуренцію чужихъ рабочихъ. Нужно только восточнымъ галичанамъ завести бюро посредничества труда, и они вытѣснятъ мазурскихъ рабочихъ изо всей Германіи. («Діло», 83).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи. Томъ III. Змистъ: 1) **По-надъ Днипромъ.**—2) **Хазяинъ.**—3) **Лыха искра поле спалыть и сама счезне.** *Одесса, 1903, стр. 434, цина 1 р 25 к.*

Ив. Тобилевичъ безспорно занимаетъ первое мѣсто среди нашихъ драматическихъ писателей; онъ, по выраженію Ів. Франка, «перший, нині майстер на полі украінськоі драматичноі літератури». (См. «Русько-украінська література», Чернівці, 1899).

Главная заслуга нашего талантливаго драматурга состоитъ въ томъ, что онъ въ своихъ произведеніяхъ далъ галлерею артистически исполненныхъ образовъ, яркихъ, законченныхъ типовъ. Въ своей замѣткѣ мы и остановимся преимущественно на характеристикѣ центральныхъ фигуръ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ каждой пьесы.

«По-надъ Днипромъ». Драматычни картыны. — Главное дѣйствующее лицо этой пьесы—сынъ крестьянина Мыронъ Серпокрылъ. Благодаря земству, онъ получилъ высшее агрономическое образованіе. Полный поэзіи земледѣльческій трудъ, свободное, независимое положеніе крестьянина—были наиболѣе сродни здоровой, цѣльной, крестьянской натурѣ Мырона. «Кращого жыття, якъ жыття хлибороба, немае въ свити» (31)—вотъ его убѣжденіе. Понятно, что для Мырона—при его органической, непосредственной любви къ крестьянскому труду—чиновничья карьера, панская жизнь—оказалась бы несносной, скучной, узкой, давила бы его духъ, жаждавшій простора въ дѣятельности. Чиновничество не имѣетъ своей «громады», каждый живетъ въ одиночку, самъ по себѣ. Но Мыронъ по своимъ симпатіямъ и воспи-

танію—всецѣло общественный человѣкъ. И общественныя стремленія влекутъ его къ крестьянской громадѣ. Онъ глубоко убѣжденъ въ мощи кооператіи, непоколебимо вѣритъ, что «спилка»—(артель)—самое надежное средство спасенія для бѣднаго, экономически-разореннаго крестьянства. «Громада—велыкый чоловикъ; спильна думка, спильни интересы багатёхъ—поменьшать мижъ людьмы биднисть, хворобы, нудьгу, тьму—дадуть бильше задовольненя и счастя людямъ на земли» (26)—такъ думаетъ Мыронъ. Но главная движущая сила, заставившая Мырона жить въ селѣ, сдѣлаться организаторомъ земледѣльческихъ «спилокъ»—это его *любовь* къ родному, темному, безпомощному крестьянину. Совѣсть не позволяетъ ему быть паномъ. Всѣмъ существомъ, дѣятельно, самоотверженно любя меньшаго брата, Мыронъ не можетъ жить иначе, какъ вмѣстѣ съ нимъ, одной общей съ нимъ жизнью. Съорганизовавъ спилку, Мыронъ работаетъ наравнѣ со всѣми артельщиками. Какъ интеллигентъ, онъ свѣтомъ, добытымъ на общественныя средства, просвѣщаетъ своихъ братьевъ: учитъ ихъ грамотѣ, заботится о нравственномъ подъемѣ ихъ; къ больнымъ приглашаетъ товарища—доктора. Вѣра Мырона въ свою идею, въ свое дѣло и огранизаторскій талантъ помогаютъ ему успѣшно выполнить свою жизненную задачу. Онъ завоевываетъ сочувствіе и довѣріе болѣе воспріимчивыхъ къ новому дѣлу односельчанъ. Столкновенія съ сельскими кулаками и враждебныя насмѣшки скептиковъ не ослабляютъ его энергіи. Онъ добивается того, что крестьяне сознаютъ пользу и спасительность «спилкы». Въ личной жизни Мыронъ—вовсе не аскетъ. Онъ женится на крестьянкѣ Маріи. И женитьба не мѣшаетъ его дѣлу, не отрываетъ его отъ труда для ближнихъ; напротивъ, личное счастье только усугубляетъ его силы. Самоотверженно работая руками и умомъ, работая безъ устали, ночью и днемъ, Мыронъ надрываетъ свои силы. Ранняя смерть уноситъ отца и душу артели.

Идеалистъ Мыронъ изображенъ нашимъ драматургомъ ярко, правдиво, реально. Образованный, развитой интеллигентъ, работающій въ селѣ надъ воплощеніемъ своего идеала въ жизни, надъ осуществленіемъ его въ конкретной дѣйствительности; богато одаренная личность, ограничившаяся скромнымъ трудомъ въ будничной обстановкѣ, скромной задачей дѣлать, что́ можно, что́ позволяютъ обстоятельства—въ такомъ типѣ все естественно, нѣтъ ни зерна фальши. Мыронъ въ крестьянской одеждѣ, за черной мужицкой работой—живая личность,

не схема, не формула литературная, начерченная для обозначенія извѣстной идеи.

Оч. жизненны, типичны и другія лица пьесы: Павло Серпокрылъ, отецъ Мырона, глытай—дидъ Мыкола, Куперьянъ—«Цехмейстеръ надъ соломою», писарь. Особенно хороша Марія, привлекательная своей простотой, наивностью и добротой. Изъ отдѣльныхъ сценъ наиболѣе художественны: картина въ Оренбургской степи, объясненіе Мырона съ Маріей и вся заключительная сцена смерти Мырона. Во второмъ варіантѣ 5-го дѣйствія авторъ, къ сожалѣнію, увлекся проповѣдью, публицистикой въ ущербъ художественности. Но вообще нужно признать, что каждая картина драмы обработана въ совершенствѣ, и всѣ вмѣстѣ онѣ сливаются въ одно гармоническое, пластическое цѣлое. Мы не видимъ здѣсь никакого подтягиванья къ апріорному тезису, не слышимъ провозглашенія доктринъ и теорій, нѣтъ, теоріи сами вытекаютъ изъ поступковъ и дѣлъ героя.

Въ драмѣ вдумчиво, проникновенно, съ полной объективностью затронуты жгучіе общественные вопросы—объ артели, о переселеніи, круговой порукѣ. Но не въ этихъ вопросахъ, а въ высоко-художественномъ типѣ Мырона,—въ этомъ образѣ дѣятельной любви къ ближнимъ—общественное значеніе пьесы.

Центральной фигурой *комедіи «Хазяинъ»* является богатый землевладѣлецъ Терентій Пузырь. Словомъ «хазяинъ» наиболѣе полно и мѣтко характеризуется этотъ типъ. Всѣ помыслы, вся энергія Пузыря поглощены хозяйствомъ, наживой. «Хазяйство, або смерть» (327)—вотъ его жизненный девизъ. «Земля, скотъ, вивци, хлибъ, комерція, барыши,—отсе жыття! Для чого жъ и жыть, на свити, колы не мать сёго ничого? Та краще гробакомъ нечувственнымъ родытсья, нижъ такою людыною, що про хазяйство не дбае» (328). Дѣйствительно, любовь Пузыря къ хозяйству безгранична; она подкупаетъ своей беззавѣтностью. Предсмертный смотръ овецъ, трогательное обращеніе къ нимъ хозяина: «быри, мои, быри! У, вы славни бычечкы мои!... Быри, бырюшечкы» (332)—способны, пожалуй, вызвать въ зрителѣ лучшія, нѣжныя чувства. Какъ видимъ, Пузырь—не сухая, не черствая, не безсердечная натура. И дочь свою онъ любитъ сильно, глубоко, но, конечно, по своему, по-хозяйски; желаетъ ей богатаго, а не близкаго сердцу жениха. Но этимъ и исчерпываются лучшія стороны въ личности хозяина. Людей вообще онъ не любитъ; бѣдныхъ—терпѣть не можетъ. «Якъ побачу старця, то здаеться, тикавъ бы видъ нёго скилькы

сылы»—признается Пузырь. И дѣйствительно, хозяйская бережливость, скупость, доходящая до скряжничества, несовмѣстимы съ дѣятельной любовью къ бѣднымъ. Неразлучная спутница скупости—жадность также властвуетъ надъ Пузыремъ. Имѣя земли больше, чѣмъ въ нѣмецкомъ княжествѣ или герцогствѣ, Пузырь всё ищетъ, гдѣ-бъ еще прикупить ея, ему все мало, «все бракуе» земли. Поставивъ цѣлью жизни наживу, Пузырь никогда не зналъ—«що можна, а чого не можна». «Абы барышъ, то все можна» - вотъ его нравственный кодексъ. Онъ съ легкимъ сердцемъ разоряетъ цѣлыя села, лишь бы имѣть дешеваго рабочаго; и этому рабочему не доплачиваетъ, кормитъ его такимъ хлѣбомъ, которымъ «можна зъ пушкы-маркелы стрилять у непрыятеля».—Хозяйство—та же война. Хозяйская отвага ни передъ чѣмъ не останавливается, лишь бы побольше сорвать. Никому нѣтъ пощады,—и горе побѣжденнымъ! Въ ожесточенной погонѣ за барышемъ, хозяинъ, какъ воинъ, рубитъ направо и налѣво, плюетъ на все, и знать не хочетъ «людського поговору». Къ общественнымъ дѣламъ онъ, конечно, вполнѣ равнодушенъ, до земства ему нѣтъ дѣла, лучшихъ людей своего края онъ не цѣнитъ и знать не хочетъ. Безполезность, безплодность такихъ людей для родного края и народа—прекрасно выражена въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ Золотницького: «Ахъ ты несчасна, безводна хмара! И прожене тебе витеръ надъ ридною землею и розвіе, не пролывшы и крапли цилющои воды на ридни нывы, де пры такыхъ хазяинахъ засохне наука, поэзія и благо народа»!!! (225).

Въ образѣ Пузыря драматургъ далъ вполнѣ безупречно-художественный типъ. Предъ нами живое лицо съ своимъ добромъ и зломъ, съ своими достоинствами и пороками. Изъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ каждое имѣетъ свои характерныя черты, свою оригинальную физіономію. Наиболѣе типичны—экономъ Лихтаренко, «права рука хазяина» Феногенъ, шафмейстеръ Куртцъ.

Пьеса производитъ оч. мрачное впечатлѣніе. Авторъ изображаетъ въ ней хозяйственную машину на полномъ ходу. Колеса капиталистическаго хозяйства выжимаютъ послѣдніе соки съ рабочихъ, иныхъ на смерть давятъ. Успѣхъ хозяйства основывается на неправдѣ, на эксплоатаціи. Между интересами капитала и труда, хозяина и рабочихъ непримиримая противоположность, непроходимая пропасть. И никакого исхода не видно. Просвѣтительная дѣятельность Калиновича, воспитывающаго въ гуманномъ духѣ молодое поколѣніе, имѣетъ слишкомъ ужъ отдаленную связь съ капиталистической эксплоатаціей.

«Лыха искра поле спалыть и сама счезне», драматычна поэма. Въ этой пьесѣ изъ историческаго прошлаго наиболѣе рельефно, опредѣленно, ярко—обрисованъ главный герой—Юліанъ. Сильная натура Юліана была воспитана, выработана, закалена суровой школой жизни. Отецъ его—молдавскій господарь—былъ прогнанъ съ престола турецкими пашами и убитъ; сестра взята въ султанскій гаремъ; мать умерла отъ горя. Все имущество отца было заграблено турецкимъ дворомъ. Ободраннымъ, голоднымъ нищимъ Юліанъ пришелъ въ Царьградъ искать правды и защиты у султана. Онъ убѣдился, конечно, что здѣсь все продажно, что только съ помощью золота можетъ вернуть себѣ отцовскій престолъ. Кровь и мозгъ Юліана горѣли жаждой мести. Познакомившись съ запорожцами, дѣлавшими набѣги на Туреччину, онъ присоединился къ нимъ, чтобы грозно мстить врагамъ. Какъ истый сичовыкъ, онъ бился съ турками, и запорожское товарыство прославляло его молодецкую отвагу. Но одна козацкая слава не могла удовлетворить Юліана. «Родывся я на свитъ господаремъ и князем̆ъ жыть повыненъ!» (386)—съ этимъ желаніемъ и надеждой не разстается онъ и на Запорожьи. Онъ мечтаетъ о славѣ и почетѣ, богатствѣ и роскоши княжеской. Мечтаетъ—собственной рукой править дорогимъ сердцу народомъ, отдать всѣ силы, всю жизнь на пользу родины, показать врагамъ доблесть своего народа. Жизнь безъ власти не имѣетъ для Юліана никакой цѣны. Онъ не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ. онъ на все готовъ, только бы исполнить свою завѣтную мечту достичь власти. Для трона «вартъ пролыты ричку крови» (388). На крови многихъ созидается счастье единицъ—таково воспитанное жизнью убѣжденіе Юліана. И онъ, рискуя жизнью, совершаетъ рядъ убійствъ и грабежей. Наконецъ, онъ избираетъ своей жертвой богатаго полковника Платона, поселяется у него и увлекаетъ его сестру Ялыну. Созданная повелѣвать, властная натура Юліана покоряетъ, подчиняетъ своему вліянію окружающихъ. Онъ увлекаетъ всѣхъ трогательной теплотой и задушевностью въ отношеніяхъ, искренностью и откровенностью. Своимъ трагическимъ прошлымъ, доблестями веселаго, жизнерадостнаго запорожца, умомъ, краснорѣчіемъ, красотой, а главное—полной поэзіи, карающей, опьяняющей мощью и богатствомъ натуры Юліанъ покоряетъ сердце Ялыны. Нѣжныя чувства къ Ялынѣ не поколебали однако его рѣшенія—отравить Платона, чтобы овладѣть его богатствами. Планъ не удался. У Юліана, какъ истиннаго героя, нашлось мужество—откровенно признаться въ своемъ за-

мыслѣ и покончить съ собою.—Натура злая, безчеловѣчная. Юліанъ однако привлекаетъ къ себѣ симпатіи читателя и зрителя своей демонической силой, своей волей титана.—Очень симпатичны и правдивы образы Платона, Ялыны и Марты. Жизненными, типичными чертами изображены и эпизодическія лица пьесы: Кузьма «прыбичнык» Юліана, запорожець Максымъ.

Въ пьесѣ много красивыхъ образныхъ выраженій, мѣткихъ оригинальныхъ сравненій и эпитетовъ. Двѣ первыя пьесы, помѣщенныя въ настоящемъ томѣ, уже были изданы отдѣльно, при чемъ «По-надъ Днипромъ» первоначально напечатано было въ нашемъ журналѣ, и получили широкое распространеніе даже среди простого народа. Впервые появляется теперь въ печати только третья пьеса—«Лыха искра».

Напечатанъ 3-й томъ «Драмъ и комедій» по такому же типу, какъ и два предыдущіе, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ; къ сожалѣнію, корректура довольно небрежна. При значительномъ объемѣ книги—434 страницы цѣна ей назначена оч. недорогая—1 р. 25 к.

О 4-мъ томѣ, вышедшемъ одновременно съ третьимъ, мы скажемъ въ слѣдующей книгѣ.

П. Г.

Панасъ Мырный. Кныжка перша творивъ. Оповидання, приповисти та инша дрибныця. *У Кыиви, 1903.*

Читающая украинская публика давно съ нетерпѣніемъ ожидала изданія полнаго собранія сочиненій П. Мырного. Наконецъ, первый томъ такого изданія появился. П. Мырный, по своему литературному дарованію, по литературному направленію и по особенностямъ своего творчества, одна изъ крупныхъ величинъ въ украинской литературѣ. Начавши писать съ 1872 года, онъ обогатилъ украинскую литературу цѣлымъ рядомъ цѣльныхъ и значительныхъ художественныхъ произведеній, отличающихся глубиною содержанія, красотой формы, силой и пластичностію образовъ.

Направленіе своей литературной дѣятельности самъ авторъ ясно опредѣляетъ въ предисловіи («Въ дорогу!») къ первому тому своихъ произведеній. Онъ намѣренъ разсказывать людямъ «просто и правдыво про буденне жыття» родного «краю». Въ этомъ «безталанномъ» краѣ авторъ видитъ «заздристь нелюдську людей, хыжисть та мукы

голодного брата, безпомошни слёзы вдовы, плачъ малыхъ диточокъ, зраду своихъ й чужыхъ, мукы пропащыхъ надій, лыхои доли замиры».

Освѣщенію этихъ именно явленій неприглядной стороны жизни авторъ и посвящаетъ свои литературныя силы. Въ разсказѣ «Лыхый попутавъ» онъ изображаетъ горькую судьбу крестьянки-наймычкы, которой тяжело живется и въ домѣ родственниковъ, гдѣ она безкорыстно трудится, получая за это лишь упреки въ лѣни и дармоѣдствѣ, и въ городѣ, гдѣ ея довѣріемъ злоупотребляетъ красавецъ-мастеровой Васыль, обезславившій ее и выманувшій у нея заработанныя ею деньги. Въ разсказѣ «Морозенко» авторъ рисуетъ образъ покрытки Катри, которая изъ панскихъ горницъ попала въ городъ въ наймычкы и возвратилась оттуда съ сыномъ Пылыпкомъ. Она жвеитъ въ крайней бѣдности и только ея сынъ служитъ ей утѣшеніемъ. Но вскорѣ она лишается и сына, который замерзъ въ лѣсу, отправившись въ сильный морозъ наканунѣ Новаго года къ крестному отцу «посыпать».

Въ разсказѣ „Лыхо давне й сёгочасне“ авторъ описываетъ жизнь цѣлаго украинскаго села Одрады, страдающаго подъ гнетомъ экономической нужды. Освободившись отъ давняго «Лыха»—крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, «одрадяне», вслѣдствіе малоземелья очутились въ полной экономической зависимости отъ тѣхъ-же помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, которые, по своему усмотрѣнію, понижаютъ плату „одрадянамъ“ и могутъ совсѣмъ лишить ихъ заработковъ. Въ этомъ «сёгочасне лыхо“ одрадянъ, и не только одрадянъ, а каждаго украинскаго села, гдѣ предложеніе всегда превышаетъ спросъ на рабочія руки, а новый способъ обработки земли при помощи новѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ орудій въ помѣщичьихъ экономіяхъ еще болѣе понижаетъ спросъ на эти руки. И вотъ получается то грустное явленіе, что крестьяне, не будучи въ состояніи прокормиться съ своихъ уже дѣленныхъ и передѣленныхъ земельныхъ надѣловъ, не имѣя заработковъ на родинѣ, покидаютъ родную Украину и изъ этой, повидимому, богатой страны, гдѣ все такъ поражаетъ наблюдателя своей красой и своимъ кажущимся довольствомъ («Середъ степивъ»), массами переселяются на далекій Амуръ. Помимо экономическаго гнета панскіе «дворы» съ ихъ особымъ укладомъ жизни и съ особымъ кодексомъ нравственности, оказываютъ деморализующее вліяніе на крестьянское населеніе. Жертвы такого вліянія изображены П. Мырнымъ въ лицѣ Хведора и Марыны Проценковъ, «стрічнихъ кумивъ» пана Башкыря («Лыхо») и «ключныци—Орышки» съ ея

дочерью Параской («Якъ ведется, такъ и жыветься»). Параска родилась и провела дѣтство въ экономіи пана Батіева; впослѣдствіи она ходила на заработки въ эту экономію и тамъ близко сошлась съ какимъ то «панычемъ». Выйдя замужъ за сына богатаго казака Оныська Грыцая—Йосыпа, Параска принесла лишь неурядицу въ семью своихъ новыхъ родственниковъ и отравила всю жизнь своему мужу.

Сюжетъ для двухъ слѣдующихъ разсказовъ—«Пьяныця» и «Ловы»—заимствованъ авторомъ не изъ крестьянской жизни. Въ первомъ изъ нихъ авторъ даетъ намъ психологическую картину, какъ даровитый молодой чиновникъ Иванъ Лывадный сталъ пьяницей и посмѣшищемъ въ средѣ своихъ сослуживцевъ. Причиной, такъ изуродовавшей жизнь Ивана Лывадного, явился безшабашный братъ его Петро, легкомысленно насмѣявшійся надъ лучшими чувствами брата къ дочери его квартирной хозяйки. Во второмъ изъ названныхъ нами разсказовъ приподнята авторомъ завѣса надъ недоступной для посторонняго наблюдателя семейной жизнію полицейскаго чиновника—карьериста, молодая жена котораго измѣняетъ ему, спустя не болѣе недѣли послѣ ихъ свадьбы.

Въ сказкѣ «Правда и Крывда» авторъ въ поэтической формѣ коснулся вопроса о томъ, почему Крывда овладѣла всѣмъ міромъ, и какъ «чымъ дали, то все та Кривда роскориняется та шырытся, старшынуе та пануе на земли, а Правда голодна та холодна сневыкгае по свиту, горемъ сыта, слёзамы полыта... Нихто іи знати не хоче. Часомъ тільки стари слипци, божи люде, згадують іи въ своихъ важкихъ писняхъ.

Таково содержаніе «оповидань, прыповистей та иншои дрибници», помѣщенныхъ въ первомъ томѣ произведеній П. Мырного. Съ внѣшней стороны всѣ они болѣе или менѣе цѣльны и закончены. Лучшими по художественной цѣльности и законченности являются, по нашему мнѣнію, разсказы «Лыхый попутавъ», «Пьяныця», «Ловы», «Морозенко» «Середъ степив». Сказка «Правда и крывда» очень растянута; этимъже отличается вторая часть разсказа «Якъ ведется такъ и живется», а вторая половина «Лыха», какъ намъ кажется, написана эскизно.

Какъ писатель, П. Мырный обнаруживаетъ глубокое знаніе народнаго быта, тонкое пониманіе психологіи человѣка и богатую способность къ сильному, пластическому изображенію описываемыхъ явленій. Благодаря этому, въ произведеніяхъ П. Мырного мы находимъ дѣйствительную жизнь и живыхъ людей въ собственной имъ обстановкѣ.

Достаточно будетъ припомнить здѣсь мощную фигуру пана Башкыря, Ивана Лывадного, Катрю, Марыну или же трехъ пастушковъ изъ разсказа «якъ ведется такъ и жывется» («День на пастивныку»). Авторъ съ большимъ искусствомъ изображаетъ бытовыя сцены. Укажемъ какъ на болѣе удачныя, на полную трогательной простоты и невиннности сцену „жартивъ" Ивана Лывадного съ Наталею, на цѣлый рядъ идиллическихъ сценокъ на „пастивныку" между пастушкамы Ивасемъ, Грыцемъ и Васылемъ („Якъ ведется"...), на цѣлый рядъ необыкновенно сильно написанныхъ сценъ въ первой главѣ „Лыха" вообще достойной кисти первокласснаго художника.

Не менѣе удачно изображаетъ П. Мырный картины природы. Его описанія картинъ природы чаруютъ насъ сочностію и свѣжестью красокъ; одухотворенная природа подъ его перомъ живетъ полной и всесторонней жизнію. Цѣлый рядъ такихъ прелестныхъ картинъ мы находимъ въ разсказѣ автора „Середъ степивъ", и между ними лучшая—картина разсвѣта.

Тонъ всѣхъ произведеній автора помѣщенныхъ въ первомъ томѣ, вообще весьма простой и задушевный; нѣсколько приподнятъ онъ, какъ намъ кажется, только во второй главѣ разсказа „Морозенко". Языкъ произведеній П. Мырного—вообще чистонародный, плавный и звучный. Въ вину автору можна было бы поставить нѣкоторые руссизмы, ихъ, впрочемъ, немного: „*прытворялась*" „*бовтався*" („теліпався"), „*дернувъ*" „*свиркнувши*", „*дизнавшій*". Встрѣчаются въ языкѣ автора и нѣкоторые провинціализмы, напр. „*пры* плямку" (87 стр.) и малопонятныя выраженія, напр. „дворище з доливкою у три хаты" (82 стр.) впрочемъ, языковыхъ дефектовъ у Мырного замѣчается очень немного: мы выписали здѣсь почти все, что казалось намъ неудобнымъ въ языкѣ, вообще безукоризненно-правильномъ.

Книга издана тщательно; корректурныыхъ ошибокъ на 445 стр. книги не много. Цѣна книги вполнѣ доступная 1 р. 25 к.

Изданіе полнаго собранія произведеній П. Мырного—это назрѣвшая потребность времени; отъ души можно пожелать этому изданію совершеннаго успѣха, на какой произведенія П. Мырнаго имѣютъ, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, несомнѣнное право.

В. С.

Л. Яновська. „Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ій не бував. (Лисова квитка)“. *Комедія на 4 діи. Кыивъ, 1903.*

Извѣстна всѣмъ та истина, что знаменемъ высокихъ идей часто прикрываются низкія личности съ сильными аппетитами къ общественному пирогу. Такой мелкой, подленькой личностью является герой пьесы г-жи Яновской - Андрій. Въ студенческіе годы онъ нахватался «великих слов»; можетъ быть, и искренно увлекался народническими идеями. По крайней мѣрѣ, своимъ вліяніемъ и убѣжденіями онъ научилъ отзывчивую дѣвушку Орысю—непосредственно служить народу, кормить голодныхъ и лѣчить больныхъ. Но, сбросивъ студенческій мундиръ, Андрій оставилъ и свои юношескія, идеальныя стремленія. Служебная карьера, правда, не соблазнила его, не отвѣчала—его лѣности, барскимъ замашкамъ и желанію быстро разбогатѣть. Андрій выбралъ путь болѣе легкій и скорый—увлечь притворной любовью скучающую богачку Людмылу и жениться на ея милліонѣ. Андрій привозитъ Людмылу въ свою деревню—въ голодный годъ. Здѣсь вся его дѣятельность сводится къ охранѣ денегъ Людмылы... отъ раздачи ихъ нуждающимся. Видъ страданій голодныхъ и больныхъ крестьянъ нисколько не трогаетъ Андрія. Хвататься за ту работу, какая подъ рукой—это дѣло маленькихъ людей. Накормятъ они десятокъ голодныхъ, научатъ грамотѣ десятокъ пастуховъ—и довольны. Андрій «повыненъ выще литаты, шырше сягаты». Онъ понимаетъ, что «кандёромъ голоду не переведешъ, пластыремъ усихъ болячокъ не загоишъ» (48). Андрій поставилъ себѣ цѣлью—всеобщее счастье людей, онъ хочетъ оздоровить весь край, спасти милліоны страдающихъ. Свое безсердечное бездѣйствіе онъ оправдываетъ тѣмъ, что молъ нужно сперва выработать «программу» и «организацію» для спасенія края. Въ дѣйствительности Андрій мечтаетъ лишь о томъ, какъ бы на деньги Людмылы купить для себя имѣніе. И эту мечту онъ прикрываетъ идейными соображеніями—«треба жъ маты грунтъ, де працюваты; и земли треба не мало, щобъ було де роспростертысь».—Людмыла и Орыся (жертва весенняго студенческаго романа Андрія) преклоняются передъ Андріемъ, вѣрятъ ему безусловно. Учитель Сергій—истинный дѣятель народный—представляетъ имъ Андрія въ надлежащемъ свѣтѣ; но тѣ не хотятъ видѣть. Андрей уклоняется отъ дуэли съ Сергіемъ, по трусости, конечно; но показываетъ видъ, что онъ бережетъ жизнь ради своихъ обязанностей передъ народомъ, ради своихъ великихъ плановъ все-

общаго счастья. И Орыся вѣритъ и принимаетъ трусость за необычайную силу воли, за геройство. Все удавалось Андрію, онъ былъ близокъ къ своей цѣли, и не достигъ ея только изъ-за неосторожности, по неопытности. За спиной постылой невѣсты Андрій приставалъ съ любовью къ служанкѣ—Зинькѣ. Его застали на нѣжной сценѣ—и на этомъ сорвалась вся тонкая сѣть его лицемѣрія и обмана. Такъ понимаемъ мы личность Андрія. Въ пьесѣ эта центральная фигура обрисована оч. неясно. Непонятно, кто же такой въ сущности Андрій,—карьеристъ ли только, или безхарактерный, безвольный идеалистъ. Неясны отсюда и отношенія Орыси къ Андрію. За что собственно она любитъ Андрія? Невѣроятно и ея слѣпое довѣріе къ лицемѣру.—Пьеса вообще страдаетъ недостаткомъ мотивировки въ взаимныхъ отношеніяхъ Андрія и Орыси.

Характеристики Орыси, Людмылы и Сергія также блѣдны и схематичны. Наиболѣе яркой и жизненной является фигура Зиньки. Этотъ образъ непосредственной, близкой къ природѣ дикарки наиболѣе удался автору. Зинька—простосердечна, сострадательна, наивна, и вмѣстѣ съ тѣмъ проницательна, наблюдательна, подчасъ хитра. Все въ ней—(въ особенности рѣчь) своеобразно и естественно. Отъ этой «Лисовоі квітки» дѣйствительно какъ бы вѣетъ запахомъ лѣса, земли.

Пьеса посвящена вопросу объ отношеніяхъ нашей интеллигентной молодежи къ народу. Вся она—серьезна, идейна, будитъ мысль, и потому, несмотря на указанные художественные недочеты, комедія г. Яновской заслуживаетъ широкаго распространенія. Смѣло рекомендуемъ ее вниманію читателей.

Издана книжка прекрасно—на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, корректура тщательная. Принимая во вниманіе значительный объемъ (80 стр.) и небольшое количество экземпляровъ, нужно признать, что цѣна книжки назначена оч. недорогая—15 коп.

П. Г

С. А. Бѣлокуровъ: Юрій Крижаничъ въ Россіи (по новымъ документамъ). *М., 1903 г.*

Во II книгѣ „Чт. въ Обществ. Ист. и Древ. при Московск. университетѣ“ за 1903 г. былъ напечатанъ, вышедшій затѣмъ и отдѣльнымъ оттискомъ, прекрасный трудъ С. А. Бѣлокурова о Кри-

жаничѣ: поводомъ для его появленія было отысканіе и опубликованіе какъ г. Бѣлокуровымъ, такъ и другими лицами (М. И. Соколовымъ, О. Пирмингомъ) новыхъ документовъ о знаменитомъ хорватѣ. Документы эти освѣщаютъ многіе неясные до сихъ поръ факты изъ его жизни; тѣмъ не менѣе не мало остается и теперь еще темнымъ, и обстоятельный трудъ Бѣлокурова чуть ли не на каждой страницѣ пестритъ фразами: „это неизвѣстно", «этого я не знаю» и т. п. Разумѣется, такую неполноту нельзя поставить въ вину изслѣдователю; но, мнѣ кажется, онъ могъ бы гораздо полнѣе обрисовать личность Крижанича, для чего его произведенія даютъ совершенно достаточный матерьялъ. Авторъ же совершенно отклонилъ отъ себя эту задачу, придавъ своему изслѣдованію внѣшне-біографическій характеръ. Конечно, это его право; но—давно уже сказано, что плохую книгу судятъ по тому, что въ ней есть, а хорошую—чего въ ней нѣтъ.

Сочиненіе С. А. Бѣлокурова о Крижаничѣ состоитъ изъ шести главъ. Въ первой изложенъ обзоръ литературы о Юріѣ Крижаничѣ, полный, но недостаточно систематичный. Трудъ Бѣлокурова лишаетъ значенія всѣ бывшія до него работы по біографіи Крижанича, но не касается его, какъ политика, экономиста, литератора, грамматика и пр., относительно чего сдѣлано уже немало въ прежнихъ о немъ сочиненіяхъ. Вторая глава—Юрій Крижаничъ до пріѣзда въ Москву въ 1659 г.—сообщаетъ, между прочимъ, свѣдѣнія, не безынтересныя и для исторіи юго-западной Руси. Таковы страницы о пребываніи Крижанича въ Смоленскѣ, о жизни у пана Голынскаго (въ 1647 г.) о сношеніяхъ его съ Ад. Киселемъ. Еще интереснѣе поѣздка Крижанича въ 1659 г. въ Малороссію и пребываніе въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ сыгралъ и политическую роль: когда послѣ Конотопской битвы въ Москвѣ считали Малую Россію потерянною, Крижаничъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ Филимоновымъ повліялъ на то, что Нѣжинъ снова присягнулъ Москвѣ; а это имѣло немаловажное значеніе: примѣру Нѣжина послѣдовали другіе города, и результаты Конотопскаго пораженія оказались сглаженными. Имѣются еще коекакія мелкія свѣдѣнія о положеніи южной Руси въ то время.

Третья глава—Юрій Крижаничъ въ Москвѣ въ 1659--1661 гг.; четвертая—онъ въ Сибири (1661—1676 г. г.);—въ этой главѣ есть указанія на литовскихъ людей и черкесъ, сосланныхъ въ Сибирь; пятая—Крижаничъ въ Москвѣ въ 1676—1677 гг. и шестая—годы

жизни его послѣ выѣзда изъ Россіи. Здѣсь довольно любопытныя свѣдѣнія о доминиканскихъ монахахъ въ Вильно.

Трудъ С. А. Бѣлокурова получилъ, по рецензіи извѣстнаго знатока исторіи западной Руси Любавскаго, премію Г. Ѳ. Карпова.

Ал. Маркевичъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующія книжки журналовъ: 1) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія, № 5; 2) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 4; 3) Ученыя Записки Импер. Казанскаго Университета, № 3; 4) Варшавскія Университетск. Извѣстія, № 9 1902 г.; 5) Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 1 и 2; 6) Труды Кіевск. Дух. Академіи, № 4; 7) Земскій Сборникъ Черниговск. Губ., №№ 3 и 4; 8) Всемірный Вѣстникъ, № 3; 9) Научное Обозрѣніе, № 4; 10) Міръ Божій, №№ 4 и 5; 11) Русская Мысль, №№ 1, 2, 3, 4; 12) Русское Богатство, №№ 3 и 4; 13) Русскій Вѣстникъ, № 5; 14) Книжки Восхода, № 4; 15) Літ.-Наук. Вистн. № 5; 16) Русск. Арх. №№ 4 и 5; 17) Русск. Стар., № 4 и 5; 18) Вѣстн. Евр., № 4.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 5.

Н. М. Каринскій. «Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древнерусскаго языка (стр. 94—110)». Въ этой вступительной лекціи разсказана исторія изученія даннаго памятника русскими филологами, начиная съ Востокова, въ связи съ разработкой древне-русской письменности вообще и привлеченіемъ новаго сравнительнаго церк.-слав. матеріала.

П. В. Голубовскій. «Гдѣ находились существовавшіе въ домонгольскій періодъ города: Ворголъ, Зартый, Оргущь, Сновскъ, Уненѣжъ, Хороборъ» (стр. 111—136). Данное изслѣдованіе представляетъ отвѣтъ на запросъ г. Бунина на XII-мъ археологич. съѣздѣ въ Харьковѣ. При рѣшеніи поставленнаго вопроса авторъ исчерпываетъ всѣ указанія лѣтописей и др. историч. источниковъ, приводитъ соображенія историковъ и даетъ массу своихъ положеній.

Университетскія Кіевскія Извѣстія, № 4.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI вв. Приложеніе къ сочин. «Очеркъ исторіи Турово-Пинск. княжества» (продолженіе, стр. 65—96).

Здѣсь помѣщены дальнѣйшіе 17 документовъ (№№ 47—64), извлеченные изъ Литовск. метрики записей, кн. №№ 32 и 33.

На стр. 1—2. «Извѣстій» напечатанъ отчетъ о состояніи Кіевскаго Центральнаго Архива въ 1902 г.

Варшавскія университетскія извѣстія, № 9, 1902 г.

Проф. *И. П. Филевичъ. Къ исторіи Карпатской Руси.* (Продолженіе; стр. 33—40). Въ этой части очерка говорится о памятной дѣятельности Галицкой «Рускои Рады» лѣтомъ 1848 г. Главнѣйшими фактами ея, сохранившими не только историческое, но и жизненное значеніе, были: успѣшная агитація передъ выборами въ Парламентъ (изъ 96 депутат. отъ Галиціи русиновъ было 35); петиція къ парламенту о раздѣлѣ Галичины—на русинскую и польскую части; ходатайство о преподаваніи на украинскомъ языкѣ въ народн. школахъ и о распространеніи этого языка въ друг. учебн. заведеніяхъ края.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 1 и 2.

В. Шенрокъ. Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей (стр. 179—192). Подражаніе Гоголю выражалось, кромѣ усвоенія реализма, въ выборѣ и обработкѣ сюжетовъ, въ подражаніи заюмору, манерѣ и пріемамъ повѣствованія, даже въ перифразѣ и заимствованіи отдѣльныхъ выраженій. Подъ сильнымъ вліяніемъ Гоголя, и въ особенности его петербургскихъ разсказовъ, находился Григоровичъ.

А. Ветуховъ. Заговоры, заклинанія, обереги и друг. виды народнаго врачеванія. Часть II. Гл. I-ая. Заговоры отъ лихорадки (стр. 250—296). Здѣсь сведенъ богатый матеріалъ по данному вопросу изъ этнографіи славянской, преимущественно малорусской и германской; приводятся также греческіе и латинскіе заговоры.

Труды Кіевск. Духовн. Академіи, № 4.

Ѳ. Т. Критико-библіографическая замѣтка (окончаніе, стр. 665—680). Здѣсь продолженъ детальный разборъ книги проф. А. С. Лебедева «Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ дѣятельности»; рѣчь идетъ объ архипастыряхъ Досиѳеѣ Богдановичѣ, Петрѣ Смѣличѣ, Іосафѣ Горленкѣ и Ѳеоктистѣ Мочульскомъ.

Земскiй Сборникъ Черниговск. Губ. № 3 и 4.

А. Н. Малинка. Кобзари и лирники (№ 4, стр. 60—93). Послѣ общей характеристики и историческихъ справокъ о кобзаряхъ вообще, авторъ даетъ бiографiи и перечисляетъ репертуаръ трехъ современниковъ—бандуриста Т. Пархоменка, лирниковъ Н. Дудки и Ал. Побегайла; затѣмъ приводитъ текстъ 7 №№ кобзарскаго репертуара съ библiографическими и историко-литературными примѣчанiями. Языкъ и обстановка дѣйствiя въ старинныхъ думахъ про Олексiя Поповича и Васыля Удовыченка значительно обрусѣли: украинизовалась дума чисто-великорусскаго происхожденiя «Похыщенiе Второго Александра». Въ концѣ приложены образцы тайнаго языка лирниковъ. «Народъ съ глубокимъ интересомъ слушаетъ думы, разспрашиваетъ пѣвца о разныхъ событiяхъ и лицахъ, упоминаемыхъ въ нихъ, но, къ сожалѣнiю, самъ пѣвецъ не можетъ давать надлежащихъ комментарiевъ. Желательно поэтому изданiе для народа сборника думъ съ поясненiями, необходимыми для пониманiя его содержанiя простымъ народомъ.

Въ приложенiяхъ продолжается печатанiемъ «Генеральное слѣдствiе о маетностяхъ Черниговскаго полка, 1729—30 гг.» подъ редакцiей Н. П. Василенка (стр. 321—384).

Всемiрный Вѣстникъ, № 3.

В. В. Святловскiй пр.-доц. Очерки по экономической исторiи древней Руси (стр. 1—39).—Авторъ изслѣдуетъ, главн. образ., экономическое положенiе, соцiальную дифференцiацiю и нравы жителей Кiевской Руси. Въ древней Руси господствовали тѣ же экономическiе факторы, какъ и въ западной Европѣ, и наблюдался аналогичный процессъ—распаденiя древняго натурально-хозяйственнаго уклада и переходъ къ денежному строю.

Мiръ Божiй, №№ 4 и 5.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторiи съ соцiологической точки зрѣнiя. Часть I-я Кiевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Продолженiе). Гл. 3-я. Устройство общества въ Кiевск. Руси (стр. 74—96). Въ этой главѣ рѣчь идетъ объ общественныхъ классахъ—о смердахъ (свободныхъ людяхъ) и княжеской дружинѣ—болярахъ и отрокахъ, о составѣ этихъ классовъ и ихъ правахъ—гражданскихъ и политическихъ, личныхъ и корпоративныхъ, о положенiи свободныхъ

женщинъ, о закупахъ и залогахъ и ихъ обязанностяхъ.—*Въ IV-ой главѣ* (стр. 72—106) авторъ трактуетъ о до-государственномъ бытѣ предъ приходомъ варяговъ—о верви и племени, и о политическомъ государственномъ строѣ: объ организаціи верховнаго управленія—вѣче, князь и боярская дума; объ управленіи, подчиненномъ-центральномъ и областномъ, затѣмъ, о цѣли государства—частные интересы—и о субъектѣ власти—личное государство. Въ соціологическихъ обобщеніяхъ политическій и соціальный строй сводится, гл. обр., къ экономической основѣ.

Въ библіограф. отдѣлѣ помѣщены рецензіи *М. Славинскаго*: 1—о всѣхъ брошюрахъ С.-Петербургск. «*Благотворит. Общ-ва* изд. общепол. и деш. книгъ» (№ 4, стр. 113—116); 2—о книгѣ *Д. Бантышъ-Каменскаго.—Исторія Малой Россіи*. Изд. 4-е (№ 5, стр. 102—104); рецензіи сжаты и дѣльны.

Русская Мысль, №№ 1. 2, 3 и 4.

Н. Лебедевъ. Бытъ крестьянъ и рабочихъ въ мѣстахъ посѣва свеклы. (№ 1 стр. 101—121). Авторъ трактуетъ о положеніи сельско-хозяйств. рабочихъ-украинцевъ харьковск. губ. въ экономіяхъ при сахарныхъ заводахъ; о заработной платѣ при посѣвѣ, прорывкѣ и копкѣ свеклы, о вліяніи работъ на здоровье, о болѣзняхъ и медицинской помощи, о жилищахъ и питаніи рабочихъ; въ заключеніе—о необходимыхъ улучшеніяхъ въ горькомъ положеніи рабочихъ. При обиліи статистическ. данныхъ изслѣдованіе имѣетъ строго-научный характеръ.

В. В. Каллашъ. Къ 50-лѣтію научно-литерат. дѣятельности А. Н. Пыпина (№ 4, стр. 175—179).—Эта замѣтка выясняетъ великое общественное значеніе научныхъ трудовъ А. Н. П.—по исторіи славянскихъ литературъ, русской литературы и этнографіи; въ особен. подчеркнуто отношеніе А. Н. къ національной самобытности славянскихъ народностей.

Въ журнальномъ обозрѣніи № 3-яго (стр. 257—260) данъ обстоятельный разборъ очерка С. Елпатьевскаго «Чужая красота», гдѣ нарисованъ образъ украинской дѣвушки Одарки—погибшей горничной въ богатомъ домѣ. (Очеркъ помѣщенъ во II кн. Міра Божьяго).

Вл. Каллашъ. Страничка изъ исторіи русск. народн. театра (№ 2 стр. 100—115). Во 2-ой гл. этой статьи дана характеристика

«мандрованыхъ дякивъ—пыворизивъ» по изслѣдованію П. И. Житецкаго «Мысли о нар. мал. дум.».

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены отзывы о слѣдующихъ изданіяхъ: въ № 1—о книгѣ *Соколова и Хитрова.* Старина русской земли (стр. 24), объ альбомѣ *Хмѣлевскаго* (въ Полтавѣ). Гоголь на родинѣ, (стр. 28—29) о «*Трудахъ XI-го Археологич. съѣзда въ Кіевѣ»,* (стр. 30) во 2-мъ № дана рецензія объ изданіи «*Матеріалы для исторіи* зкономич. и обществ. быта *Старой Малороссіи*», под. ред. *Н. П. Василенка.* Вып. I и II. (Стр. 65—66); въ № 3—о кн. *А. С. Лебедева.* Бѣлгородскіе архіереи. (Стр. 103) и о сборникѣ—*Викъ* (1798—1898), тт. I—III 2-е изд.» (стр. 105—106); въ № 4—о кн. *В. А. Бертенсона.* По Югу Россіи. Сельско-хозяйств. очерки Вып. IV. (Стр. 153).

Русское Богатство, №№ 3 и 4.

Н. Карышевъ. Къ началу весенняго отхода. (№ 3, стр. 103—109). Въ этой замѣткѣ говорится о бѣдственномъ положеніи отхожихъ рабочихъ въ херсонской и друг. южн. губ.; фактическ. данныя заимствованны изъ работы г. Тезякова, въ заключеніе, подчеркивается необходимость законодательной охраны, здоровья и жизни рабочихъ.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» данъ отзывъ о трудѣ *Н. И. Тезякова.* «Рынки найма сел.-хоз. рабочихъ на Югѣ» вып. 2-ой (№ 4, стр. 65—67).

Літературно-Науковий Вістник, № 5-й.

Зміст: Із поезий *Сергія Павленка*: І. Не судилось, II. З поеми: «На батьківщину», III. Епіграф.—Із поезий *Уляни Кравченко*: Спогад.—Із поезий *Ѳ Дафненка*: Вродини хліборобського сина.—Із поезий Ѳ. Д—ки.—*Арсен Рушенко*: Сестри, оповидане (кинець).—*Андрій Веретельник:* По черзі, оповидане.—*Г. Коваленко-Коломацкий*:—Фотографіи з житя новобранця: І. На словесности, II. На гимнастиці, III. По обіді й до ночи.—*А. М. Варшавський*: Божевільні, фантазия.—*Анатоль Франс*: Під новий рік, нариси: І. Новорічна казка, II. Кренкебіль.—Із поезий *Іог. В. Гете*, пер. *П. О. Куліша*: III. Рибалка.

Олександра Ефименко. Національне роздвоене в творчости Гоголя, нарис. —*Стефан Пятка.* Продукция нафти (скального олію) в

Бориславі.—*И. Ван т'Гоф.* Розвій природних наук у XIX віці—В. *Яйч.* Александер Николаевич Пипін.—Дискусиі: IV. До питаня про ество і ціну штуки, д-ра *Ивана Копача.* V. А може ще не все пропало?—*В. Доманицького* —Хроніка і бібліографія.

Русская Старина, № 4 и 5.

Н. Дубровинъ. Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ (№ 4 стр. 5—27). Здѣсь разсказана, на основаніи писемъ В. Н. Каразина, исторія его столкновенія съ А. Х. Бенкендорфомъ въ періодъ опальнаго состоянія перваго. Любопытно видѣть, какъ этотъ, обласканный было судьбою, человѣкъ попалъ въ немилость и, начиная съ 1804 года до конца своей жизни (въ 1842 г.), не могъ окончательно стать на ноги, несмотря на то, что писалъ постоянно письма разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ и даже самому государю.

Цензура въ царствованіе императора Николая I (№ 4). Въ главѣ 7-ой настоящаго изслѣдованія находимъ преинтересныхъ нѣсколько страницъ (177—181), касающихся вопросовъ о взглядахъ правительства на малорусскій языкъ въ 1843 году. Въ этомъ году кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ и министру народнаго просвѣщенія, на нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ въ пользу Польши. Изъ нихъ особенно отмѣчены были Бибиковымъ статьи Сенковскаго въ «Библіотекѣ для чтенія» по поводу «Исторіи Малороссіи» Н. Маркевича и «Михайло Чарнышенко» Кулиша. Бибиковъ возмущенъ былъ тѣмъ взглядомъ на исторію южной Руси, который характеризовалъ эту страну, какъ совершенно наново заселенную съ 13 ст. пустыню, благодаря чему въ Малороссіи и образовался языкъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ *малороссійскаго.* Глядя съ своей точки зрѣнія, генералъ-губернаторъ Бибиковъ сталъ на защиту малорусскаго народа и языка и добивался, помимо всякихъ взысканій за напечатаніе этихъ статей, еще и опроверженія ихъ въ той-же «Библіотекѣ для чтенія». Въ концѣ концовъ статья эта была, по распоряженію Бибикова, сочинена въ Кіевѣ и направлена къ министру народн. просвѣщенія для напечатанія въ «Библіот. для чтенія», что тогда-же и было исполнено. Любопытно отмѣтить здѣсь, что въ 1843 году власть усмотрѣла въ такой точкѣ зрѣнія на малорусскую народность чуть-ли не преступленіе, а пишущему эти строки пришлось лично выслушивать въ 1887 году,

тоже отъ большой власти, да еще и ученой, что-то въ родѣ вразумленія, что «вѣдь малороссійскаго языка нѣтъ совсѣмъ, что это только испорченый русскій языкъ подъ вліяніемъ польскаго» и пр.

В. В. Тимощукъ. Россія и папскій престолъ 1580—1601 г.г. Въ этой статьѣ начало 8-ой главы посвящено характеристикѣ отношеній кн. Константина Острожскаго къ Поссевину по вопросу о соединеніи церквей и о введеніи въ русскихъ областяхъ новаго календаря (стр. 214—217).

Вѣстникъ Европы, № 4.

А. В. Романовичъ-Словатинскій. Моя жизнь и академическая дѣятельность (стр. 527—566). Въ настоящей книжкѣ напечатаны 8-я и 9-я главы, описывающія пребываніе молодого профессора заграницей, и только въ концѣ 9-ой главы разсказано кратко о возвращеніи въ Кіевъ въ 1862 г.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

«Россія», т. VII. Малороссія, ц. 2 р. 50 к., изд. Девріена. Фирма Девріена продолжаетъ свое громадное предпріятіе, изданіе полнаго географическаго описанія Россіи. Въ VII-ой томъ, названный „Малороссіей", вошло описаніе, собственно говоря, только лѣво-бережной Украины: губерній Черниговской, Полтавской и Харьковской, т. е. не всей Малороссіи. Цѣль, преслѣдуемая изданіемъ—двоякая: съ одной стороны, дать научную географію нашего отечества по образцу географіи Реклю, съ другой, дать нѣчто въ родѣ рус. Бедекера.

Стремленіе сдѣлать изъ своей книги кромѣ ученой географіи, и доступный путеводитель, побудило редакторовъ описывать населенные пункты по ходу желѣзнодорожныхъ линій. Мы считаемъ это ошибкой и думаемъ, что школьное описаніе по уѣздамъ и губерніямъ было бы цѣлесообразнѣе особенно въ виду того, что къ изданію приложенъ очень подробный указатель именъ.

Къ изданію приложены прекрасная карта трехъ малороссійскихъ губерній и масса рисунковъ и фотографій, изъ которыхъ большинство очень удачны. («Южное Обозрѣніе», № 2133).

Въ 7726 № «Южнаго Края» напечатана замѣтка проф. Сумцова «Географическія неудачи г. Харькова»; здѣсь указаны болѣе характерныя изъ многочисленныхъ, мѣстами смѣхотворныхъ, ошибокъ въ описаніи Харькова въ VII т. изданія Девріена. «Россія. Полн. геогр. опис. н. отеч-а».

Г-жей Л. Д. Левитонъ переведена на украинскій языкъ извѣстная драма Гауптмана «Извозчикъ Геншель», разрѣшенная на дняхъ драматической цензурой къ представленію подъ названіемъ «Друга жинка». Другой переводъ г-жи Левитонъ на малорусскій языкъ, пьесы «Власть тьмы», съ личнаго разрѣшенія автора пьесы, къ сожалѣнію, не допущенъ къ представленію той же цензурой. („Югъ,“ 1481).

На дняхъ выйдетъ изъ печати въ Одессѣ украинскій альманахъ подъ названіемъ „Зъ надъ хмаръ и зъ долынъ“, подъ редакціей Миколи Вороного; кромѣ того, здѣсь же готовится къ печати другой альманахъ на украинскомъ же языкѣ, редакторомъ котораго называютъ молодого украинскаго писателя Липу. («С.-Петербургск. Вѣд.»), № 117.

Въ 1791 № „Приднѣпровскаго Края“ находимъ замѣтку „Какъ образовалось малорусское племя?“—пересказъ замѣтки Котовича „Пока лѣсъ шумитъ“ (см. „С.-Петерб. В.“, № 97). Здѣсь представлена схема образованія двухъ русскихъ народностей, по изслѣдованіямъ проф. Ключевскаго. Выводъ: ни великорусское, ни малорусское племя—не чистославянское. Чистаго славянина надо искать въ Волынскомъ Полѣсьѣ, которое осталось чуждымъ западно-европейскаго вліянія.

Въ 419 № «Вѣстника Юга» находимъ статью Т. Романченка «Памяти И. И. Манжуры (По поводу 10-лѣтія со дня смерти, 3/V 1893—3/V 1903 гг.»). Авторъ даетъ характеристику Манжуры, какъ этнографа, поэта и литератора, подчеркиваетъ невзгоды и лишенія его страдальческой жизни; въ заключеніе—дѣлаетъ призывъ, чтобы знакомые и почитатели нашли затерянную могилу Манжуры и замѣнили бы сгнившій крестъ хорошимъ, новымъ крестомъ, также, чтобы кто-либо изъ лицъ близко стоявшихъ къ покойному писателю, почтилъ память его болѣе обширной статьей или біографическимъ очеркомъ.

Въ 7722 № «Южнаго Края» помѣщена статья В. Кривенко «Галицкая Русь»; авторъ ополчается противъ литературныхъ и политическихъ стремленій галицкихъ украинцевъ, впрочемъ, точка зрѣнія его крайне сбивчива и неопредѣленна.

Въ газ. «Сѣверный Кавказъ» находимъ обстоятельную статью Ал. Гавриша о Н. В. Лысенко, посвященную характеристикѣ его музыкальнаго творчества.

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 75) напечатана статья В. Василенка «Еще къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка». Здѣсь авторъ дѣлаетъ предложенія о характерѣ подарка юбиляру и между прочимъ высказываетъ мысль о покупкѣ для подарка усадьбы надъ Днѣпромъ.

Въ 50 № „Сѣвернаго Кавказа» помѣщена обширныя статья Ал. Гавриша «М. Л. Кропивницкій». Въ виду предстоящаго 35-лѣтняго юбилея литературно-артистической дѣятельности Кропивницкаго, авторъ подробно перечисляетъ заслуги почтенаго юбиляра для украинскаго театра, попутно приводитъ историческія справки о тяжеломъ административномъ гнетѣ лежавщемъ на нашей сценѣ.

Въ № 44 „Сѣвернаго Кавказа“ напечатанъ разсказъ В. Д. Марковича „Шматокъ“ въ переводѣ Ал. Гавриша.

Въ „Горнозаводскомъ Листкѣ“ помѣщена статья инженера Фонякова о промышленности южной Руси. Промышленность у насъ создается и направляется исключительно иностранцами, преимущественно бельгійцами. Изъ 18-ти доменныхъ заводовъ, перечисленныхъ авторомъ, нѣтъ ни одного русскаго („Южн. Край“, № 7720).

Въ 88 № «Волыни» помѣщенъ очеркъ „Уголокъ старой Волыни“, посвященный характеристикѣ дворянъ земледѣльцевъ с. Березовки съ громкими фамиліями Тышкевичей, Чаплинскихъ и др.; эти дворяне-крестьяне представляютъ значительный этнографическій и историческій интересъ.

Въ 118 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ 92 № «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдом.», въ «Курьерѣ» и въ 7711 № «Южнаго Края» находимъ извѣстіе о предстоящемъ открытіи памятника И. П. Котляревскому.

Въ 121 № «Кіевской Газеты» находимъ сообщеніе о кобзарѣ Терентія Пархоменка; здѣсь же высказывается пожеланіе, чтобы кіевскіе хранители украинской старины постарались будущей осенью устроить концертъ лирныковъ, пѣсенниковъ и бандуристовъ.

Въ 1800 № «Приднѣпровскаго Края» помѣщена статья А. С—ого «XIII археологическій съѣздъ въ Екатеринославѣ», излагающая задачи и программу съѣзда.

«Клады и древности Херсонской губерніи». Книга первая, съ 157 рисунками. (Безплатная премія для подписчиковъ «Юга» на 1902 г.). Херсонъ, 1903 года.

Въ предисловіи авторъ объясняетъ цѣль своей книги: дать возможность всему грамотному населенію ознакомиться съ богатствами, вѣками накопившимися у насъ въ землѣ: денежными кладами и памятниками старины. При этомъ приводятся результаты поисковъ кладовъ, свѣдѣнія о кладахъ, дѣйствительно найденныхъ, и о народахъ, которымъ они принадлежали. Авторъ подробно описываетъ древнія монеты, находимыя въ почвѣ Херсонской губерніи и даетъ точныя ихъ изображенія.

Во второмъ отдѣлѣ книги изложены свѣдѣнія о древностяхъ, которыя хранятся въ могилахъ прежнихъ обитателей нашего края, указаны правила научной раскопки кургановъ и затѣмъ подробно описаны древности «киммерійской эпохи» по VII вѣкъ до Рождества Христова. Всѣ предметы, о которыхъ говорится въ этой части книги, показаны на рисункахъ. («Югъ», 1472).

Въ 1801 № «Приднѣпровск. Края» и въ 1480 № „Юга“ напечатана статья „О Днѣпровскихъ лоцманахъ“—историческій очеркъ правового и экономическаго положенія этихъ потомковъ запорожцевъ, обитателей с.с. Старые Кайдаки и Камянка.

Въ „Вѣдом. Сельск. хоз. и Пром.“ находимъ обстоятельную статью г. П. Өедоренка «О чехахъ колонистахъ дубенскаго у. Волынск. губ.», выясняющую вліяніе этихъ иноземцевъ на мѣстное населеніе, какъ учителей сельск. хозяйства.

О составленіи исторіи Кубанскаго казачьяго войска.

Въ высшемъ центральномъ войсковомъ учрежденіи возникъ вопросъ относительно составленія исторіи казачьихъ войскъ. Военный Министръ приказалъ «поспѣшить составленіемъ подробныхъ историческихъ трудовъ по каждому изъ казачьихъ войскъ, по опредѣленной программѣ о его прошломъ и затѣмъ составить по общей программѣ описаніе о настоящемъ казачьихъ войскъ».

По порученію, г-на начальника Кубанск. обл., начальникомъ войскового штаба—сдѣлано предложеніе принять на себя трудъ по составленію исторіи Кубанскаго казачьяго войска, послѣ отказа проф. Эварницкаго, принадлежащему къ сословію Кубанского войска, почетному члену Кубанскаго обл. статистическаго комитета и завѣдующему статистическимъ отдѣленіемъ воронежской губ. земской управы Өедору Андреевичу Щербинѣ, который изъявилъ согласіе принять на себя этотъ трудъ. Г. Щербина представилъ уже докладную записку Г-ну Начальнику области, въ которой изложены: во 1-хъ, организація труда по составленію исторіи войска; во 2-хъ, разработана программа этой исторіи и въ 3-хъ, опредѣленъ срокъ окончанія этого труда и смѣта расходовъ на это. Для составленія исторіи войска потребуется два года; расходовъ на составленіе и изданіе исторіи исчислено всего 26,900 руб. (Кубанск. обл. вѣд., № 101).

Въ 76 № «Волыни» напечатана историческая замѣтка «Житоміръ въ 1825 году», на основаніи описанія Ант. Гатонія, бывшаго тогда президентомъ житом. город. магистрата.

Stołyhwo, K. Czaszka z Gadomki.—Въ изданіи Wszechświat, (1903, № 15, pp. 225—227, 1 рис.) напечатана статейка; въ ней описанъ черепъ, выкопанный зъ 1888 году у деревни Гадомки или Воли, каневскаго уѣзда кіевской губерніи г. Хойновскимъ. Черепъ принадлежалъ скелету, лежавшему въ скорченномъ положеніи, безъ всякихъ

предметовъ, на глубинѣ 472 футовъ ниже основанія кургана, въ которомъ (надъ вышеупомянутымъ скелетомъ) найдено погребеніе двухъ полянъ (?) съ осѣдланными конями и съ оружіемъ. Подробныя измѣренія автора приводятъ къ выводу, что описываемый имъ черепъ принадлежитъ къ долихоцефалическимъ, низкимъ и узконосымъ (по Брока). Черепъ этотъ мужской, съ очень покатымъ лбомъ и сильно развитыми подбровными дугами; относится къ Неандертальскому типу.

Кружокъ вѣнскихъ русиновъ вмѣстѣ съ русинскимъ парламентарнымъ клубомъ и „Народнымъ Комитетомъ" основали русинскій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ—Ruthenische Revue. Журналъ будетъ трактовать только объ украинскихъ дѣлахъ, будетъ помѣщать статьи политическія, научныя и историческія,—давать біографіи виднѣйшихъ нашихъ дѣятелей и т. п. Первый номеръ вышелъ въ началѣ мая. Во второмъ № будетъ данъ краткій обзоръ украинской исторіи, и—приложена карта Украины-Руси. Важнѣйшія статьи будутъ печататься также въ переводѣ на французскій и англійскій языки. Въ журналѣ обѣщали принимать участіе всѣ виднѣйшіе писатели «украинской партіи», депутаты и учителя гимназій. Подписная цѣна—4 кор. Нужно надѣяться, что русинское общество, понимая всю важность этого изданія, окажетъ ему сильную матеріальную и нравственную поддержку, чтобы Ruthenische Revue дѣйствительно сталъ публицистическою трибуной предъ форумомъ Европы («Діло», 89).

Уполномоченный по екатеринославской губерніи попечительства государыни императрицы Маріи Ѳедоровны о глухонѣмыхъ, въ цѣляхъ усиленія средствъ на обученіе и призрѣніе глухонѣмыхъ въ екатеринославской губерніи (для устройства школъ-хуторовъ, мастерскихъ, рабочихъ домовъ и проч.) предполагаетъ выпустить сборникъ произведеній и статей на русскомъ и украинскомъ языкахъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы вырученныя отъ продажи сборника деньги употребить на организацію вышеуказанныхъ учрежденій для глухонѣмыхъ. Съ этой цѣлью уполномоченный обратился уже къ извѣстнымъ украинскимъ и русскимъ писателямъ, приглашая ихъ принять участіе въ предполагаемомъ изданіи. Несомнѣнно, что дѣло это встрѣтитъ полное сочувствіе, какъ со стороны литераторовъ, такъ и со стороны русской и

украинской интеллигенціи, и сборникъ этотъ вскорѣ разойдется. («Вѣстникъ Юга», № 401).

Въ № 24 газ. «Русланъ» др. Ярославъ Окуневскій помѣстилъ интересныя воспоминанія о М. П. Драгомановѣ, относящіяся къ 1891—1893 гг. Въ №№ 45 и 46 той же газеты начато печатаніемъ письмо въ редакцію М. Павлика, „М. Драгомановъ“, високій рівень українства, та «нова ера»,—являющееся возраженіемъ на «Замітку до згадки д-ра Я. Окуневскаго про Драгоманова», помѣщенную въ №№ 26 и 27 «Руслана».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бертенсонъ В. А. По Югу Россіи. Сельско-Хозяйств. очерки наблюденія и замѣтки. Вып. IV. Одесса.

Бодревичъ Данило, свящ. *Стежечка* в рай або майске богослуженє. Львів, 1903. стор. 144 ц. 1 кор.

Гребенка. Е. П. Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1903 г.

Деде В. Солдатики! Малюнок з селянских розрухів. 5-й вип. «Науки і Розваги». Чернівці, 1903, стор. 16.

Жерела до істориі України-Руси. Вид. археографічн. Коміс. Наук. Тов. ім. Шевченка. Том VII. Люстрация королівщин в руських землях корони з р. 1570. У Львові, 1903. II+362 стор.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. 1903, кн. II (Рік XII, т. LI). Львів. Зміст: 1) Прешбурський з'їзд в справі спадщини по Бабенбергах (причинок до істориі великого австрійского безкоролівя», написав Богдан Барвіньский.—2) «До справи хронольогічноі звязи в Галицько-волинській літописи“, нап. Михайло Грушевсякий.—3) Галицько-руська бібліографія за роки 1772—1800, подав Іван Ем. Левицький.—4) Пісенні новотвори в українсько-руській народній словесности, подав. Волод. Гнатюкъ (конець). Miscellanea. Наукова хроніка. Бібліографія.

И. П. Котляревскій. „Наталка-Полтавка“—малороссійская оперетта. Провѣренный текстъ (по изданію 1838 г. и по открытому списку 1820 г.)—подъ ред. И. Стешенка. Кіевъ, 1903 г., стр. 46, ц. 15 коп.

Корольковъ К. Златоустовская (желѣзная) церковь въ Кіевѣ. Кіевъ, 1892 г., 46 стр. Цѣна 10 коп.

Левицкий Іван Ем. Галицько-руська бібліографія за р.р 1772—1800. Відбитка з «Записок Наук. Тов. ім. Шевченка том Ш. У Львові, 1903, стор. 44.

Левицкий Іван Ем. Погляд на розвій низшого і висшого шкільництва в Галичині в р.р. 1772—1800 і розвій русско-народного шкільництва въ р.р. 1801—1820. Передрукъ з «Збірн. істор-фільософ. секцій», том V. Львів, 1903. Стор. 71.

О. И. Левицкій. Отчетъ объ осмотрѣ старинныхъ храмовъ въ г. Полтавѣ и въ мм. Багачкѣ и Шишакахъ, миргор. у. (Оттискъ изъ «Чтеній Историч. Общ. Нестора-Лѣтописца»), Кіевъ, 1903 г., 29 стр

О. И. Левицкій. Исторія одного древняго Волынскаго храма. (оттискъ изъ журнала «Кіев. Старина»). Кіевъ, 1903 г., 21 стр., ц. 15 к.

Миклашевскій И. Н. Древне-русскіе поземельные кадастры. Спб. 1903, стр. 34, ц. 40 к. (Оттискъ изъ Записокъ Импер. Акад. Наук, т. VI, № 1).

Ой, не нам в кайданах ходитц. міщаний хор і мужеский «a capella». Слова Підгірянки, муз. Кишакевича. Видан. Станислав. Бояна, ч. 10, ц. 60 сот.

Памяти Гоголя. Научно-литературный Сборникъ, изданный Историческимъ Обществомъ Нестора-Лѣтописца, подъ редакціею Н. П. Дашкевича, Кіевъ, 1902 г., 579 стр., съ 6 портретами и 5 рисунками. Цѣна 4 р. 50 коп.

Русско-Еврейскій Архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Томъ III. Документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569). С.-Петерб., 1903 г. Стр., 284. Цѣна 1 р. 50 коп.

В. Соколовъ и Хитровъ. Старина русской земли. 1. Древняя Русь. 1-я книга для чтенія по отечеств. исторіи. Изд. Думнова. Москва, 1903 г.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго Общества. Томъ 114. Юрьевъ, стр. 750, ц 3 р. Томъ 115. С-Петербургъ, стр. 567, ц. 3 р. Томъ 116. С.-Петербургъ, стр. 602, ц. 3 р.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 81-го:

апрѣль, май, іюнь, 1903 г.

Книга первая—апрѣль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая—май.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья – іюнь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.